

Лит. И. и А. Давиденко въ Кіевѣ

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

ІЮЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ I.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1864.

Дозволено цензурой. Кіевъ, сентября 10, 1864 года.

Ценсоръ **Малышевскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ПРОДОЛЖЕНІИ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ“
ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ 18$\frac{64}{65}$ ГОДУ.

Есть литературные органы, которые плавно и безмятежно катятся по извѣстнымъ четыремъ (или пяти) своимъ рельсамъ—рубрикамъ; есть литературные дѣятели, которые невозмутимо глядятъ на мелькающую предъ ними жизнь, не прерываютъ своего кейфа при всевозможныхъ диссонансахъ явленій этой жизни нормѣ бытія. Не такова участь «Вѣстника юго-западной и западной Россіи» и его дѣятелей! На долю ихъ выпала битва со всѣмъ и всѣми, что и кто рознитъ нормѣ русской вѣры и народности, святости и неприкосновенности первой, цѣлости и счастію послѣдней.

Эта, вызванная обстоятельствами исключительность направленія «Вѣстника» невольно отразилась и на тѣхъ его отдѣлахъ, которые предназначены были не для полемики, но которые дали ей пищу, или основаніе. Къ такому преобладанію въ «Вѣстникѣ» элемента полемическаго послужило накопленіе враговъ его—или точнѣе—антагонистовъ нормальнаго бытія дорогой для насъ Россіи и православія. Почти вмѣстѣ съ врагами внѣшними, взявшимися за ножи и револьверы, начали смущать разными нелѣпыми теоріями и затѣями спокойствіе южно-русскаго края и враги домашніе; нужно было

подорвать ихъ лжеученіе, разрушить ихъ замыслы. «Вѣстникъ, скажемъ безъ самохвальства, добросовѣстно исполнилъ и эту миссію и не оставилъ безъ преслѣдованія этихъ новыхъ Герценовъ даже и тогда, когда они думали было укрыться въ Галиціи и оттуда пускать стрѣлы въ сердце своей собственной матери.—Южные славяне теперь вполнѣ прозрѣли и съ презрѣніемъ отвернулись отъ теоріи и практики нашихъ хохломановъ, которыми немногіе изъ нихъ увлеклись—было на время, чисто по невѣденію.

Такимъ образомъ и другой годъ изданія «Вѣстника,» волей-не волей, вышелъ полемическимъ. Зато есть надежда, что третій годъ, къ которому онъ приступаетъ, будетъ спокойнѣй и разнообразнѣе. Политическая атмосфера замѣтно очищается отъ революціонныхъ міазмовъ различнаго качества и количества; разные *маны* постепенно вразумляются и быстро выписываются изъ патологическихъ заведеній, взглядъ на лица, вещи и отношенія дѣлается съ каждымъ днемъ свѣтлѣй и нормальнѣе; есть надежда, что скоро не только политика, но и пресса перекуютъ мечи на серпы. Во всякомъ случаѣ, *Россія* не видитъ теперь—ни въ себѣ, ни вокругъ себя такихъ враговъ, которые бы заслуживали ея вниманіе, возбуждали близкія и серьозныя опасенія.

Если надежды наши на *времена мирна и безмятежна* вполнѣ осуществятся, «Вѣстникъ» будетъ свободнѣй отъ тѣхъ случайныхъ столкновеній, на которыя вызывали его дѣятелей честь и совѣсть, долгъ русскаго гражданина и характеръ изданія, въ обратить болѣе серьозное вниманіе на I и II отдѣлы своей программы, больше озаботится исторіей, этнографіей, топографіей и статистикой западнаго края Россіи, въ области которыхъ такъ много еще пустырей, или заросшихъ терніемъ заблужденія участковъ.

Не можемъ здѣсь умолчать о не своевременномъ выходѣ книжекъ «Вѣстника,» въ которомъ его *благопріятели* хотѣли видѣть или близость его паденія, или несостоятельность редакціи—матеріальную, либо моральную. Утѣшитесь, благопріятели! Вы видите, что предсказанія—не по вашей части, что «Вѣстникъ» пробился не безъ славы и трофеевъ сквозь плотную фалангу вашу, что ваше злорадство давало только болѣе здоровю пищу для его жизни и дѣятельности. Правда, умноженіе этихъ благопріятелей

вокругъ—и около «Вѣстника» имѣло нѣкоторое вліяніе на сокращеніе друзей, на уменьшеніе его матеріальныхъ средствъ, но не всеже, не всѣмъ-же, дѣйствовать изъ за меркантильныхъ побужденій: можно иногда и пострадать нѣсколько *правды ради*, пожертвовать и своими личными интересами для интересовъ Россіи и православія. Впрочемъ и эта скудость не такъ еще ощутительна для «Вѣстника», чтобъ имѣла (какъ видите) серьозное вліяніе на прекращеніе изданія: за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадутъ; добрые люди, которыхъ не мало въ доброй Россіи, всегда выручатъ изъ крайности тѣхъ, которые честно и самоотверженно ратуютъ съ врагами нашей вѣры и народности. И запаздыванье книжекъ «Вѣстника,» какъ это было уже не разъ сказано и доказано, есть явленіе не безпримѣрное и вполнѣ *не зависящее отъ редакціи «Вѣстника»*. Впрочемъ и запаздыванье тутъ собственно-воображаемое; потому что подписчики «Вѣстника» *непремѣнно* получатъ въ теченіи года *всѣ* его книжки, такъ что развѣ только 12-я, какъ показалъ прошлогодній опытъ, выйдетъ въ половинѣ августа.[1])

«ВѢСТНИКЪ» будетъ издаваться въ 18⁶⁴/₆₅ г. по прежней программѣ, въ прежнемъ видѣ и объемѣ и на прежнихъ условіяхъ. Онъ остается вѣренъ тѣмъ же 4-мъ своимъ рубрикамъ:

Отдѣлъ 1.

Историческіе акты.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой истріи западной и юго западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводами на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ,—съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ, которые составлены на русскомъ языкѣ, и приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

---

[1]) И эту книжку мы дали скорѣе, нежели обѣщали, потому что она вышла первыхъ чиселъ августа.

Отдѣлъ II.

Очерки и расказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ, и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи западной и юго-западной Россіи,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣденіе о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ юго-западной и западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ, — опровержение вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества— и у насъ, и за границею,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ, — вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV.

Очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ странъ настоящаго быта западной и юго западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіею, — статистическія свѣденія о сихъ странахъ, археологическія разъисканія,—свѣденія о заграничныхъ— славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,—о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ юго-западной и западной Россіи,—новыя государственныя постановленія, исключительно касающіяся сихъ странъ, — хроника важнѣйшихъ происшествій въ сихъ странахъ, — извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной и юго-западной Россіи — библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти страны, — некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ, Корреспонденція. Объявленія и проч.

ВѢСТНИКЪ

выходитъ съ 1-го іюля, ежемѣсячно, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ [1]) въ редакціи журнала, на Подолѣ, въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ *г. Литова*; въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной; въ Москвѣ, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Н. Ферапонтова*, на Николаевской улицѣ, у *И. В. Базунова*, *Салаева*, *Глазунова* и другихъ столичныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

для жителей *Кіева* 6 р. 50 к., съ доставкою на квартиру 7 р. 50 к., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 р.

Гг иногордоные подписчики благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ редакцію журнала: Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи, въ Кіевѣ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору—издателю Вѣстнике **Ксен фонту Антоновичу Говорскому**, въ Кіевѣ.

Въ редакціи »**Вѣстника**« имѣется еще около 200 экз. его за $18^{62}/_{63}$ и около 300 за $18^{63}/_{64}$ годы. Желающіе выписать »Вѣстникъ за первый годъ прилагаютъ къ своимъ требованіямъ 7 р. за экз., а за второй—7 50 съ персылкою во всѣ города Россіи; а для подписчиковъ въ самомъ Кіевѣ, безъ пересылки и доставки на домъ, за первый годъ 6 р., а за второй—7 рублей.

---

[1]) Чрезъ мѣсяцъ редакція Вѣстника переносится въ Вильно, о чемъ и заявлено въ нижеслѣдующемъ объявленіи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Редакція Вѣстника юго-западной и западной Россіи симъ извѣщаетъ читающую публику, что резиденція его, *вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ*, чрезъ мѣсяцъ переносится въ Вильно, куда и проситъ подписчиковъ на Вѣстникъ обращаться со всѣми своими требованіями, адресуя ихъ просто на имя редакціи Вѣстника юго-зап. и зап. Россіи.—Редакція Вѣстника считаетъ нужнымъ оговориться, что отъ перемѣщенія ея въ Вильно не произойдетъ никакихъ измѣненій ни въ программѣ, ни въ характерѣ и направленіи изданія, ни въ условіяхъ подписки.

Для избѣжанія лишнихъ хлопотъ и расходовъ на подъемъ, редакція Вѣстника уступаетъ экземпляры этого журнала за первый (особенно интересный) годъ по 6, а за второй по 7 рублей, съ пересылкою. Эта уступка, конечно, дѣлается тѣмъ подписчикамъ, которые успѣютъ выписать Вѣстникъ еще въ Кіевѣ.

Редакторъ-издатель К. Говорскій.
Редакторъ-сотрудникъ И. Эремичъ.

I.

№ 1-й.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ЭПОХѢ УНІИ.

I.

Универсалъ короля польскаго Сигизмунда III, которымъ объявляется, что рѣшенія виленскаго трибунала, по жалобѣ виленскаго православнаго духовенства на митрополита Ипатія Поцѣя, уничтожаются [1]). 1605 г. августа 29 дня.

Жикгимонтъ третий, божью милостью король Полский, великий князь Литовский Руский, Пруский, Жомонтский Мазовецкий, Ифлянский, а Шведский кготский вандалский дедичный Король.

---

[1]) Подлинный универсалъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ при Св. Пр. Синодѣ, подъ № 22 и писанъ на обыкновенномъ листѣ писчей бумаги, красивою скорописью, по русски. Въ концѣ подлинника скрѣпа: „Левъ Сапега Канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго"—и печать княжества, оттиснутая по красно-восковой массѣ, подъ звѣздообразной бумажкой.—Перегибы листа подлинника до такой степени сгнили и разорвались, что съ трудомъ возможно только переворачивать ихъ. На оборотѣ листа помѣты. 2 . . 2.

Судямъ Головнымъ требунальскимъ такъ же врадомъ нашимъ земскимъ кгродскимъ и местскимъ Майдеборъскимъ в панъстве нашомъ векикомъ князьстве Литовскомъ всимъ вобецъ [1]) и кождому з особна кому бы одно о томъ ведать надлежало, ознаймуемъ [2]) ижъ дошла насъ ведомость отъ велебнаго в бозе отъца Гипатія Потея Архиепископа Митрополита Киевского Галицкого и всея Русии, же в року теперешнемъ тисеча шестсотъ пятомъ неякие Василей Хоревский и Петро Илиничъ, яко се они менують [3]) старостове бр(ацтва) церкви новое светого Д(уха) [4]). . . . . . . скомъ реліи Греческое позывали позвы. . . . . Виленъскими пер. . . . . . . архіепископа митрополита. . . . . книгъ кгродскихъ тр. . . . . июня двадцать семого дня учиненную зв. . . . . имого . . . . шмого брацтва церкви новое виленское светого Духа передъ судомъ све . . . . в справѣ дьякона его Анътония грековича у которого суду головного яко у неналежного тое брацтво одержали декретъ и противко особы велебности его торгнувши се на права, привилея и на звирхность ураду его [5]) его Митрополего не за позвомъ, не нароку [6]), кгдыжъ тамъ отецъ Митрополитъ Киевский позву, року, и термину жодного не мелъ, и слушне се наименованое брацтво о такий злый переводъ права на враде [7]) кгродскомъ Троцкомъ протестовалъ былъ; которие то, яко се они сами называютъс старостове братские тотъ поступокъ правный отца Митрополита Киевского ексъцесомъ [8]) назвавши и до требуналу его о то позвавше на року припалимъ въ году теперешнемъ *тисеча шестсотъ пятомъ мца августа дванадца*того дня не дбаючи ничого на обороны его,

---

[1]) Вообще. [2]) Объявляемъ. [3]) Называются.

[4]) Поставленное въ текстъ документа многоточіе, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ, означаетъ мѣста, которыхъ нельзя разобрать, по причинѣ уничтоженія ихъ въ древнихъ манускриптахъ.

Ред.

[5]) Верховную власть. [6]) Опредѣленіе, рѣшеніе. [7]) Судѣ.
[8]) Превышеніе власти (мѣры, границы).

которие онъ черезъ умоцованюго [1]) своего Захарияша Смешка вносилъ декрет суду головного трыбунальского особы его отца Митрополита одержали, якобы выймоючи зъ юриздыцыи его духовное поповъ и брацтво тое церкви новое виленъское и указуючи ему форумъ [2]) ку дохоженью [3]) справедливости з ними за границею панъства нашого въ земли неприятеля крижа светого передъ патриархою Костанътынополскимъ албо передъ якимъ–сь новымъ и неслыханымъ урадомъ екъсархою патрыяршимъ, чимъ всимъ ижъ помененые Василей Харевский и Петръ Илиничъ яко се они называють старостове братские церкви новое виленъское не толко . . . .
. . . . его митрополию з давныхъ вековъ отъ продъковъ нашихъ королей ихъ милости Полскихъ и великихъ князей литовскихъ и отъ насъ самихъ упривилеваную але што болшая — торгнули се и на звирхность нашу гдрьскую и на привилея стародавные и наши, Митрополитомъ киевскимъ наданые шукаючи собе инъшое звирхности и юриздыкцыи за границами Панства нашого в земляхъ поганъскихъ мимо нашу гдрьскую и свою духовную в панствахъ нашихъ з давна упривильевованую и правомъ посполитымъ объварованую, [4]) спротивяючи се звирхности нашой, и духовной, О што все вжо менованые Василей Харевъский и Петръ Ильиничъ передъ насъ гдра манъдатомъ [5]) нашимъ на попиранье инъстыкгатора нашого и на жалобу отца митрополита киевскаго позвани суть. Про то мы гсдръ с повинъности нашое постерегаючи того абы нихто в поволанью своемъ надъ право посполитое уймы [6]). не терпелъ, и яко урадъ духовный владзы урадомъ свецкимъ такъ судъ и врядъ светъский звирхности и враду духовного над кресъ [7]) въ праве посполитомъ замероный привлащать собе не смели, хочемъ меть и приказуемъ вамъ жебы есте таковыхъ в неналежномъ суде одержанныхъ декретовъ за слушные и моцные не приймовали и оными никому засланятьсе недопущали, а того якобы звирхность велебного в бозе отца митрополита .
. . . . ала с пилностию [8]) постерегали . . . .

[1]) Уполномоченнаго. [2]) Входъ, судъ, судебное мѣсто. [3]) Отысканью. [4]) Гарантированную. [5]) Указомъ. [6]) Убытка, обиды. [7]) Предѣлъ, черта. [8]) Усердіемъ, тщаніемъ.

. . . . их а до суду светского отосланы . .
. . . .
(пови)нъности своеи и для ласки нашое . . . .
. . . . печать . . . . въ Кракове, лета божого нароженья тисеча шестсот пятоіо мѣсяца августа двадцать девятого дня. Левъ Сапега Канцлеръ вел: княз. Литов. etc. w roku 160 piątym ten uniwersal iest pokladany na vrzendzie grodckym szosto-o dnia septembra prze de mną, Demetrim Karpienskym . . . .

На рокахъ святомихальскихъ року 605 мца октября 14 дня тотъ универсалъ есть покладанъ на вряде земскомъ отъ его милости князя ойца велебнаго Митрополита Киевского и Галицкого. Өедоръ . . . . Богданъ Минский . . . . . . Левъ Патеръ писарь.

Cassatia Dekretu Tribunalsbiego w Wilnie ferowanego przeciwko Metropolicie Pocieiowi przez popow buntownikow wyniesionego y od Razylego charzewskiego y Piotra Ilinicza starostow Brackich, ktorym Popow wyięto z władzy Metropoley y kazano na nich o sprawiedliwosci w Patryarchy Konstantynopolskiego. Ao 1605 die 20 Augusta. Religio. Wilno.

Универсалъ на остатний декретъ въ Кракове 1605, Aug 29.

Примѣчаніе редакціи. Изъ этого документа видно, что православные не только терпѣли гоненія, обиды и самоволія отъ уніатовъ, не находили защиты и правосудія въ разныхъ судахъ; но что даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда факты этихъ обидъ и насилій были такъ вопіющи, что склоняли вѣсы правосудія на сторону православныхъ, высшая власть (королевская) однимъ почеркомъ пера уничтожала рѣшенія, декреты и постановленія судебныхъ мѣстъ, состоявшіеся въ пользу праваго дѣла или православія.

11.

Указъ виленскаго земскаго суда митрополиту Ипатію Поцѣю, чтобы онъ явился на будущій генеральный сеймъ, для оправданія противъ жалобы на него виленскаго православнаго братства. 1606 г. генваря 7 дня [1]).

Жигимонт третой божю милостю корол полско, великой, князь Литовской, Руской, Пруской, Жомойтской, Мазовецкой, Ифлянтской, а Шведской, Кготской, Вандалской дедичный король, Велебному в бозѣ его милости отцу Гипатою Потсю, архиепископу митрополиту Киевскому Галицкому и всоя Руси и владыце Володимерскому и Берестейскому.

Яко се велебность ваша самъ пишеш и зовешъ, жаловали нам господару на велебность ваши шляхетне уроженые Василей Хоревский е Петръ Иличъ, земяне наши у великомъ князстве Литовском оселостями своими мешкаючие, старостове братства церковного Виленского релии Греческое стародавное под благословеннем . . . . . . у патрияхи Константинополского будучие, сами отъ себе и именем всихъ станов духовных и свецкихъ, князей, панов так шляхетного яко и местского народу людей до того братства уписных обывателей короны Полское и великого княжества Литовского будучихъ о томъ на велебность вашу, ижъ дей [2]) велебъность ваша в року прошломъ тисеча шестсотъ пятом подалъ дей еси по них мандаты два за двором

---

[1]) Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ при Св. Синодѣ, подъ № 29; писанъ на полулистѣ, неразборчивымъ связнымъ почеркомъ по русски. Въ концѣ указа замѣтны слѣды красновосковой печати, но самой печати при рукописи не находится. Подпись внизу хотя и есть, но разобрать ее нѣтъ никакой возможности, потому что бумага въ томъ мѣстѣ сгнила и мѣстами вывалилась, на оборотѣ помѣта: V . . . V.

Pozew ziemski Wilenskji na seim 6 dnia wstąpiwszy w seim.

Roku 1606 miesiąca marca 30 dnia, na seimie w Warszawie Imc. mitropolith pozwany od starost bractwa Wilenskiego.

[2]) Поговорка, иногда равносильная русскому молъ, иногда ничего не означающая.

нашим в монастыри ихъ брацскомъ зъ дворов и кгрунтов их брацких о скасованье [1]) и знесенье декретов судов наших головных трибуналных противъ правомъ, волностямъ и конституцыямъ сеймовымъ, забегаючи ихъ тыми мандатами нашими задверными въ лимитацыю [2]) справъ поточныхъ, тамъ же дей на року въ лимитацыяхъ припаломъ, не дбаючи на запозванье первей того себе отъ нихъ на сеймъ о завешенье тое справы ведлугъ права и волностей ихъ и не приймуючи скеъцепцыи [3]) ихъ въ суженью справъ лимитацыи тамъ за тыми мандаты у двору нашого на термине не належномъ право еси ку сказе декретовъ судовъ нашихъ головныхъ трибуналныхъ зъ утверженемъ юриздицыи на нихъ надъ конфедерацыю на нихъ надъ право, волности и конституцыи соймовые неслушне переведени, декрета еси наши противку ихъ не згажаючисе съ подапемъ мандатовъ нашихъ на кгурнте ихъ братскомъ одержалъ. Што все ширей и по достатку на томъ переводе права твоего и на тыхъ мандатехъ нашихъ отъ велебности вашее по нихъ в той справе вынесеныхъ описано и доложено ест. О чомъ всемъ томъ тое братство вышъ помененое такъ станъ шляхетский, яко и местский, маючи отъ велебности вашее таковый великий уразъ [4]) и нарушене правъ и волностей своихъ, хочуть о то на сейме валномъ в сем року тисеча шестсетъ шостомъ пришломъ очевисто мовити и росправовати и тые декрета в томъ переводе права твоего з себе зносити.

Прото мы гсдръ приказуемъ велебности вашой, абы есте передъ нами гсдромъ и предъ всими станы сейму належачыми тамъ где отъ насъ гсдра зложенъ и отправованъ будеть отъ почата сейму шостого дня самъ особою своею ку достаточному въ той справе з ними роспартью [5]) сталъ и в томъ се имъ на жалобу ихъ, которая вамъ отъ нихъ ширей словы преложона будеть, наконецъ усправедливилъ. А до того часу, нимъ се велебность ваша зъ ними дасть Богъ на сейме расправить, абысь за тымъ переводомъ права жадное [6]) екзекуцыи, очекиваючи [7]) разсудку нашого сеймового, на нихъ нечинилъ. Писанъ у Вильни року тисеча шестсотъ шостого, месеца генвара семого дня.

---

[1]) Уничтоженье. [2]) Ограниченіе, обмежеванье. [3]) Возраженіе. [4]) Обиду. [5]) Разсужденіе, споръ. [6]) Никакой. [7]) Ожидая.

Примѣчаніе редакціи. Настоящій документъ находится чуть-чуть не въ радикальномъ противорѣчіи съ предъидущимъ, хотя предметъ ихъ одинъ и тотъ же,—жалоба на самоправство Ипатія Поцѣя старостъ братскихъ Василія Хоревскаго и Петра Ильинича, со всѣми другими православными братчиками. Противорѣчіе это объясняется тѣмъ, что первый декретъ состоялся въ Краковѣ, послѣдній написанъ въ Вильно. Въ первомъ видна была одна только заинтересованная сторона,—Ипатія Поцѣя, въ послѣднемъ явилась предъ королемъ и другая, со всею силою очевидной правды, вопіющей обиды и праведнаго негодованія на несправедливость перваго декрета. Въ Краковѣ говорили въ пользу Ипатія Поцѣя пралаты, магнаты, всѣ; въ Вильно предъ королемъ возстало грозною корпораціей все братство, съ жалобой не на Поцѣя только, но и на рѣшеніе короля. Этотъ поворотъ дѣла былъ причиною того, что Сигизмундъ слишкомъ неловко сваливаетъ вину свою на Поцѣя. Впрочемъ тотъ допуститъ огромную ошибку, кто подумаетъ, что Сигизмундъ перенесъ на сеймовое рѣшеніе дѣло православнаго виленскаго братства въ видахъ пользы сего послѣдняго,—для отысканія юридической истины. Іезуитъ—король очень хорошо зналъ, что на сеймѣ варшавскомъ голоса братчиковъ виленскихъ будутъ голосами одинокими, вопіющими въ пустынѣ, будутъ заглушены огромною массою враждебныхъ имъ голосовъ. Составляя настоящій декретъ король долженъ былъ уступить вопіющей истинѣ и необходимости, будучи притомъ увѣренъ, что онъ непринесетъ никакой пользы православному братству.

III.

Копія выписи изъ земскихъ книгъ воеводства виленскаго, съ жалобою православнаго виленскаго братства на митрополита Поцѣя, который, какъ самъ отступилъ отъ власти патріарха и принялъ унію, такъ и другихъ понуждаетъ къ тому же. 1608 г. генваря 26 дня [1]).

Видымусъ [2]) съ книгъ справъ земъскихъ воеводства Виленъского.

Лета отъ нароженья сына божого тисеча шесть сотъ осмого, мца генваря двадцать шостого дня.

На рокахъ судовыхъ земъскихъ, о трехъ кроляхъ святе рымскомъ припалыхъ и судовне у Вилни отправованыхъ передъ нами врадниками судовыми земскими воеводства Вил нъского Яномъ Остикомъ судею, Жыкгимонтомъ Кедройтемъ, подсудькомъ а Мальхеромъ Петкевичомъ Писаромъ, постановивъшы се очевисто земенинъ [3]) господарскій повету виленъского; панъ Петръ Иличъ, покладалъ жалобу на писме отъ всего брацства церковъного виленъского светой тройцы, абы тое оповеданье до книгъ земъскихъ виленскихъ записано было, которое такъ се в собе маетъ: «Милостивне Панове судьи земъские виленъские, оповедаю се вмстямъ [4]) на его мсть отца Ипатея Потея, за моцю зуполною [5]) именемъ ихъ милости всего брацства церковъного виленъского светое Тройцы особъ духовныхъ и светскихъ правдивыхъ вызнавцовъ [6]) старожытное веры нашое повшехное каѳолическое церкви светое всходнее греческое послушеньства трону светейшого патрыархи Костантынополского обывателевъ короны полское и великого князства литовского, князей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, урядниковъ, земскихъ и кгродскихъ, всего рыцерства, шляхты и всихъ мещанъ роз-

---

[1]) Копія хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при Св. Прав. Синодѣ, подъ № 31, писана на листѣ обыкновенной писчей бумаги, связною скорописью по русски. Документъ чрезвычайно ветхъ.

[2]) Выпись. [3]) Обыватель, помѣщикъ. [4]) Вашей милости. [5]) Совершенною. [6]) Исповѣдниковъ.

ныхъ местъ его королевъское мсти и весного люду посполитого, о то, ижъ его мсть отець Ипатей за отступленемъ отъ столицы звыклое трону Константынополского патрыархи, а отданемъ намъ незвыклого людемъ релии греческое, послушенъства велебному его милости отцу папежови Рымскому въ року прошломъ тисеча пят-сотъ деветдесять шостомъ на сыноде Берестейскомъ з небощыкомъ [1]) митрополитомъ Рагозою и владыками Луцкимъ, Полоцкимъ, Пинскимъ и Хелмъскимъ декретомъ отъ екъсархи трону патрыархи Костантынопольского стану своего духовъного обножоный [2]) и отъ церкви светое восточное отлучоный будучы, што декретомъ патрыархи церкви въсходнее ижъ ихъ мсть яко отступниковъ стану духовъного обнажоныхъ и отъ церквей светыхъ водлугъ канонов светыхъ богоносныхъ отецъ и семи вселенъскихъ соборовъ отлучоныхъ свержоно а декретами трыбуналскими объяснено естъ, яко о томъ шырей, тые декреты светчать [3]). А ведаючы добре о томъ, ижъ митрополитъ Киевъский, Галицкий и вси владыкове въ панъствахъ его королевъское мсти, короне полской и великомъ князъстве Литовъскомъ подъ благославениемъ патрыархи Костантынопольского почавъшы отъ великого князя Володымера который рускую землю окрестилъ ажъ до того часу отъ королей ихъ милости и великихъ князей Литовъскихъ завъжды [4]) намъ подаваны были, што се ясне показало и за щасливаго панованья его королевъское мсти пана нашого млстивого теперь намъ пануючого в прыездье до панствъ его королевъское милости небощыка отьца Иеремея патрыархи Костантынопольского, который небощыка Онисифора Девочку з митрополии зложылъ, а Рагозу поставилъ. Предъ сежъ его милости отець Ипатей на то все ничого не дбаючы, не только абы владыцъство володымерьское и Берестейское пустити мелъ, и зневажывъшы вси права духовъные и светъские прывилья, констытуции, статуты и присягу королей ихъ милости которою всимъ заровно вольности варовано [5]), перескочывъшы отцы светыми замероные границы скоро по смерьти небощыка Михала Рагозы тую столицу митрополью киевъскую галицькую и всея Руси и церкви надъ право и вольности нашы старожытные подъ благо-

[1]) Покойникомъ. [2]) Лишенный. [3]) Свидѣтельствуютъ. [4]) Всегда. [5]) Даровано.

словеньство отца папежа рымъского намъ людемъ подъ благословеньствомъ трону константынопольского патрыархи будучымъ неналежъного пастыра прывлащаючы усилуеть и што се его милости подобаеть то чынить, зачымъ намъ всимъ хрестиямомъ послушеньства светейшого патрыархи зо всихъ меръ тое стародавъное вольности нашое зажывать не допускаеть, за которою мешаниною [1]) его милости власныхъ пастыровъ своихъ, митрополита и владыковъ и всякого стану духовъного, водлугъ правилъ светыхъ богоносныхъ отецъ подъ благословеньствомъ светейшого патрыярхи мети не можемъ, а наветъ и тутъ до вильна его милость недавъно приехавъшы, наступуючы на вси права и вольности нашы братьские духовъные и светъские, а умысльне звирхность патрыархи Костантынопольского псуючы [2]), людъ народу росийского в пастырство новое его мсть отца папежа рымьского неналежьное и себе за власного митрополита впровадить [3]) хотечы, брацьство якоесь новое пры церькви светое Тройцы заложылъ, што ижъ се намъ людямъ веры старожытъное греческое противъко всимъ правамъ, свободамъ, вольностямъ нашымъ деетъ [4]), прото они постерегаючы [5]) того абы его мсть за тымъ новымъ брацьствомъ, отъ себе теперь недавъно заложонымъ митропольи Киевъское собе неналежъное не натегалъ и подъ звирхность велебъного его милости отца Папежа рымьского пастыра намъ незвыклого не прымушалъ [6]) хотечы зъ его милостью и съ кажъдымъ таковымъ который бы до таковыхъ всихъ правъ его милости помочнымъ былъ у кожъдого суду и права духовъного и светъского где право посполитое дорогу укажеть мовити и тое жалобы своее шырей и достаточней попирать [7]) и для того тое оповеданье и жалобу до книгъ ку записанью подалъ, што естъ записано, С которыхъ и сесь видымусъ подъ печатьми нашыми врадовыми стороне потребуючой естъ выданъ. Писанъ у Вильни.

---

[1]) Запутанностью. [2]) Ниспровергая, нарушая. [3]) Сдѣлать. [4]) Дѣлаетъ. [5]) Замѣтивши. [6]) Не принуждалъ. [7]) Защищать, излагать.

IV.

Выпись изъ виленскихъ градскихъ книгъ, въ которой изъяснена жалоба виленскихъ православныхъ мѣщанъ и другихъ лицъ на королевскаго дворянина Ивана (Яна) Буйвила, войта епископіи виленской, за то, что онъ незаконно передалъ православный монастырь св. Троицы Іосифу Вельямину Рутскому. 1609 г. марта 19 дня [1]).

Выдымусъ съ книгъ кгродскихъ враду воеводства Виленского.

Лета отъ нароженья сына Божого тисеча шестсотъ девятого, мца марца деветнадцатого дня.

На враде его королевское милости кгродскомъ воеводства Виленского передо мною Деметрымъ Карпемъ, секретаромъ его королевское милости, наместъникомъ Виленскимъ, постановившысе очевисто [2]) обыватели места его королевское милости Виленского найме [3]) панъ Иванъ Тупека и панъ Изакъ Кононовичъ, райцы рочные, а панъ Петръ Копътевичъ, панъ Костентынъ Остаповичъ, панъ Семенъ Красовскій и панъ Прокопъ Королковичъ, мещане и купъцы места гедрьского Виленского, сами и именемъ другихъ ихъ милости пановъ бурмистровъ, радецъ, лавниковъ и чоловека посполитого местъского реліи Кгрецкое, оповедали и обтяжливе жаловали на его милости пана Яна Буйвила, войта бискупъства Виленьского, о томъ, ижъ што они панове бурмистрове и вся рада лавицы Руское съ чоловекомъ посполитымъ мейстскимъ реліи Кгрецкое мають права и прывилея на церковъ и манастыръ светое Тройцы Руской Виленской отъ королей ихъ милости Полскихъ и важнихъ князей Литовъскихъ и теперъ щастливе намъ панукочого короля его милости, пана нашого милостивого, такъ ижъ безъ воли и

---

[1]) Подлинная выпись хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при Св. Пр. Синодѣ, подъ N 39; писана на полулистѣ обыкновенной писчей бумаги, мелкою связною скорописью по русски. Въ концѣ рукописи приложена печать, оттиснутая на бѣлой мастикѣ подъ бумажкою; на оборотѣ листа помѣта: V.

[2]) Лично. [3]) Именно.

ведомости, позволеня ихъ, жаденъ[1] архимандрытъ тое церкви и монастыра светое Тройцы заеждчати и въ моцы а держанью своемъ мети не можеть. Протес который дей то правамъ и волностямъ ихъ онъ Буйвилъ на подане въ моцъ и въ держане тое церкви и манастыра светое Тройцы и добръку намъ належачыхъ его милости ксендзу Иосифу Вилямину Рутскому нетъ ведома за якимъ правомъ зъехавшы и не справившыся водлугъ науки права посполитого, не давшы обвещаня [1]) и жадное ведомости имъ врадови местскому лавицы Руское, яко ктиторомъ того манастыра, и не дъбаючы [2]) на то, же мменемъ ихъ всехъ особы верху мененые озываючыся съ правомъ и прывилеями своими, увязанья въ тую церковъ и монастыръ светое Троицы ему ксендзу Рутскому не поступовали и боронили тую церковъ и монастыръ светое Троицы зо всеми добрами къ нему належачыми, ему ксендзу Рутскому въ моць и держанье пры одномъ якобы возномъ и чотырохъ шляхтичовъ подати мелъ. Въ чомъ они собе не малую крывду и шкоду быть менечы [3]) и правне [4]) о то зъ нимъ паномъ Буйвиломъ чынить хотечы, просили, абы тое оповеданье и жалоба ихъ до книгъ кгродскихъ Виленскихъ записано было.

Што естъ записано, съ которыхъ и сесь [5]) видымусъ подъ моею печатью его милости велебному въ бозе отцу Иосифу Рутскому, архиманъдрыту Виленскому, естъ выданъ. Писанъ у Вилни.

Лукашъ Высовскій, писарь Корыкговалъ Z. Ярскій m. p.

Vidimus opowiadania na dworzanina K, J. m. od mieszczan Wiln. o vwiązanie y podanie monastyra Wilenskiego oycu Ruckiemu. Anno 1609, die 19 Mart.

Religio, Wilno.

---

[1]) Увѣдомленія. [2]) Но заботясь. [3]) Почитая, находя. [4]) Законно. [5]) Сей.

V.

Письмо короля польскаго Сигизмунда III къ новогрудскому воеводѣ Өеодору Скумину, чтобы онъ усмирилъ возстающихъ, противъ митрополита Ипатія Поцѣя протопоповъ гроденскаго и новогрудскаго воеводствъ съ подвластнымъ имъ духовенствомъ. 1609 г. апрѣля 25 дня [1]).

Жикгимонтъ третий божъю милостью король Польский великий князь Литовский Руский Пруский Жомоитский Мазовецъкий Ифлянтский а Шведский Кготский Вандалский дедичный король.

Воеводѣ Новгородскому старосте нашому Городеньскому и Олитъскому вельможному Теодору Тишкевичу скумину, далъ намъ справу и обътяжливе жаловалъ велебный отець Ипатей Потей митрополитъ Киевъский Галицъкий и всея Руси, ижъ протопопа Новгородский с попами церквей Новгородскихъ, такъ же протопопа Городеньский с попами Городѣньскими збунтовавъши и порозумевши се с попами виленъскими, и з братчиками церкви новое виленьское безъ всякое причины противъ него старшого пастыра своего повъстали и послушеньство звыклое ему выповедили, а сами собе владзу и справу въ церквяхъ божихъ неслушне [2]) привлашчати [3]) важетьсе, [4]) што ижъ естъ з образою [5]) божою негодно противъ правиламъ церковнымъ владзы и старшого преложоного [6]) пастыра ихъ велебъного архиепископа, але [7]) противъ самое звираности [8]) нашое гсдрское кгдыжъ намъ подаване, и оборона церквей божыхъ належитъ, и противъ привильевъ продковъ нашыхъ светобливое [9]) памети королей ихъ мсти польскихъ и великихъ князей литовскихъ, архиепископомъ митрополитомъ Киевскимъ здавъна на-

---

[1]) Подлинникъ писанъ на обыкновенномъ листѣ писчей бумаги, красивою скорописью по русски, и хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. Прав. Синодѣ подъ № 42. Въ концѣ рукописи собственноручная подпись короля „Sigismundus Rex“ и скрѣпа „Яна Соколинскаго писаря,“—ниже ея приложена бывшая королевская печать, оттиснутая между листами рукописи, на красно-восковой массѣ.—Середина письма на перегибѣ вырвана, а потому нѣкоторыя мѣста дополнены по смыслу.

Ниже печати, наконцѣ листа, надпись, на оборотѣ листа адресъ.

[2]) Незаконно. [3]) Присвоивши. [4]) Осмѣливаются. [5]) Съ обидою, оскорбленіемъ. [6]) Начальника. [7]) Но. [8]) Власти. [9]) Блаженной.

даныхъ и отъ насъ гдра стверженыхъ, где старшеньство владза и порадокъ во всихъ церквяхъ греческихъ в паньствахъ нашихъ велебному архиепископу дана и варована есть, и тежъ противъ констытуцыи на сойме вальномъ [1]) варшавскомъ близко прошломъ ураленой, которая кожъдого пастыра в релии греческой владзу и врадъ вцале непорушне заховуетъ. [2]) Прото хочемъ мсти и приказуемъ твоей мсти абы еси моцью звирхности нашое гдръское в староствахъ и державахъ своихъ в Новагородку и в Городке пильне [3]) того постерегалъ и постерегати велелъ, якобы тамъ подъ шчасливымъ панованьемъ нашимъ, черезъ таковые попы люди свовольные бунъты розрухи противенство звирхности нашой гдрьской а уйма [4]) владзы и преложеньства велебного архиепископа митрополита Киевъского, яко старшого преложоного в духовенстве греческомъ отъ насъ поданого, и порадне постановленого, никоторая не деела се, и вшеляку на то помоць велебному архиепископу давалъ, ижъ бы владзою преложеньства его тые ему непослушные попы водлугъ правилъ церковныхъ отъ такое (сво)воли повъстягнены и погамованы [5]) были, альбо жебы на местце непослушныхъ тые свешченъники которыхъ бы онъ хвале божой пожиточныхъ и потребныхъ быть виделъ и до тыхъ тамъ церквей назначилъ, и подалъ въ послушенстве его порадъкомъ и обрадомъ старожытными греческими хвала божая отправована была, а иначей в: милость учинишъ с повинности своее и для ласки нашое. Писанъ у Кракове, лета божого нароженья 1609 мца апреля двадцать пятого дня.

Sigismundus Rex.

Янъ Соколинъский писарь.

do pana woiewody Nowogrodzkiego o rozruchi Ruskie w Grodnie u w Nowogrodku.

List do p. woiewody Nowogrodskiego krolewsky o rozruchi u grodnie i Nowogrodku.

Ao 1625 Aprilis 9 na popow Nowogrodskich y Grodzęskich że wzieli ligę z popami.

---

[1]) Главномъ. [2]) Неприкосновенно сохраняетъ. [3]) Строго, бдительно. [4]) Ущербъ. [5]) Удержаны и усмирены.

Примѣчаніе. Всѣ эти документы копировалъ и свѣрялъ съ подлинниками помощникъ синодальнаго архиваріуса **Н. Григоровичъ.**

II.

ГЕДЕОНЪ БАЛАБАНЪ,

епископъ львовскій.

(Біографическій очеркъ).

Гедеонъ, православный епископъ львовскій, галицкій и Каменца-подольскаго, экзархъ кіевской митрополіи, происходилъ изъ богатаго рода Балабановъ, западно-русскихъ дворянъ, герба Корчакъ [1]). По недостатку свѣдѣній, мы не можемъ опредѣлить ни времени рожденія Гедеона, ни мѣста его образованія [2]).

[1]) Неизвѣстно, на какомъ основаніи Жегота считаетъ предковъ Гедеона выходцами изъ Албаніи (Starożytnosci Galicyiskie, стр. 41). Нѣсецкій смѣшиваетъ фамилію Гедеона съ фамиліею Балабановъ, купцовъ греческихъ, выходцевъ изъ острова Крита. По свидѣтельству Зубрицкаго, Александръ Балабанъ получилъ дворянское достоинство, только въ 1676 году, тогда какъ предки Гедеона въ началѣ XV вѣка пользовались уже правами дворянства. Изъ фамиліи Гедеона происходилъ, по свидѣтельству Зубрицкаго, и Діонисій Балабанъ, бывшій въ послѣдствіи времени митрополитомъ кіевскимъ (Kron. miasta Lwowa. Zubrz. стр. 171).

[2]) Что Гедеонъ получилъ научное образованіе, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Митрополитъ Михаилъ Рагоза, отъ лица собора западно-русскаго духовенства, поручаетъ Гедеону исправленіе требника (какъ говорится въ предисловіи къ этому требнику, изданному

Юношескія лѣта Григорій (такъ назывался Гедеонъ до вступленія въ монашество), по примѣру предковъ своихъ, занимавшихъ уже въ началѣ XV вѣка почетныя должности въ войскѣ литовскаго князя Свидригайла,—провелъ въ военной службѣ. Скоро, впрочемъ, вѣроятно, по совѣту отца своего Арсенія, епископа львовскаго, оставивъ военное званіе, Григорій принялъ монашескій санъ съ именемъ Гедеона. Неизвѣстно, какъ долго находился Гедеонъ при отцѣ своемъ со времени вступленія въ духовное званіе, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ, имѣя отъ природы прекрасныя способности, могъ въ короткое время вполнѣ познакомиться съ обязанностями многотруднаго служенія пастырскаго. Извѣстно только, что Арсеній, еще при жизни своей, въ 1566 году, исходатайствовалъ Гедеону у польскаго короля Сигизмунда Августа привиллегію на епископію львовскую. По смерти Арсенія, послѣдовавшей въ концѣ 1568, или началѣ 1569 года, Гедеонъ, въ слѣдствіе королевской привиллегіи, рукоположенъ былъ, въ 1569 году, въ санъ епископа бывшимъ въ то время кіевскимъ митрополитомъ Іоною Протасовичемъ [1]). Но львовскій латинскій архіепископъ, тотъ часъ по смерти Арсенія, представилъ польскому королю на православную епископію львовскую другаго кандидата,—львовскаго шляхтича Ивана Лопатку—Осталовскаго [2]). Король, оставивъ безъ вниманія привиллегію, данную прежде Гедеону, утвердилъ Лопатку, съ строгимъ повелѣніемъ старостамъ—львовскому и галицкому—немедленно ввести его въ управленіе львовскою

въ Стрятинѣ въ 1606 году). Жегота говоритъ, что Гедеонъ, wyzszemi zdolnosciami obdarzony, nauki pielęgnował. Dawał wsparcie mężom uczonym i na dworze swoim sławnego mnicha Pamvo Beryndę biegłego w różnych językach, awtora słównica sławińsko-ruskiego, utrzymywał. (Staroż. Galic. Zegoty, str. 43). Можетъ быть, по обычаю того времени, онъ воспитанъ былъ въ краковской академіи (См. Kronika miasta Lwowa, стр. 187).

[1]) Описан. кіево-Соф. собор. стр. 118.

[2]) Право—представлять кандидатовъ на православную епископію львовскую католическій архіепископъ львовскій получилъ въ 1509 году отъ польскаго короля Сигизмунда I. (См. Suppl. ad. Hist. monum. Russ. pag. 137).

епархiею,—что и было исполнено. Обиженному, такимъ образомъ, Гедеону оставалось рѣшить споръ съ Лопаткою судебнымъ порядкомъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ тяжба кончилась по этому дѣлу, Лопатка умеръ, въ концѣ 1575, или началѣ 1576 года, а Гедеонъ, по прежней королевской привиллегiи, даже безъ представленiя латинскаго львовскаго архiепископа, занялъ вторично [1]) епископскую каѳедру въ Львовѣ, въ 1576 году, и не оставлялъ ее до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1607 году [2]).

Время пастырскаго служенiя Гедеона было самое опасное для благосостоянiя православной западно-русской церкви. Невѣжество и грубость духовенства и мiрянъ было причиною всеобщей испорченности нравовъ и самыхъ грубыхъ заблужденiй въ дѣлѣ вѣры. Съ другой стороны, неусыпное стремленiе iезуитовъ къ обращенiю западно-русскихъ христiанъ въ латинство, или по крайней мѣрѣ, къ подчиненiю ихъ верховной власти римскаго первосвященника, обнаруживалось съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. То и другое обстоятельство требовало особенной бдительности отъ представителей западно-русской православной церкви. Гедеонъ вполнѣ сознавалъ этотъ священный долгъ своего служенiя и, какъ ревностный пастырь, искореняя внутреннiя нестроенiя и противныя православной вѣрѣ предразсудки своей паствы, въ тоже время охранялъ ее отъ гибельнаго влiянiя католицизма. Въ 1596 году обнародована была унiя, подвергшая западную Русь всѣмъ ужасамъ папской пропаганды. Здѣсь-то преимущественно является Гедеонъ, какъ сильнѣйшiй и ревностнѣйшiй защитникъ православной церкви, устоявшiй противъ всѣхъ козней злобныхъ враговъ православiя—унiатовъ и польскихъ р. католиковъ, и отразившiй отъ своей паствы гибельное, по своимъ слѣдствiямъ, введенiе унiи. Во всѣхъ этихъ отношенiяхъ Гедеонъ, епископъ львовскiй, вполнѣ

[1]) Во время занятiя епископiи львовской Лопаткою, Гедеонъ жилъ въ родовомъ имѣнiи своемъ—мѣстечкѣ Стрятинѣ.

[2]) Kron. miasta Lwowa Zubrzyckiego, стр. 170, 199, 191. Starożytności Galicyiskie Żegoty, стр. 41 и 42.

заслуживаетъ вниманіе каждаго истинно вѣрнаго сына церкви православной.

Тридцатилѣтняя пастырская дѣятельность Гедеона, епископа львовскаго, опредѣляется современнымъ состояніемъ православной церкви въ Галиціи. Поэтому, прежде разсмотрѣнія пастырской дѣятельности Гедеона, обратимъ вниманіе на состояніе православной церкви въ Галиціи.

Церковь православная въ Галиціи, со времени подчиненія этой страны власти иноземной, находилась въ крайне-бѣдственномъ положеніи отъ внутреннихъ безпорядковъ и нестроеній іерархическихъ, происходившихъ главнымъ образомъ отъ вліянія на страну польскаго правительства и духовенства.

По смерти Юрія, послѣдняго князя галицкаго, коимъ пресѣкся знаменитый домъ Романа Волынскаго, галичане, около 1336 года, поддались единовѣрному имъ мазовецному князю Болеславу—съ условіемъ, чтобъ онъ не нарушалъ ни гражданскихъ, ни іерархическихъ правъ ихъ. Но вскорѣ, принявъ латинство, онъ началъ принуждать къ тому и подданныхъ, пока не лишенъ былъ ими жизни. По смерти его, Галиція подпала подъ власть польскаго короля Казимира, въ 1340 году, на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ была и подъ Болеславомъ. Новый властитель не только не исполнилъ данныхъ галичанамъ условій, а напротивъ открыто началъ гнать православную вѣру, вездѣ поселяя между русскими католиковъ, преслѣдуя духовенство и обращая православныя церкви въ латинскіе костелы [1]). Около этого времени прекратился рядъ православныхъ іерарховъ галицкихъ, и папа Урбанъ, по просьбѣ Казимира, учредилъ 1361 году, на мѣсто православной епископіи галицкой, латинскую архіепископію [2]). При преемникѣ Казимира Людо-

---

[1]) Kron. miasta Lwow. Zubrzyc. стр. 31.

[2]) Въ челобитной галицко-русскаго и подольскаго православнаго духовенства и дворянъ кіевскому митрополиту Макарію о посвященіи въ епископскій санъ Макарія Тучанскаго, говорится: „якожъ ваша милость господинъ нашъ добрѣ знаешъ, ижъ тотъ столецъ (каѳедра) галицкій былъ загинулъ отъ колька сотъ лѣтъ, и на томъ столци.галицкомъ, учинено есть арцибискупство латинское: которыи были мѣста въ Галичу, то все отобрали и на томъ фундовали арци-

викѣ, королѣ венгерскомъ, папа Григорій XI, въ 1375 г. подтвердилъ это постановленіе и предоставилъ галицкому архіепископу права митрополита [1]). Съ этого времени православная галицкая іерархія начала приходить въ совершенный упадокъ; между тѣмъ митрополиты кіевскіе и всея Руси, жившіе въ это время въ Москвѣ, потомъ по раздѣленіи россійской іерархіи, въ Вильнѣ, Новгородѣ и Кіевѣ, не могли имѣть вліянія па Русь галицкую, находившуюся подъ владычествомъ польскихъ королей. По той же причинѣ и галицкая православная церковь не могла сохранить тѣснаго единенія съ единовѣрною ей церковію литовско-русскою. При такихъ обстоятельствахъ, церковь галицкая подверглась многимъ безпорядкамъ въ іерархіи и неустройству во всѣхъ частяхъ своихъ. Лица свѣтскія, помѣщики и мѣстные старосты, завѣдывавшіе извѣстными округами, начали распоряжаться духовенствомъ по своему произволу. Имѣнія, принадлежавшія прежде епископу галицкому, были или присвояемы ими себѣ, или отдаваемы въ аренду, или же продаваемы [2]). Приходы раздаваемы были тѣмъ лицамъ, которые

бискупство." (Акт. Зап. Рос. т. II. № 198). Такимъ образомъ православная церковь галицкая оставалась безъ высшей іерархической власти около двухъ столѣтій. Въ 1414 году присутствовалъ на соборѣ, созванномъ княземъ Витовтомъ въ Новгородѣ-литовскомъ, для избранія въ митрополита кіевскаго Григорія Цамблака, нѣкто Іоаннъ епископъ галицкій. (См. ист. цер. Мур. стр. 87). Но достовѣрно не извѣстно пользовался ли онъ правами епископскими въ Галиціи, или былъ только титулярный епископъ.

[1]) Kron. Zubr. стр. 39, 44.

[2]) Такъ, въ 1458 году, Станиславъ Ходечъ, староста галицкій, отдалъ въ откупъ села: Крилосъ, Подгродье и Благовѣщенье нѣкоторому „Nobili Romano de ostalowice in tutoriam alias odiekadnictwo," предоставивъ ему не только право пользоваться всѣми доходами изъ этихъ селъ, но и духовную власть надъ священниками, sum omni jure et poenis spiritualium, quac ab antiquo adjacere et pertinere alias na Metropolita, ac etiam cum morderibus de Poponis Districtus haliciensis ab antiquo super Metropolitam exiquendis annis singulis.... et omnes Popones sub Monasterio Krytos degentes non

по чему либо выслуживали ихъ расположенность, или давали крупную взятку. Вовсе почти необращаемо было вниманія, къ какому сословію принадлежалъ и какой нравственности былъ избираемый въ пастырскій санъ и другія церковныя должности. Поэтому, между искателями пастырскаго сана являлись лица изъ всѣхъ сословій и, большею частію, такія, которыя вовсе не способны были къ пастырскому служенію ни по своимъ умственнымъ, ни нравственнымъ качествамъ. Отправляемые для рукоположенія въ Молдавію, такіе кандидаты священства принимали пастырскій санъ безъ всякаго испытанія и, возвращаясь на свои приходы, безъ всякаго понятія объ обязанностяхъ не только пастырскихъ, но даже и христіанскихъ, не имѣли никакого попеченія о спасеніи ввѣренной имъ паствы. Очевидно, что при столь жалкомъ состояніи іерархіи галицкой, страдали чистота ученія, благочестіе христіанское и Богослуженіе. Не только простые міряне, но и пастыри вовсе не заботились о познаніи истинъ вѣры Христовой; а предразсудки и суевѣрія помрачали чистоту и тѣхъ истинъ, какія переходили преемственно отъ отца къ дѣтямъ [1]). Еще въ худшемъ состояніи было нравственное состояніе православныхъ въ Галиціи. Священники, вопреки правиламъ церкви, вступали во второй бракъ [2]), позволяли себѣ непозволительныя духовному сану увеселенія и занятія [3]). Въ богослужебныя книги, которыя, большею частію, были рукописныя, вкралось множество ошибокъ отъ невѣжества переписчиковъ, а отсюда и въ самое богослуженіе — множество неисправностей.

Такое бѣдственное положеніе церкви православной въ Галиціи, еще болѣе увеличивалось отъ пропаганды римскаго духовенства. Главною цѣлію учрежденія въ Львовѣ латинской архіепископіи было обращеніе русскихъ христіанъ въ латинство. Но такъ какъ средствомъ къ обращенію употребляемо было, большею частію, угнетеніе, то успѣхъ былъ не великъ: гоне-

---

Coram alio, nisi ipso Nobili Romano pro omnibus excessibus in judicio spirituali respondere tenebnntur et caet. (Kron. Zubr. стр 160).

[1]) Палинодія Захар. копыстенс. ч. 3, разд. 2. арт. 2 лист. 1010. Акт. Запад. Росс. т. IV, стр. 205. [2]) Акт. Зап. Росс. т. IV. № 29. [3]) Палинод. ч. 3. разд. 2. лист. 1010.

дія произвели въ русскихъ ненависть къ притѣснителямъ и вѣроисповѣданію ихъ. Только немногіе изъ православныхъ, или по незнанію существеннаго различія своего отъ римскаго вѣроисповѣданія, или по житейскимъ расчетамъ, переходили въ латинство. Для расширенія и усиленія своей власти надъ православными, львовскій архіепископъ Бернардъ Вильчкъ, въ 1509 году исходатайствовалъ у польскаго короля, какъ себѣ, такъ и своимъ преемникамъ, право избирать окружныхъ намѣстниковъ, начальниковъ надъ православнымъ духовенствомъ, столь же незаконно принадлежавшее прежде галицкимъ старостамъ [1]. Хотя вмѣшательство это и произвело не малыя смуты въ іерархіи галицкой, однако не соотвѣтствовало ожиданію папистовъ [2]. Въ 1591 году, явились, по распоряженію архіепископа Соликовскаго, въ Львовѣ, іезуиты, и такъ же, какъ и въ другихъ областяхъ польскихъ, гдѣ только жили русскіе, начали употреблять всѣ усилія, если не къ обращенію ихъ въ латинство, то по крайней мѣрѣ, къ соединенію съ римскою церковію. Дѣятельная пропаганда и хитрая политика іезуитовъ увѣнчались наконецъ желаннымъ успѣхомъ. Въ 1596 году, въ Брестѣ-Литовскомъ, обнародована была унія, поборники которой, руководимые іезуитами и поддерживаемые польскимъ правительствомъ, открыто начали проповѣдывать унію и принуждать народъ русскій, самыми насильственными мѣрами, къ принятію ея.

Таково было современное Гедеону состояніе православной церкви въ Галиціи: въ ея пастыряхъ и пасомыхъ, въ ея ученіи и богослуженіи, въ ея отношеніяхъ къ римскому духовенству и уніатамъ.

Сообразно съ этими обстоятельствами православной церкви разсмотримъ:

1). Дѣятельность Гедеона, епископа львовскаго, въ пользу православной галицкой церкви въ отношеніи къ внутреннему ея состоянію, при угрожающей ей опасности отвнѣ, со стороны

---

1) Kron. Zubr. стр. 161.

2) Первый же намѣстникъ галицкій архимандритъ Іоакимъ Гдашицкій, избранный Вильчкомъ, возсталъ противъ него и латинской пропаганды. Въ самое короткое время Гдашицкій успѣлъ возвратить на лоно православной церкви множество русиновъ, по принужденію принявшихъ прежде латинство. (Kron. Zubr. стр. 161—163.

римскаго духовенства. II). Противодѣйствіе его введенію унія въ западной Россіи вообще и особенно въ Галиціи.

I.

Прежде всего Гедеону предлежалъ трудъ установить іерархическій порядокъ въ своей епархіи,—уничтожить вмѣшательство въ дѣла іерархическія лицъ мірскихъ, хотя бы и православныхъ, и латинскаго львовскаго архіепископа. Съ той и другой стороны онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе, и борьба его, увѣнчанная полнымъ успѣхомъ съ одной стороны, съ другой—не достигла предположенной цѣли и сопровождалась не благопріятными слѣдствіями, какъ для самаго Гедеона, такъ и православія юго-западной Россіи.

Борьба съ львовскимъ, латинскимъ архіепископомъ, по случаю незаконнаго вмѣшательства его въ управленіе львовскою православною епархіею, начатая прежде учрежденія львовской православной епископіи, около 1523 года, архимандритомъ Іоакимомъ, намѣстникомъ галицкимъ, [1]) и продолжавшаяся съ перемѣннымъ счастіемъ при архимандритѣ Макаріѣ Тучапскомъ, рукоположенномъ, въ 1539 году, въ епископа львовскаго, [2]) потомъ при Арсеніи Болобанѣ, епископѣ львовскомъ,—[3]) съ большею силою возобновлена была при Гедеонѣ, въ первый годъ (1569 г.) вступленія его на епископскую каѳедру. Предметомъ борьбы Гедеона съ львовскимъ архіепископомъ Станиславомъ Шломовскимъ было не законное присвоеніе послѣднимъ, (по примѣру своихъ предшественниковъ) права избранія православнаго львовскаго епископа, въ силу котораго Іоаннъ Лопатка—Осталовскій получилъ львовскую епископію. Тяжба Гедеона съ Шломовскимъ, продолжавшаяся около семи лѣтъ (съ 1569 по 1575 г.), была однакожъ безуспѣшна, такъ что онъ только по смерти Шломовскаго и Лопатки могъ безпрепятственно получить львовскую епископію. [4]) Продолжался ли споръ между Гедео—

---

[1]) Kron. Zubrz. стр. 161. [2]) Тамъ же стр. 163.

[3]) Тамъ же стр. 171, 173 и 191. [4]) Смотри выше предварительныя свѣденія о жизни Гедеона.

номъ и преемникомъ Шломовскаго Яномъ Сѣнинскимъ о независимости православнаго львовскаго епископа, или нѣтъ,—неизвѣстно. Янъ—Димитрій Соликовскій, получивши, по смерти Сѣнинскаго, львовскую архіепископію (1583 г.) тотъ-часъ же приступилъ къ возобновленію незаконныхъ притязаній на подчиненіе себѣ православнаго епископа львовскаго. Замѣтивъ въ Гедеонѣ непоколебимую преданность православію и упругость характера, и не надѣясь, поэтому, преклонить его на свою сторону, Соликовскій сдѣлалъ позывъ, въ которомъ жаловался, что Гедеонъ, безъ представленія львовскаго архіепископа, самовольно вступивъ на православную епископскую каѳедру, не хочетъ повиноваться его власти и чрезъ связи съ схизматиками нарушаетъ спокойствіе цѣлой страны. Гедеонъ, считая совершенно лишнимъ заводить процессъ съ Соликовскимъ, объявилъ, что латинскій львовскій архіепископъ не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла іерархіи православной, и что жалоба Соликовскаго, какъ ни начемъ не основанная и слѣдовательно не законная, не стоитъ того, чтобы обращать на нее вниманіе. [1]) Раздосадованный Соликовскій не терялъ однакожъ надежды какимъ бы то ни было образомъ доказать Гедеону свою власть надъ нимъ и его паствою. Случай къ этому скоро представился. Въ 1582 году въ Польшѣ принятъ былъ календарь григоріанскій. Король и латинское духовенство желали, чтобы онъ принятъ былъ и русскими христіанами; но послѣдніе справедливо сочли это нововведеніе притѣсненіемъ своего вѣроисповѣданія и желаніе короля польскаго оставалось пока безъ исполненія. [2]) Между тѣмъ, Соликовскій. воспользовавшись отсутствіемъ Гедеона (котораго не было въ Львовѣ) въ среду, 1583 года, 24 декабря, на канунѣ Рождества Христова, послалъ своего брата Войцеха, нѣсколькихъ ксендзовъ и вооруженныхъ людей, которые неожиданно напали на львовскія церкви, выгнали духовенство и собравшійся народъ и запечатали церкви. Узнавши объ

---

[1]) Starożytnosci Salic. Zegoty, стр. 41.

[2]) Въ 1584 году, генваря 21, Стефанъ Баторій, въ слѣдствіе ходатайства митрополита Онисифора Дѣвочки, издалъ грамоту, которою воспрещалось принуждать православныхъ къ отправленію праздниковъ по новому календарю (см. Акт. запад. Россіи, т. III, № 139).

этомъ насильственномъ поступкѣ Соликовскаго, Гедеонъ внесъ протестъ въ городскія книги и подалъ королю жалобу, требуя, чтобы дѣло это разсмотрѣно было со всѣмъ вниманіемъ, и чтобы король, на основаніи издавна дарованныхъ православнымъ въ Польшѣ правъ, запретилъ латинскому львовскому архіепископу вмѣшиваться въ управленіе православною епархіею. Коммиссія, разсматривавшая жалобу и требованія Гедеона, рѣшила наконецъ, предложить ему о заключеніи мировой сдѣлки съ Соликовскимъ. Гедеонъ согласился на это предложеніе, но съ условіемъ, если Соликовскій за себя и за своихъ преемниковъ откажется отъ притязанія на подчиненіе себѣ православнаго духовенства и народа. Въ 1585 году, 15 февраля, заключена была мировая, въ слѣдствіе которой Гедеонъ обязался прекратить судебный искъ свой, по поводу насильственнаго запечатанія во Львовѣ монастырскихъ и приходскихъ церквей, а Соликовскій обѣщался впредь не присвоивать себѣ никакой власти надъ православнымъ духовенствомъ и народомъ. [1]).

Слѣдствія столь счастливо оконченной Гедеономъ, продолжительной борьбы православныхъ епископовъ съ латинскими архіепископами, были самыя благопріятныя не только для Руси галицкой, но и литовской. Король польскій Стефанъ Баторій, издалъ универсалъ, 1585 года 18 мая, въ которомъ предписалъ не нарушать свободы вѣроисповѣданія православныхъ жителей въ Литвѣ и Галиціи и не принуждать руссиновъ (и армянъ) праздновать по новому календарю. [2]) Хотя грамота эта

---

[1]) Акт. Зап Росс. т. III. №№ 140, 147. см. еще: star Galic. Żegoty, стр. 41, начало уніи, Зубр. стр. 1 и 2, въ чтен. им. об. истор. и древ. Росс. № 7, 1848.

[2]) Въ грамотѣ сказано: prius—quàm de kalendarii usu de ordine controversia inter Romanum pontificem et patriarchos Graecae professionis determinata et decisa fuerit subditos nostros, qui diversam in religione et calendarii observatione sequuntur sententiam, et antiquitus Graecae religionis observant ceremonias, neque nos, neque oficialis nostri, tam spiritualis, quam secularis ordinis, eosdem in religione sua impediemus, et vi ad novi calendarii usum adigemus, verum in sua religione juribus, privilegiis, cultu et libertatibus tuebimus et asservabimus. (См. Бѣлор. Арх. др. грам. I. 44).

и нарушена была, впослѣдствіи, уніатами, однакожъ оградила православныхъ, хоть на нѣкоторое время, отъ явныхъ притѣсненій латинянъ. Незаконное право латинскаго львовскаго архіепископа избирать, или участвовать въ избраніи православнаго львовскаго епископа и представлять на утвержденіе польскому королю—уничтожено было на всегда, такъ что даже и, по введеніи уніи въ Галиціи, епископы львовскіе избирались членами братства, русскимъ дворянствомъ и духовенствомъ, безъ всякаго участія латинскаго архіепископа.

Не столь легко было Гедеону установить іерархическій порядокъ въ своей паствѣ. Обычай избирать и утверждать кандидатовъ священства, продолжавшійся въ Галиціи болѣе столѣтія, до того расширился въ своемъ приложеніи, что не только землевладѣльцы, но и каждый прихожанинъ считалъ своихъ священниковъ вполнѣ обязанными имъ своимъ саномъ и должностію. Вспомнимъ при этомъ, что многіе изъ священниковъ, происходя изъ низшаго сословія и не обладая ни умственными, ни нравственными качествами, необходимыми къ прохожденію столь высокаго служенія, не могли надлежащимъ образомъ исполнять и самыхъ обычныхъ обязанностей пастырскихъ. Между тѣмъ, въ каждомъ приходѣ могли находиться люди, если не превышающіе ихъ своими личными достоинствами, то, по крайней мѣрѣ, думающіе, что они способнѣе были бы къ такому служенію. И происходящіе изъ духовнаго сословія священники принимали пастырскій санъ, большею частію, безъ надлежащаго къ нему приготовленія, и притомъ удручаемы были крайнею бѣдностію. Все это производило обыкновенныя слѣдствія: зависимость духовенства отъ землевладѣльцевъ и прихожанъ, неуваженіе послѣднихъ къ пастырскому сану и служенію, лесть и низкое угодничество священниковъ тѣмъ лицамъ, по милости которыхъ они получали приходы и, особенно—средства къ безбѣдной жизни. Больно было Гедеону смотрѣть на столь жалкое состояніе іерархіи галицкой! Требовалось много труда и усилій, чтобъ уничтожить эти безпорядки и нестроенія въ іерархіи и установить правильныя отношенія пастырей къ пасомымъ Для этого необходимо было опредѣлить кругъ и значеніе высшей іерархической власти—епископской. Но здѣсь-то Гедеонъ и встрѣтилъ самое сильное и непреодолимое противодѣйствіе со стороны мѣщанъ львовскихъ и, по примѣру ихъ, мѣщанъ нѣ-

которыхъ другихъ окрестныхъ городовъ. Что же было причиною этого противодѣйствія?

Съ пресѣченіемъ ряда православныхъ іерарховъ, въ Галиціи правами епископскими, какъ замѣчено было выше, пользовались свѣтскія лица, какъ то: окружные старосты, землевладѣльцы, а въ городахъ—дворянство и мѣщане. Братство львовское, состоявшее изъ дворянъ и мѣщанъ и существовавшее гораздо ранѣе возобновленія епископіи львовской, пользовалось тѣми же правами. Въ 1539 году, исходатайствовавъ у польскаго короля позволеніе объ учрежденіи львовской епископіи [1]) и участвовавши, по преимуществу, въ избраніи перваго львовскаго епископа, оно считало поэтому и преемниковъ его въ нѣкоторой зависимости отъ себя. Кротость Макарія Тучапскаго и потомъ неудачное покушеніе Арсенія Балабана возстановить права епископскія по отношенію къ братству [2]), еще болѣе убѣдили львовскихъ мѣщанъ въ зависимости отъ нихъ епископа. Гедеонъ, вступивши на епископію львовскую, единственно по ходатайству отца своего Арсенія, епископа львовскаго, съ большею твердостію и рѣшимостію приступилъ къ возстановленію правъ епископскихъ. Понятно, съ какимъ неудовольствіемъ львовскіе мѣщане смотрѣли на своего епископа, который, если не вопреки ихъ желанію, то, по крайней мѣрѣ, безъ всякаго участія ихъ получилъ епископскій санъ и рѣшился поставить себя въ такомъ отношеніи къ нимъ, въ какомъ они не привыкли и не желали находиться къ мѣстному епископу. Это, безъ сомнѣнія, и было главною причиною противодѣйствія братства іерархическимъ цѣлямъ Гедеона. Но само собою разумѣется, что причина эта не могла, сама по себѣ, произвести той враждебной реакціи братства, при самыхъ миролюбивыхъ отношеніяхъ къ нему Гедеона, тѣхъ многоразличныхъ, большею частію неосновательныхъ, клеветъ и крайняго неуваженія къ своему епископу, какими сопровождался долговременный споръ Гедеона съ братствомъ о духовной власти епископовъ львовскихъ. Въ этомъ разладѣ нельзя не видѣть участія римскаго духовенства и приверженцевъ уніи—Терлецкаго и Поцея. По крайней мѣрѣ, споръ братства съ Гедеономъ начинается именно въ то время

---

[1]) Kron. Zubr. стр. 163.

[2]) Лѣт. львов. брат. стр. 6.

(въ 1586 г.), когда счастливо и съ большимъ успѣхомъ кончилась тяжба Гедеона съ Соликовскимъ (въ 1585 г.) [1]), усиливается со времени появленія въ Львовѣ іезуитовъ (съ 1591 г.) [2]) и сопровождается крайнимъ неуваженіемъ братства къ Гедеону и отсутствіемъ всякаго желанія въ первомъ къ примиренію съ послѣднимъ, когда Терлецкій и Поцѣй окончательно рѣшились отторгнуться отъ константинопольскаго патріарха и подчиниться папѣ (въ 1594 и 1595 г.) [3]). Между этими, повидимому, разнородными обстоятельствами, есть тѣсное, взаимное отношеніе. Соликовскій, человѣкъ твердый, властолюбивый, съ нетерпѣніемъ стремившійся къ подчиненію себѣ православнаго львовскаго епископа и встрѣтившій энергичное противодѣйствіе со стороны Гедеона, употреблялъ всевозможныя средства вредить ему [4]). Послѣ неудачнаго покушенія—ввести новый календарь въ Львовѣ, ненависть его къ Гедеону должна была усилиться и, при невозможности вредить ему явно и прямо, оставалось прибѣгнуть къ тайнымъ происками и хитростямъ. Споръ Гедеона съ братствомъ былъ самымъ удобнымъ къ тому случаемъ. Хитрые, готовые на всякое враждебное православію предпріятіе, поселенные Соликовскимъ въ Львовѣ, іезуиты тѣмъ съ большимъ успѣхомъ могли выполнять его порученія, что дѣла спорныя поступали большею частію въ руки поляковъ, управляемыхъ ими. Наконецъ, приверженцы уніи—Терлецкій и Поцѣй имѣли самое прямое вліяніе на споръ Гедеона съ братствомъ. Не смотря на то, что братство окончательно представляло жалобы свои на разсмотрѣніе соборовъ, бывшихъ ежегодно, по распоряженію константинопольскаго патріарха, въ Брестѣ-литовскомъ, и совершавшихся подъ предсѣдательствомъ митрополита кіевскаго Рагозы,—рѣшенія соборныя по этому предмету зависѣли главнымъ образомъ отъ Терлецкаго и Поцея [5]), которые ясно

---

[1]) Лѣт. Львов. Брат. стр. 16, см. Акт. зап. Рос. т. III, № 147.

[2]) Тамъ же, стр. 62; см. Kron. Zubr. стр. 221. [3]) Лѣт. Львов. Бр. стр. 69, 73. [4]) Staroż. Falić, Zegoty, стр. 41.

[5]) Это видно изъ того, что, когда замыслы объ уніи начали обнаруживаться, въ 1595 году, митрополитъ старается сблизиться съ Гедеономъ. Въ Новогрудкѣ составлена была запись (въ февралѣ), которою дозволялось Гедеону вновь начать духовный судъ, по тяжбѣ

видѣли въ Гедеонѣ перваго, самаго сильнаго противника своимъ замысламъ касательно уніи и самаго непоколебимаго защитника православія.

Отъ этихъ-то причинъ и зависѣла безуспѣшность борьбы Гедеона съ львовскимъ братствомъ. Начавши ее съ одними львовскими мѣщанами, онъ принужденъ былъ впослѣдствіи вести ее съ митрополитомъ и литовско русскими епископами, и, по интригамъ своихъ недруговъ, невольно поставленъ былъ въ непріязненныя отношенія къ константинопольскому патріарху Іереміи. Трудно было Гедеону, при всей силѣ своего характера, устоять противъ многостороннихъ препятствій, и цѣль борьбы его съ братствомъ осталась такимъ образомъ недостигнутою. Онъ долженъ былъ уступить непокорности братства, тѣмъ болѣе, что того требовали современныя обстоятельства церкви православной, и отказаться, какъ за себя, такъ и за своихъ преемниковъ, отъ власти надъ нимъ [1]). Многократныя неосновательныя жалобы братства на Гедеона навлекли на него строгія угрозы патріарха Іереміи и судъ митрополита кіевскаго, поселили во многихъ недовѣріе къ безкорыстной пастырской дѣятельности, преданности и любви его къ православію. Здѣсь начало всѣмъ тѣмъ клеветамъ, которыя посыпались на Гедеона со стороны уніатовъ, польскихъ и нѣкоторыхъ русскихъ современныхъ ему писателей. Кромѣ того, должно замѣтить, что замыслы объ уніи Терлецкаго и Поцѣя никогда бы не могли быть приведены въ исполненіе такъ скоро и такъ успѣшно, если бъ эти поборники уніи и сотрудники ихъ іезуиты, хитрыми происками не поддерживали непріязненныхъ отношеній братства къ Гедеону. Одной рѣдкой твердости и силы характера Гедеона, обнаруженной имъ въ борьбѣ съ Соликовскимъ, потомъ съ уніатами, одного пастырскаго благоразумія, заявленнаго въ борьбѣ съ братствомъ, достаточно было бы для того, чтобъ уничтожить замыслы двухъ лицъ, дѣйствовавшихъ не самостоятельно, удержать на сторонѣ православныхъ слабаго, бо-

---

съ братствомъ о монастырѣ и городской церкви; позже (въ мартѣ) разрѣшаетъ его отъ соборнаго осужденія (см. лѣт. львов. бр. стр. 72, Апокр. ч. I, от. 2, стр. 17).

[1]) Акт. зап. Рос. т. IV, № 157.

язливаго и нерѣшительнаго митрополита кіевскаго Михаила Рагозу и другихъ литовско-русскихъ епископовъ и духовенство.

Но и среди тяжкой борьбы съ врагами православія, епископъ львовскій Гедеонъ твердою рукою держалъ бразды правленія, заботился о нравственно-умственномъ развитіи своей паствы и объ искорененіи вкравшихся въ нее пороковъ и заблужденій. Однимъ изъ благотворнѣйшихъ для края и православія дѣйствій Гедеона было неусыпное и энергичное попеченіе его о просвѣщеніи и нравственности своей паствы, и преимущественно духовенства галицко-русскаго, равно какъ объ искорененіи нѣкоторыхъ религіозныхъ заблужденій и суевѣрій, объ уничтоженіи многихъ неисправностей въ богослуженіи, происходившихъ отъ неисправности богослужебныхъ книгъ, и нѣкоторыя частныя распоряженія Гедеона касательно нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ и обычаевъ. Болѣе извѣстныя училища, основанныя Гедеономъ, были: львовское и стрятинское. Цѣль учрежденія ихъ была, во первыхъ, образовать достойныхъ пастырей церкви, способныхъ къ надлежащему прохожденію своего служенія и огражденію православія отъ постоянныхъ нападокъ со стороны образованнаго латинскаго духовенства, во вторыхъ, дать возможность духовенству и православному дворянству избѣгать образованія въ польскихъ и заграничныхъ латинскихъ школахъ [1])

Въ Львовѣ и прежде Гедеона было училище православное [2]); но о немъ нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣденій. Кажется, все образованіе въ этомъ училищѣ ограничивалось изученіемъ русской грамоты и письма. Можетъ быть даже, по причинѣ непрерывныхъ притѣсненій со стороны поляковъ, оно не было постояннымъ заведеніемъ. Какъ бы то ни было, только училище львовское, какъ благоустроенное и постоянное заведеніе, дѣлается извѣстнымъ только при Гедеонѣ. Оно основано было въ 1585 году. Братство львовское, по убѣжденію антіохійскаго патріарха Іоакима, предложило средства для содержанія учи-

---

[1]) Въ предисловіи къ требнику стрятинскому, Гедеонъ жалуется, что „мнози отъ многихъ, бывающе въ Италіи, суемудріемъ внѣшнихъ ученій прельщающеся, въ различныя ереси впадаютъ и обнажившеся благочестія, отъ Церкве отпадаютъ“ (Москвит. на 1844 г., августъ, стр. 407.) [2]) Kron. Żubr. стр. 187.

лища, которое, въ слѣдующемъ (1586 г.) году, было окончательно устроено. Вскорѣ потомъ (въ томъ же 1586 г.) константинопольскій патріархъ Іеремія, къ которому писалъ Іоакимъ, прислалъ въ Львовъ эласонскаго митрополита Арсенія, для преподаванія во вновь устроенномъ училищѣ греческаго и славянскаго языка, а въ 1588 году благословенною грамотою окончательно утвердилъ заведеніе и одобрилъ порядокъ, заведенный въ немъ [1]).

Другое училище основано было Гедеономъ, въ 1596 году, въ родовомъ его имѣніи, мѣстечкѣ Стрятинѣ, по совѣту и благословенію александрійскаго патріарха Мелетія, и устроено по образцу перваго [2]). Предметами ученія были: языки—греческій, славянскій и русскій, діалектика и реторика [3]). При училищахъ устроены были, преимущественнымъ попеченіемъ Гедеона, и типографіи,—львовская и стрятинская, и кромѣ этихъ крилосская [4]). Цѣль ихъ указываетъ самъ Гедеонъ въ предислові-

---

[1]) О львовскомъ училищѣ см. Строева опис. книгъ Толстаго, на стр. 65 „извѣщеніе,“ напечатанное въ началѣ еллинословенской грамматики, изданной въ 1591 г. въ Львовѣ, и на стр. 181 „предисловіе, къ Октоиху“ изданному въ Львовѣ, 1630 г., еще: Лѣт. львов. брат. стр. 15—17 и 19. [2]) См. Строева опис. кн. Толст. на стр. 101 „предисловіе къ служебнику стрятинскому.“

[3]) Для пособія ученикамъ издана была львовскимъ братствомъ въ 1588 г. первая славяно-греческая грамматика. Въ посланіи виленскихъ православныхъ граждан львовскому братству отъ 28 мая 1588 г. говорится: „посласте намъ начало и проображеніе святыхъ писаній грамматическихъ языка греческаго и славяньскаго, наказующе ны, да пріимемъ со благоразуміемъ.“ (См. акты зап. Рос. т. IV, № 4.) Позже, въ 1591 году, издана была тамъ же другая „грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка, совершеннаго искуства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому россійскому роду. Сложенная отъ различныхъ грамматикъ спудеями, иже въ львовской школѣ.“ (Строев. опис. кн. Толст. стр. 64).

[4]) Львовская типографія устроена была первоначально изъ части матеріаловъ прежде бывшей въ Львовѣ типографіи Ивана Өедоровича, московскаго выходца. Другая часть матеріаловъ той же типографіи,

яхъ къ изданнымъ имъ служебнику и требнику:—это «умноженіе священныхъ книгъ, въ преподаніе разума, ими же церковь Божія украшается, и вѣры защищаетъ, хвала Вышняго умножаетъ, вѣрніи утверждаются, еретицы побѣждаются, и людіе якоже нѣкіемъ пострѣканіемъ отъ лѣности воздвизаемы къ ученію подвижутся и поощряютъ; наипаче же, ими же Богъ умоляемъ бываетъ» [1]). Цѣль эта преимущественно выполняема была львовскою братскою типографіею, какъ болѣе обширною и существующею до настоящаго времени. Въ ней, еще при Гедеонѣ, напечатано было множество книгъ богослужебныхъ, учительныхъ, полемическихъ, писанныхъ въ защиту православія, и учебныхъ [2]). Изъ стрятинской и крилосской типографій замѣчательны изданія трехъ книгъ,—двухъ богослужебныхъ и одной учительской. Въ 1604 году въ Стрятинѣ напечатанъ былъ стараніемъ и иждивеніемъ Гедеона и племянника его Θеодора Балабана, «Служебникъ» (въ 4 д. л.), а въ 1606 году «Молитвенникъ или Требникъ» (въ 4 д. л.); въ томъ же году напечатано было въ Крилосѣ «Евангеліе учительное, на всяку недѣлю, и на Господскіе праздники и нарочитыхъ святыхъ, избрано отъ святаго Евангелія, святѣйшимъ Каллистомъ, архіепископомъ константинопольскимъ. Повелѣніемъ же киръ Гедеона Балабана, епископа галицкаго» и проч. [3]).

Типографіи устроены были преимущественно для печатанія книгъ «ими же Богъ умоляемъ бываетъ.» Для сего нужны были образцы богослужебныхъ книгъ; но въ нихъ-то и былъ

купленная Гедеономъ и племянникомъ его Θеодоромъ Балабаномъ, употреблена была на устроеніе типографіи крилосской и стрятинской (см. Hist. Bad. o Drukarn. Rusko—slowian. w Galicyi, Zubr. стр. 13 и 14, 48—51.) Стрятинская типографія, купленная впослѣдствіи времени архимандритомъ Елисеемъ Плетенецкимъ у наслѣдниковъ Θеодора Балабана, послужила основаніемъ типографіи кіево-печерской (см. Строев. оп. кн. Толст., на стр. 138, предисловіе къ Анθологіону, напечатанному въ Кіевѣ, въ 1619 г.)

[1]) Москвит. на 1844 г., август., стр. 405. Строева опис. кн. Толст., стр. 101. [2]) Histor. Badan. o Druk. Zubr. nota 2.

[3]) Histor. Bad. стр. 49—51. Строева опис. кн. Толст., стр. 101, 102.

крайній недостатокъ, какъ въ литовской Руси, такъ особенно и въ Галиціи. Жаждая обращенія русскихъ христіанъ въ латинство, поляки и духовенство папское старались уничтожить всѣ средства къ поддержанію православія; грабили и разрушали православныя церкви, богослужебныя и другія церковныя книги цѣлы и тысячами увозили въ Краковъ и другія мѣста. [1]) По этой причинѣ, богослуженіе совершаемо было большею частію по книгамъ рукописнымъ, въ которыя вкралось множество ошибокъ «неискусныхъ ради писецъ, или инѣхъ ради коихъ винъ.» И такъ какъ богослужебныя книги переписываемы были въ разныхъ мѣстахъ и разными лицами, то и самыя ошибки были различны, особенно въ служебникѣ и требникѣ; отсюда произошло «разногласіе дѣйствій церковныхъ.» На послѣднее обстоятельство обращено было особенное вниманіе на соборѣ Брестъ-литовскомъ, [2]) на которомъ, послѣ «многаго изысканія и смотрѣнія о великомъ разногласіи дѣйствій церковныхъ,» поручено было Гедеону исправить требникъ. Между тѣмъ самъ Гедеонъ сознавалъ необходимость исправленія и другой, столь же нужной для богослуженія книги,—служебника. Поэтому, собравъ многіе списки этихъ книгъ въ Галиціи, Молдавіи, Валахіи и Сербіи, онъ приступилъ къ сличенію ихъ; но, къ крайнему прискорбію своему, нашелъ между ними великое разногласіе. Въ этомъ положеніи онъ писалъ къ Мелетію, патріарху александрійскому, управлявшему тогда и константинопольскимъ престоломъ, извѣщая его о несогласіи и неисправности книгъ словенскихъ и моля «твердаго ради и согласнаго извѣстія церковныхъ въ слѣдованіи» прислать ему греческій служебникъ и требникъ. Получивши обѣ эти книги, Гедеонъ приступилъ

---

[1]) Львовскій священникъ говоритъ..... „у краковѣ корунномъ и въ костелахъ римскихъ книгъ словенскихъ великими склепами знайдешь замкненыхъ, которыхъ на свѣтъ не выпустятъ, также есть и въ Львовѣ у мниховъ, доминикановъ склепъ великій книгъ нашихъ словенскихъ учительныхъ, до купы знесенныхъ по збуренью и осячненью паньства Русскаго (см. Акт. зап. Рос. т. IV, ст. 204.)

[2]) Когда именно это было, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ не позже 1592 года, потому что въ слѣдующіе годы, 1593 и 1594, Гедеонъ не былъ на соборѣ.

къ исправленію служебника, въ которомъ особенно замѣтны были двѣ весьма важныя ошибки, касательно совершенія проскомидіи. Въ чемъ именно состояли онѣ, неизвѣстно. Служебникъ вскорѣ исправленъ былъ, «согласно съ разумомъ и росписаніемъ» константинопольскаго патріарха Іереміи II и служебникомъ, присланнымъ патріархомъ Мелетіемъ [1]).

Вслѣдъ за этимъ, Гедеонъ приступилъ къ исправленію и изданію требника, по списку, присланному патріархомъ Мелетіемъ. Но для устраненія всякихъ недоразумѣній и сомнѣній со стороны духовенства, касательно несогласія его, въ нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ, съ древними славянскими неисправными требниками,—Гедеонъ созвалъ соборъ опытныхъ священниковъ своей епархіи и вмѣстѣ съ ними тщательно разсмотрѣлъ приготовленный къ изданію требникъ. На соборѣ этомъ положено было внесть въ новый требникъ нѣкоторыя чинопослѣдованія изъ старыхъ славянскихъ требниковъ, которыхъ не было въ патріаршемъ спискѣ, таковы: послѣдованіе «како пріимати отъ различныхъ ересей приходящихъ къ святой каѳоличестѣй и апостольстѣй церкви,»—освященія великаго мvра, иноческія послѣдованія и вслѣдованія молебна на различныя потребы.» Кромѣ того, въ концѣ требника, Гедеонъ повелѣлъ приложить для священниковъ «правила нужнѣйшая отъ апостольскихъ и святыхъ отецъ заповѣдей.» Въ такомъ видѣ и напечатанъ былъ стрятинскій требникъ въ 1606 году [2]).

---

[1]) Упоминая объ исправленіи служебника въ предисловіи къ требнику стрятинскому, Гедеонъ говоритъ: „въ нихъ же (т. е. служебникахъ, изданныхъ имъ въ 1604 году) да никто порицаетъ намъ отъ иже разномыслію радующихся о нѣкихъ вещахъ, наипаче же о проскомидіи и о частехъ хлѣба, на дискосѣ полагаемыхъ, несогласія ради съ древними писанными служебниками. Да вѣсть кійждо, яко не отъ своего мнѣнія или мудрованія, сице положихомъ, но разумъ и разъписаніе о семъ древле блаженныя памяти Іереміи патріарха вселенскаго, иже изде у насъ странствовавшаго; таже и блаженнѣйшаго Мелетія, съ книгъ греческихъ намъ отъ него посленыхъ, на словенскія съ вьсякимъ опаствомъ истолковати повелѣвше, сице положихомъ“ (см. Москв на 1844 г., авг. стр. 46.)

[2]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гедеонъ заботился и объ

Достоинство исправленныхъ и изданныхъ Гедеономъ богослужебныхъ книгъ оцѣнено имъ же самимъ. Въ полѣсловіи служебника (напечатаннаго, въ 1604 г., въ Стрятинѣ), онъ говоритъ «аще въ чемъ погрѣшилъ есть исправитель священныя сея книги, или и типографъ не преблюде коего мѣста, молимся, прощенію сподобляйте, братіе: обыче бо нѣчто сицево бывати въ таковѣхъ, паче же въ началѣ неуразсмотрѣвшимъ ее якоже подобаетъ» [1]).

Нравственный надзоръ надъ своею паствою былъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ пастырской дѣятельности Гедеона. Нравственность православныхъ въ Галиціи, не менѣе какъ и въ другихъ областяхъ польской Руси, была въ самомъ жалкомъ состояніи отъ нерадѣнія священниковъ. Находясь, большею частію, на низшей степени просвѣщенія и не сознавая важности существенныхъ обязанностей своего высокаго служенія, ни побужденій къ выполненію ихъ,—сіи послѣдніе вовсе не заботились о духовномъ руководительствѣ своихъ пасомыхъ къ преуспѣянію въ христіанской жизни; нравственная слѣпота русскаго народа обнаруживалась въ незнаніи необходимѣйшихъ обязанностей христіанскихъ, въ самыхъ грубыхъ и разнообразныхъ порокахъ и беззаконіяхъ, религіозныхъ предразсудкахъ и заблужденіяхъ. Жалость такаго состоянія еще болѣе увеличивалась отъ худаго примѣра духовенства. Со всею силою пастырской власти и ревностію по св. вѣрѣ, Гедеонъ приступилъ къ исправленію духовенства. Въ 1591 году, онъ писалъ пастырское посланіе [2]), въ которомъ, исчисляя печальныя слѣдствія, про—

исправленіи другихъ богослужебныхъ книгъ; такъ, въ предисловіи къ служебнику стрятинскому, изданному въ 1604 году, онъ говоритъ: вы сію священную книгу сладцѣ пріемые, и прочіихъ едина по друзей, Богу хотящу и аще живы будемъ, некосня сподобитеся съгласнѣ съ греческими въслѣдованми имѣющихся; нетокмо же, но и учителей церковныхъ, наученія ради, покушающихся намъ, о возмогающей въ насъ благодати Христовой," а въ предисловіи къ требнику упоминаетъ объ исправленіи псалтыри.

[1]) Строев. опис. кн. Толст. ст. 103.

[2]) Посланіе это писано было собственно къ православному духовенству перемышльской епархіи (городецкаго уѣзда), которая пору-

исходившія отъ нерадѣнія и безнравственности священниковъ, то угрожаетъ имъ судомъ Божіимъ за нерадѣніе о пасомыхъ, то съ кротостію и любовію умоляетъ ихъ оставить порочную жизнь и тщательно соблюдать святый законъ, научая и духовныхъ дѣтей своихъ страху Божію, христіанскому обычаю и

чена была на время Гедеону митрополитомъ кіевскимъ, по смерти епископа перемышльскаго, Арсенія Брылинскаго; но нравственное состояніе духовенства и мірянъ перемышльской епархіи, представленное въ немъ, вполнѣ удобоприложимо къ нравственному состоянію современнаго Гедеону духовенства и мірянъ, какъ львовской, такъ и литовскихъ православныхъ епархій. Выписываемъ изъ него нѣкоторыя мѣста... „маемо справу, же великое безчиніе промежку васъ священниковъ, и слабость въ законѣ святомъ недбалствомъ вашимъ пастырскимъ дѣется. Напередъ послушенства повинного ко пастыру своему епископу не чините, на соборѣ не бываете, а святости мура святаго для крещенія дѣтей не поновляете, а законъ святый недбаете, беззаконные браки, кровосмѣшенія, сватства, кумства спущаете и благословляете, хватанные дѣвки вѣнчаете, малженства законные распущаете, и всѣ беззаконства промежку посполитыхъ людей вашимъ недбалствомъ умножились. Такъ посполитые люди разсвѣрѣпѣли, же другій и о Господу Богу мало знаетъ, вѣрити и молитися Ему неумѣетъ; больше волквами и чародѣями ся бавятъ, а неже и Богу служатъ. За которые тые всѣ дѣла беззаконные и ваше нерадѣнье вы будете повинны отвѣтъ Господу Богу чинити. Штожъ еще болшая и горшая вина есть, же попове помалжонкахъ своихъ съ сего свѣта зошлыхъ, блудницъ собѣ держатъ, безпечно, безъ сорому и боязни Божіей, а другіи въ второженствѣ будучи, смѣютъ на ся патрахель брати и священническія справы дѣйствовати, дѣти крестити и литоргисати: што я слышечи о таковомъ безчиніи и великомъ беззаконствѣ, яко промежку васъ духовенства, такъ и посполитыхъ людей, естемъ съ того не помалу жалостивъ. Прото, честные отцы и еже о Христѣ братія моя! Христа ради молю всѣхъ васъ и упоминаю, обачьтеся; приступивши въ боязни Божой, пастыру своему повинуйтеся и послушенство ему повинны чинѣте; закону святого во всемъ пилно постерегайте; беззаконныхъ браковъ, кровосмѣшенія въ сватствахъ и кумствахъ понятія недопущайте, и таковыхъ въ малженство не вѣнчайте... а сами во всемъ искусни въ повинности своей священнической пребывайте...... Молимъ же и напоминаемъ, съ повинности своея, абы—стеся во всемъ водлугъ сего писанья нашего заховали; непорочно и во всемъ искусно житіе и повинность свою священническую препровождали: дѣти своя духовныя страху Божому и христіанскому обычаю научали и на покаяніе приводили“ и проч. (Акты зап. Рос., т. IV, № 29.)

приводя ихъ въ покаяніе. Пастырскій долгъ требовалъ употребить строгость суда надъ явными нарушителями церковныхъ правилъ, блудниками и второженцами. Гедеонъ подвергаетъ ихъ запрещенію и отлученію «отъ службъ Божіихъ и всѣхъ справъ священническихъ, абы они не смѣли епатрихиля на свою выю возложити, подъ клятвою святыхъ апостоловъ и богоносныхъ св. отецъ.» Въ концѣ посланія Гедеонъ дѣлаетъ замѣчаніе касательно приноса въ церковь и посвященія брашенъ на Воскресеніе Христово, повелѣвая священникамъ убѣждать своихъ пасомыхъ, чтобъ это совершаемо было съ «несомнѣнною вѣрою и доброю совѣстію,» и чтобы «съ посвященія тыхъ брашенъ не волхвовали и чаровъ не плодили, яко о томъ слышится, но удѣливши того брашна убозимъ, за разъ все истребили.» Наконецъ, предписываетъ, чтобы священники научали людей недѣлю святити, а не пятокъ, а въ пятокъ страсти Христовы воспоминати тую науку абы дѣтямъ своимъ давали» [1]). Въ 1606 г. Гедеонъ на собственномъ иждивеніи издалъ «Евангеліе учительное,» какъ руководство для неученыхъ священниковъ въ дѣлѣ проповѣданія Слова Божія.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

---

[1]) Касательно двухъ послѣднихъ предметовъ, т. е. приноса въ церковь и посвященія брашенъ на Воскресеніе Христово и празднованія пятницы вмѣсто дня воскреснаго, Гедеонъ сдѣлалъ распоряженіе, согласно съ опредѣленіемъ константинопольскаго патріарха Іереміи. Въ окружной грамотѣ его кіевскому митрополиту Михаилу Рагозѣ, литовско-русскимъ епископамъ, духовенству и мірянамъ, говорится: „о глаголемѣй же Пасцѣ како и елико приносятъ въ Церковь, раздѣляти нищимъ, яко хлѣбы просты, а не яко святы, якоже мнятъ нѣціи человѣцы, сего ради смиреніе наше завѣщаетъ и въ Святомъ Дусѣ повелѣваетъ, яко да отнынѣ и въ прочая имѣти ее простый хлѣбъ, а не имѣти яко святаго; или безчествовати святую недѣлю и почитати Пятницу, да будетъ отлученъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклятъ и не прощенъ по смерти не разрѣшенъ, дондеже престанутъ творити сія и получатъ прощеніе." (См. акты зап. Рос., т. IV, № 22.)

РУССКАЯ ВИЛЬНА.

(Продолженіе. Смотри XII кн. Вѣст $18^{63}/_{64}$).

III

Древняя митрополія или соборъ Пречистыя.

Но сколь ни печально зрѣлище развалинъ церкви св. Параскевы, не можетъ оно сравниться съ тѣмъ оскорбительнымъ чувствомъ для всякаго русскаго и православнаго сердца, какое невольно возбуждается при видѣ другаго святилища, еще не въ состояніи развалинъ, но въ совершенной своей цѣлости преданнаго запустѣнію и поруганію. Идите далѣе къ Зарѣчью, гдѣ прежде кипѣла православная жизнь литовской столицы около ея первобытнаго собора, ибо тутъ была каѳедра знаменитой ея митрополіи. На лѣвомъ берегу Вилейки, близь ея моста, вы увидите квадратное зданіе, въ 16 саженъ длины и ширины и въ 9 вышины, съ пробитыми широкими окнами и плоскою крышей; оно слыветъ Спасскими казармами и принадлежитъ городской думѣ. Обойдите зданіе съ трехъ сторонъ и вы, дѣйствительно, примете его за казармы, развѣ только вамъ покажется странною малая башня, прилѣпленная къ южной его стѣнѣ; тутъ же выстроенъ безобразный домъ, заслоняющій все зданіе отъ улицы, пролегающей къ Зарѣчью. Но взгляните на это громадное зданіе съ противоположнаго берега Вилейки, или подойдите къ нему съ восточной стороны, и вы разгадаете тайну мнимыхъ казармъ, когда увидите тройную выпуклость алтаря, какъ во всѣхъ древнихъ нашихъ соборахъ, подобно Успенскому первопрестольной столицы.

И что же?—Тамъ, гдѣ стояла горняя каѳедра нашихъ митрополитовъ, пробиты широкія ворота, чрезъ которыя слы-

шится стукъ молота и видно пламя раздуваемаго горна, во мракѣ бывшаго святилища, обращеннаго теперь въ кузницу!— Наковальня стоитъ на самомъ мѣстѣ главнаго престола, и нѣсколько черныхъ циклоповъ бьютъ тяжелыми молотами по этой наковальнѣ, вовсе не подозрѣвая, что тутъ приносилась нѣкогда безкровная жертва Христова. Но зналиль о томъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, и просвѣщенные правители литовскаго края, которые видѣли также одвѣ лишь обыкновенныя казармы въ бывшемъ святилищѣ?—А если они это знали, то какъ могли переносить такое поруганіе христіанской святыни? Каждый ударъ молота отдается здѣсь прямо въ сердце вѣрующему христіанину? Едва ли кто изъ нихъ заходилъ когда либо на этотъ пустынный дворъ и заглядывалъ внутрь бывшаго алтаря, хотя тутъ по сосѣдству и зданіе городской думы. Отдѣленіе жертвенника и діаконикона обращены въ сараи, для всякаго хлама, и сообщаются съ жилыми комнатами, на которыя разбито все священное зданіе; оно отдается въ наймы мастеровымъ, отчасти изъ евреевъ, и для болѣе удобнаго помѣщенія раздѣлено на два яруса.

Съ западной стороны еще сохранился главный входъ, въ прежнемъ своемъ величіи. Но по срединѣ зданія устроена широкая лѣстница, во второй ярусъ; тамъ помѣщается архивъ городской думы, съ тѣхъ поръ какъ былъ упразднeнъ въ храмѣ анатомическій театръ: ибо къ стыду нашему, таково было назначеніе древняго православнаго святилища, съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія!—Стройныя арки и стрѣльчатые своды свидѣтельствуютъ о прежней его красотѣ, но массивные столбы заслонены безобразными стѣнками, которыми перегорожено внутри все обширное зданіе; самый алтарь отдѣленъ глухою стѣною для устроенной въ немъ кузницы, въ которую можно проникнуть только чрезъ пробитое отверстіе горняго мѣста.

Въ одномъ изъ отдѣленій нижняго яруса стояло корыто, въ которомъ кормили свиней. Это была недѣля блуднаго сына, и я невольно вспомнилъ притчу Евангельскую объ юношѣ, который, расточивъ отеческое наслѣдіе, долженъ былъ раздѣлить, у наемниковъ, грубую пищу съ этими нечистыми животными; а мы у себя дома, въ родной нашей Вильнѣ, во что обратили отеческое наслѣдіе нашихъ предковъ, первоначальный соборъ ихъ, современный христіанству Литвы? Правда, что унія выда-

ла его на такое поруганіе; но теперь уже опять царствуетъ православіе въ Вильнѣ, а въ бывшемъ соборѣ Ольгерда еще кормятъ свиней и слышенъ стукъ молота! Можемъ ли, не краснѣя, переносить такой позоръ, въ виду благолѣпныхъ костеловъ римскихъ? Не была ли тайная мысль у князя Чарторійскаго—истребить самую память о православіи въ Вильнѣ, когда онъ выпросилъ себѣ, въ 1810 году, опустѣвшее зданіе собора, гдѣ еще совершалось однако богослуженіе въ одномъ придѣлѣ, для того чтобъ обратить его въ анатомическій театръ для университета? Вотъ какъ попираема была убогая унія превозносившимся надъ нею костеломъ римскимъ!

Отъ настоящаго плачевнаго состоянія древняго святилища обратимся къ его славному минувшему.—Кто были именитые его основатели? Ольгердъ, великій князь литовскій, принявшій во св. крещеніи имя Александра, и вторая супруга его Іуліанія, дочь князя тверскаго Александра, въ половинѣ XIV столѣтія. Рождество Пречистой Дѣвы праздновалъ соборный храмъ сей, какъ и многіе древніе соборы нашихъ столицъ, и потому усвоилось ему народное названіе Дома Пречистыя. Кто же освящалъ его?—Великій труженикъ земли русской, святитель Алексій, бывшій тогда еще намѣстникомъ, въ санѣ епископа владимірскаго. Обходя церковную область старца митрополита Өеогноста, посѣтилъ онъ Вильну, въ 1348 году, и освятилъ величественный соборъ, который сооруженъ былъ великимъ княземъ литовскимъ, достойно его могущества, какъ твердый залогъ христіанства его столицы. При великомъ князѣ Витовтѣ, преемникѣ Ольгерда, когда раздѣлилась митрополія русская на восточную и западную, соборный храмъ сей сдѣлался каѳедральнымъ для всей Литвы, и первый возсѣлъ на его каѳедрѣ Григорій Симвлакъ, отъ котораго начался рядъ православныхъ митрополитовъ западной Руси.

Ольгердъ и Симвлакъ, князь ктиторъ и первосвятитель, оба погребены были подъ сводами каѳедральнаго собора; но Витовтъ, самый могущественный изъ властителей литовскихъ, погребенъ уже въ латинскомъ костелѣ св. Станислава; тамъ стоитъ и доселѣ надъ его могилою древняя византійская икона Матери Божіей, какъ бы залогъ первобытнаго его православія. Но Витовтъ и Ягеллонъ, сынъ Ольгердовъ, начавшій собою новую династію королей польскихъ, оба крещены были въ пра-

вославную вѣру, и только впослѣдствіи ей измѣнили. Посему нѣтъ болѣе княжескихъ могилъ литовскихъ подъ сводами древней митрополіи, которая долженствовала служить общею для нихъ усыпальницею. Не тамъ погребены были и обѣ православныя супруги Ольгерда, столь ревностныя къ распространенію христіанства въ Вильнѣ. Первая—Марія, положена подъ сводами Пятницкой церкви, ею основанной, а вторая—Іуліанія, пережившая своего супруга, скончалась далеко отъ Вильны.

Въ исходѣ XV вѣка, митрополія литовская торжественно встрѣчала царственную невѣсту своего великаго князя Александра, дочь государя московскаго Іоанна III. Елена Іоанновна, со всѣмъ своимъ свадебнымъ поѣздомъ, вступила въ соборъ 15 февраля 1495 года; тамъ служилъ для нея молебенъ намѣстникъ митрополіи, архимандритъ Троицкаго монастыря Макарій, который вскорѣ самъ былъ рукоположенъ въ митрополита, въ томъ же храмѣ, и прославился мученическою кончиною. Мощи его почиваютъ въ Софійскомъ соборѣ первопрестольнаго Кіева.

Не въ православномъ храмѣ совершилось однако бракосочетаніе великой княжны русской съ властителемъ литовскимъ, не смотря на строгую о томъ заповѣдь могущественнаго ея отца. Фанатизмъ римскій преодолѣлъ данное обѣщаніе, и женихъ не переступилъ даже черезъ порогъ церкви Пречистыя. Прямо изъ нея повели царственную невѣсту въ каѳедральный костелъ св. Станислава, и тамъ вѣнчалъ ихъ епископъ латинскій, въ присутствіи только духовника ея, пресвитера Ѳомы, и архимандрита Макарія, будущаго владыки и мученика.

Не исполнилось и другое обѣщаніе, данное великимъ княземъ литовскимъ отцу православной своей невѣсты: никогда не могла она имѣть утѣшенія молиться у себя въ домовой церкви, ибо и въ этомъ было ей отказано Еленѣ, воспитанной въ строгомъ затворѣ дѣвическаго терема, надлежало ходить для божественной службы въ приходскую церковь Покрова, въ одной изъ городскихъ башень, или въ соборъ, далеко отстоявшій отъ ея замка; мало по малу лишилась она всѣхъ своихъ присныхъ, кромѣ одного лишь духовника, который впослѣдствіи былъ возведенъ въ санъ митрополита кіевскаго подъ именемъ Іоны.

Трогательную личность представляетъ собою, въ лѣтописяхъ литовскихъ, сія мудрая дочь великаго Іоанна и царевны греческой Софіи, отъ коихъ заимствовала ихъ правительственныя доблести. Она и на королевскомъ престолѣ Польши, какъ и на великокняжескомъ Литвы, явила западному міру непоколебимую твердость свою въ догматахъ православія, не смотря на всѣ постигшія ея искушенія, отъ мужа и родныхъ, и даже гоненія за вѣру отеческую. Въ самый часъ браковѣнчанія торжественно объявила она латинскому епископу: «что никакой ради вины или болѣзни не оставитъ своего супруга, кромѣ одного лишь закона; вѣру же всегда будетъ держать греческую и никто да не принуждаетъ ее къ римской.»

Все это свято соблюдала доблестная Елена до послѣдней минуты жизни, не обольщаемая блескомъ короны польской, во дни своего величія, и не смущаемая тѣми скорбями, какія ее постигли, по смерти супруга, во время семилѣтняго вдовства. Но будучи твердою защитницею православія въ своей области, она царственно усвоилась новому своему отечеству, и старалась сохранять миръ между слабымъ супругомъ и могущественнымъ отцемъ. Даже и во время вдовства своего, утвердившись въ Вильнѣ, она искала средствъ поддержать миръ между братомъ своимъ, великимъ княземъ Василіемъ, и зятемъ, королемъ Сигизмундомъ, не смотря на его неблагодарность. Не охранилъ король царственной своей невѣстки отъ поруганія вельможъ литовскихъ; гетманъ Радзивиллъ дерзнулъ даже наложить руки на вдовствующую королеву, во святынѣ храма, и повлекъ въ заточеніе въ Троки, за годъ до ея кончины, подъ суетнымъ предлогомъ, будто она хочетъ бѣжать съ своими сокровищами въ Москву.

Рано скончалась Елена для блага единовѣрныхъ своихъ подданныхъ; но, во все время восемнадцати-лѣтняго своего властвованія въ Литвѣ, ревностно покровительствовала Церкви православной, обновляя храмы и обители, отъ которыхъ отступились великіе князья, предавшіеся на сторону Рима. Она основала, не далеко отъ Остробрамскихъ воротъ, церковь св. Духа, которая впослѣдствіи обратилась въ иноческую обитель и была единственною опорою православія въ Вильнѣ, когда уніаты овладѣли древнею обителью св. Троицы. Но и тамъ сохранилась благодѣтельная ея память; доселѣ чествуется въ обители древняя икона Богоматери, которою благословилъ великій Іоаннъ

дочь свою, отпуская ее въ Литву, и это единственная святыня древнихъ временъ, какая уцѣлѣла въ Вильнѣ отъ бури уніатской.

Въ 1513 году января 29-го. преставилась царственная труженица русская и, подъ сводами роднаго храма Пречистыя, избрала себѣ послѣдній пріютъ. Не смотря на всѣ бѣдствія, какія претерпѣла древняя митрополія литовская, до 1810 года сохранилась въ ея усыпальницѣ гробница королевы, съ тремя гербами: московскимъ, литовскимъ и польскимъ, на серебрянной ея плитѣ; но когда фанатизмъ Польши и малодушіе уніи рѣшились обратить древнюю каѳедру Литвы въ анатомическій театръ, не уцѣлѣла и гробница Елены, хотя и бывшей королевы польской. Старожилы въ Вильнѣ еще помнятъ, какъ похищена была серебрянная съ нея доска и перелита въ столовую утварь. Такъ мало заботились тогда о древности и святынѣ, которыя достались въ руки латинянъ. Быть можетъ, при обновленіи собора, обрѣтена будетъ ограбленная гробница заступницы земли литовской и другихъ поборниковъ ея православія, которые почили подъ сводами митрополіи.

Въ первыхъ годахъ XVI столѣтія, неизвѣстно по какой причинѣ, можетъ быть отъ землетрясенія, упалъ внезапно главный куполъ собора Пречистыя и повредилъ его стѣны; а такъ какъ около того же времени соорудилась подлѣ него небольшая церковь Спасская, то можно предполагать, что поврежденіе собора было причиною сей постройки для временной службы, до возобновленія каѳедральнаго храма. Можетъ быть, великая княгиня Елена построила сію церковь въ честь Нерукотвореннаго Образа Спасова, который принесла изъ Греціи ея мать, царевна Софія. Отъ сей малой церкви названіе Спасскаго усвоилось и древнему храму Пречистыя, когда началъ онъ приходить въ запустѣніе въ минувшемъ столѣтіи; даже и теперь величественное его зданіе слыветъ Спасскими казармами, отвлекая отъ него, столь неумѣстнымъ названіемъ, благочестивое вниманіе любителей древности и святыни.

Но и церковь Спасская не избѣжала той же печальной участи и напрасно будете искать ея слѣдовъ возлѣ собора; она стерта съ лица земли, а на ея мѣстѣ построенъ частный домъ Андреевскаго. Тому же запустѣнію подверглись и другія ближайшія церкви, окружавшія со всѣхъ сторонъ каѳедральный соборъ; ибо тутъ было сердце православія и стояли палаты

митрополитовъ литовскихъ, частію обращенныя въ зданіе городской думы. Такимъ образомъ, церковь св. Екатерины, на западъ отъ собора, теперь находится подъ домомъ Квятковскаго; церковь Рождественская, на востокъ отъ него, теперь подъ домомъ еврея Завеля, въ переулкѣ сестеръ милосердія; а церковь Покрова, обращенная сперва въ химическую лабораторію бывшаго университета, теперь служитъ конвиктомъ для гимназіи. Кто исчислитъ всѣ подобныя поруганія древнихъ виленскихъ церквей, которыхъ считалось до 36, когда процвѣтало православіе въ столицѣ литовской?

Не царственная, однако, вдовица Елена, горько доживавшая послѣдніе годы свои въ Вильнѣ, обновила поврежденный соборъ. Явился другой поборникъ православія въ Литвѣ и на Волыни, князь Константинъ Острожскій, отъ племени Рюрикова. Онъ испросилъ у короля Сигизмунда, въ 1511 году, грамоту на обновленіе древней митрополіи, ибо таково было въ то время стѣсненіе для православныхъ, что, безъ королевскаго разрѣшенія, нельзя было даже приступать къ исправленію давно уже существовавшихъ храмовъ. Не довольствуясь обновленіемъ собора, ревностный князь приписалъ къ нему, въ 1522 году, двѣ свои вотчины въ окрестностяхъ Вильны, для содержанія при храмѣ митрополитанскомъ четырехъ священниковъ и двухъ діаконовъ. Это свидѣтельствуетъ о тогдашнемъ убожествѣ митрополитовъ литовскихъ, которые нуждались въ посторонней помощи, для содержанія ближайшаго своего клира въ Вильнѣ, такъ какъ сами они большею частію пребывали въ Новогрудкѣ.

Свѣтлое лице въ исторіи западной Руси былъ князь Острожскій, воевода силъ великаго княжества и боецъ всѣхъ его битвъ съ властителями московскими и съ ордою. Взятый въ плѣнъ, послѣ кровопролитной сѣчи, воеводами великаго князя Іоанна, онъ бѣжалъ въ Литву, послѣ его кончины, и отмстилъ за свое пораженіе столь же кровопролитною побѣдою подъ Оршею, гдѣ погибъ цвѣтъ юношества московскаго. Въ память сей побѣды, славной для западной Руси, хотя и весьма горестной для восточной, князь Константинъ излилъ щедрыя благодѣянія на храмы православные въ Вильнѣ, ибо король Сигизмундъ не могъ ни въ чемъ отказать побѣдоносному гетману.

Въ 1514 году, обновилъ онъ деревянную церковь Святаго Духа, построенную еще королевою Еленою, и соорудилъ вели-

колѣпный каменный храмъ въ обители Св. Троицы. Тогда же обновилъ и древнюю церковь святителя Николая на большой улицѣ, которая построена была второю супругою Ольгерда Іуліанею, но опустошена пожаромъ,—и все сіе въ память одной своей славной побѣды. Сынъ его и преемникъ, соименитый ему князь Константинъ, подражалъ отцу въ ревности къ православію; онъ былъ покровителемъ духовнаго просвѣщенія и единственнымъ его оплотомъ на Руси; но уже долженъ былъ бороться съ уніею, которая возобладала на брестскомъ соборѣ, въ 1596 году, и овладѣла постепенно почти всѣми святилищами православныхъ Такой бѣдственной участи подвергся и каѳедральный соборъ литовской столицы.

Прежде однако, нежели унія овладѣла древнею каѳедрою православія, въ стѣнахъ храма Ольгердова совершилось торжество, какого не видало еще сіе святилище, со времени своего основанія. Самъ первосвятитель вселенской церкви, патріархъ константинопольскій Іеремія, посѣтивъ Вильну въ 1588 году, рукоположилъ въ соборѣ Пречистыя новаго митрополита западной Руси, Михаила Рагозу, потому что, по строгости правилъ церковныхъ, не могъ оставаться на каѳедрѣ, какъ двоеженецъ, бывшій митрополитомъ Онисифоръ.

Но избраніе Рагозы осталось горько памятнымъ для всего края, ибо его малодушіемъ воспользовались подчиненные ему епископы, чтобъ отторгнуть отъ православія большую часть западной Руси. Какъ бы предчувствуя скорое отпаденіе, ревностный патріархъ тогда же утвердилъ грамотою своею новое братство при обители Св. Троицы, и чрезъ него сохранилась послѣдняя искра православія въ западной Руси, посреди тяжкихъ гоненій. Однако унія, объявленная на брестскомъ соборѣ, не легко могла водвориться въ Вильнѣ, и, во время управленія Михаила Рагозы, каѳедральный храмъ Пречистыя сохранилъ свое православіе и не принималъ общенія римскаго.

Не ранѣе 1609 года, только чрезъ 13 лѣтъ послѣ начала уніи, сильный ея поборникъ, Ипатій Поцей, заступивъ мѣсто митрополита Михаила, рѣшился провозгласить унію въ своемъ каѳедральномъ соборѣ; онъ отслужилъ тамъ торжественный молебенъ о соединеніи церквей, и впервые имя римскаго папы огласило храмъ Пречистыя, который въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ былъ хранилищемъ православія въ землѣ литовской.

Но дерзость сія едва не стоила жизни самому лжепастырю; возмутился народъ и напалъ на отступника вѣры отеческой, въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ поруганнаго имъ собора. Ипатій долженъ былъ спасаться бѣгствомъ и былъ преслѣдуемъ камнями до самыхъ воротъ Троицкой обители, которою уже владѣли базиліане. Тамъ утвердилъ онъ временно свою каѳедру, такъ какъ большая часть жителей, исповѣдавшихъ православіе, обитала въ многолюдной части города, около собора, въ Зарѣчьѣ.

Бѣгство лжепастыря было послѣднимъ историческимъ событіемъ, которымъ ознаменовался древній соборъ Пречистыя. Послѣ насильственнаго водворенія уніи, каѳедра православныхъ митрополитовъ стала клониться къ паденію и постепенно пустѣла, по охлажденію къ ней бывшихъ ея прихожанъ; но совершенное запустѣніе произошло не ранѣе половины минувшаго столѣтія. Въ 1748 году, страшный пожаръ, опустошившій Вильну, истребилъ и палаты митрополитскія; пламя коснулось и каѳедральнаго собора, который обгорѣлъ внутри и снаружи, такъ что самое богослуженіе стали совершать въ небольшой сосѣдней церкви Спасской; самая же каѳедра окончательно была перенесена къ базиліанамъ, въ Троицкую обитель. Однако, въ исходѣ того же столѣтія, еще однажды возбудилось усердіе уніатовъ; митрополитъ ихъ Іасонъ Смогоржевскій, поступившій на сію каѳедру изъ архіепископовъ полоцкихъ, скудными средствами возобновилъ опустѣвшій храмъ въ 1785 году, хотя въ иномъ уже видѣ, безъ купола и башень, съ высокою готическою крышею и стрѣльчатымъ фронтономъ; но уже не было при соборѣ особаго причта, богослуженіе совершали тамъ базиліане изъ Троицкой обители до начала нынѣшняго столѣтія. Есть еще старожилы въ Вильнѣ, которые помнятъ, что они бывали на церковной службѣ въ храмѣ Пречистыя до 1810 года, когда фанатизмъ польскій, по глубокой ненависти и презрѣнію ко всему православному, обратилъ это древнѣйшее святилище наше въ анатомическій театръ.—Воскреснетъ ли онъ изъ своихъ развалинъ, какъ фениксъ, изъ своего пламеннаго костра, въ залогъ и свидѣтельство обновленной жизни православія въ родномъ краѣ литовскомъ?—Есть надежда, что воскреснетъ, потому что нынѣшній главный начальникъ края обратилъ вниманіе на бѣдственное положеніе древняго святилища, и

уже составленъ проектъ для его обновленія; будетъ воззваніе и къ благочестивой ревности православныхъ соотечественниковъ, которые конечно откликнутся на такой патріотическій зовъ.

III.

—

НѢЧТО О ДЕБЮТѢ «КІЕВЛЯНИНА» [1]).

Вышли первые 2 №№ Кіевлянина; чтожъ мнѣ сказать о нихъ? Можнобъ и не говорить: они не стоютъ этой чести; но я долженъ говорить и потому, что молчаніе мое былобъ и трусостью и преступленіемъ. Въ этихъ №№ какой-то N лягнулъ по мнѣ, поглумился надъ многими и оказалъ медвѣжью услугу самому Кіевлянину. Чтожъ мнѣ сказать о семъ послѣднемъ? А то, что лучше былобъ и для «правительственной опеки,» и для Кіева, и для Кіевлянина, и для всѣхъ и для всего, еслибъ Кіевлянинъ не являлся въ мірѣ явленій: правительство тогда было бы богаче 6000 рублей, литература была бы бѣднѣе однимъ хамелеономъ, Ѳ. Чацкій—однимъ панигиристомъ, русская въ краѣ народность—самымъ плохимъ ея адвокатомъ.

Въ первомъ № Кіевлянина замѣчательна и передовая статья и фельетонъ; сначала о первой, потомъ о послѣднемъ.

1). Передовая статья 1 № Кіевлянина поражаетъ вниманіе удивительною безхарактерностью и розныю тону объявленія. Первая доходитъ до путаницы представленій, вторая доводитъ

[1]) Авторъ этой статьи немного опоздалъ для помѣщенія ея въ послѣдней книжкѣ Вѣстника за минувшій годъ; поэтому редакція его помѣщаетъ эту статью не совсѣмъ своевременно. Впрочемъ она утѣшаетъ себя, въ этомъ случаѣ тѣмъ, что доброе дѣло никогда не поздо.

до сострадания объ артистахъ, взявшихся не за свое дѣло. Постараюсь доказать эти положенія.

а). Желая объясниться (нѣсколько поздо) [1]) предъ публикой на счетъ своего характера и направленія, Кіевлянинъ прибѣгаетъ къ такимъ изворотамъ и парадоксамъ, которые невольно заставляютъ предполагать въ его дѣятеляхъ шаткость убѣжденій, бѣдность познаній, безсильныя попытки примирить модные софизмы нигилистовъ съ положеніями здраваго ума и честнаго сердца,—расчетъ на популярность—съ потребностями «органа мѣстной администраціи.» Будемъ говорить по порядку.

«Одинъ мѣстный публицистъ (такъ выражается Кіевлянинъ) заподозрилъ насъ въ неправославіи на томъ основаніи, что мы провозглашаемъ христіанскія начала воспитанія на ряду съ православными.» Нѣтъ г. Шульгинъ [2]), онъ не заподозрилъ васъ въ неправославіи, а доказалъ вамъ неправославіе вашей затѣи или теоріи. Вы полагаете «въ основу воспитанія [3]) *какое-то* христіанство и православіе, двѣ, то есть, какія-то религіи. Вы скажете я привязываюсь? такъ пойдемте со мною по прямой дорогѣ, проторенной здоровою логикою. Теперь я спрашиваю васъ: есть ли какое либо различіе между вашимъ христіанствомъ и православіемъ? Если нѣтъ, то вы напрасно ихъ раздѣляете, ставите каждое особнякомъ; если же есть, то у нихъ должны быть свои отличительныя примѣты; то тамъ, гдѣ есть *ваше* христіанство, нѣтъ православія, и наоборотъ; то, внушая народу идеи христіанскія (ваши), вы внушаете ему идеи не православныя и т. д. Нѣтъ, г. Шульгинъ, лучше не говорите о томъ, чего не знаете [4]), и сами вѣрьте себѣ, какъ знаете, но не навязывайте вашей эрунды и христіанства нашему

---

[1]) Отъ чего бы не съумѣть составить объявленіе такъ, чтобы послѣ не нуждаться въ комментаріяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ объявленіемъ?

[2]) Вѣроятно же передовая статья принадлежитъ ему.

[3]) И не забудьте воспитанія и притомъ народнаго.

[4]) Изумительно, какъ могла пропустить цензура подобное ученіе и почему не предъявила (какъ и нужно было сдѣлать) его на усмотрѣніе тѣхъ, которые никогда не пустили бы въ ходъ подобнаго лжеученія.

доброму, православному народу, имѣющему, слава Богу, учителей, которые могутъ научить его православію и безъ *вашего* христіанства.

«Насъ (говоритъ г. Шульгинъ) обвинили въ антимонархическихъ стремленіяхъ за сочувствіе къ положенію о земскихъ учрежденіяхъ» и проч. Помилосердуйте, г. Шульгинъ,—развѣ можно такъ *честно* обходиться съ чужимъ словомъ! Васъ точно обвинили въ антимонархизмѣ; но отнюдъ не за сочувствіе къ земскимъ учрежденіямъ, а за то, что вы ясно и гласно отказались отъ сочувствія къ «централизаціи и правительственной опекѣ.» Теперь вы заговорили другое, когда васъ вывели на чистую воду, вскрыли секретъ полученія вами 6000 р. отъ «правительственной опеки» и перевели на ясный языкъ вашу номенклатуру.

«Редакція (говоритъ г. Шульгинъ) смотритъ на потребности юго-западнаго края.... съ точки зрѣнія его прошлаго и настоящаго, прошлою жизнію объясняетъ настоящую.» Какъ же можно смотрѣть иначе? Конечно, нельзя! Отъ чегожъ Кіевлянину такъ поздо далась такая вопіющая потребность? Онъ вѣдь не хотѣлъ и трогать прошлаго, онъ, въ разныхъ мотивахъ своего объявленія, далъ слово не касаться того, что «ясно [1]), какъ день б(Б)ожій, раскрывать скрижали народной Немезиды,—далъ слово смотрѣть на этотъ край, какъ на сегодня лишь упавшій съ неба чисто русскимъ. Рядомъ съ этою странностью стоитъ слѣдующая тирада: «она (редакція) признаетъ право (?) *каждой* [2]) народности...... [3]), а потому будетъ отстаивать права русской народности, ибо она (должно быть редакція, хотя, по смыслу, выходитъ—народность) смотритъ на югозападный край, какъ на испоконъ (–) вѣка русскій, *хотя* (?) и сохранившій свои особенности, которыя имѣютъ право на признаніе, потому что сложились цѣлою исторіею народа (?).» О, глубина премудрости и разума!... Я назначаю демидовскую премію тому, кто въ этомъ хаосѣ найдетъ руко-

---

[1]) Не потому ли только, что ясно?

[2]) Обратите вниманіе на это широчайшее слово и согласите его съ словами: край русскій, русскій, русскій.

[3]) Пропускаемъ побочныя фразы, чтобы виднѣе была логика Кіевлянина.

водящее начало, кто подведетъ складъ этой тирады подъ условія общечеловѣческой логики. Кіевлянину не хотѣлось, кажется, отвергать и русскости этого края [1]) и польскости [2]), и потому онъ то «признаетъ права каждой народности,» то возвѣщаетъ, что это край испоконъ(-)вѣка русскій [3]),» и все это переплетаетъ такими вставками, въ матеріалѣ, ткани, новизнѣ и цвѣтѣ которыхъ нѣтъ ничего общаго съ главными положеніями. Нѣтъ, г. Шульгинъ, если ужъ вы задѣли исторію; то вы не смѣли признавать въ югозападномъ краѣ Россіи права (на что?) *каждой* народности. Эта исторія указала бы вамъ, что это край *испоконъ-вѣка* русскій, что народность въ немъ *одна*, а не нѣсколько [4]), что въ этомъ краѣ (какъ и во всякомъ) есть пришлецы, узурпаторы, есть гости, ренегаты и другіе случайники, а историческія права на народность имѣютъ въ немъ только люди русскіе.

Задавшись такими несостоятельными понятіями о народностяхъ югозападнаго края, г. Шульгинъ уже невольно полетѣлъ по крутой и скользкой покатости софизмовъ въ бездну абсурдовъ Онъ говоритъ: «редакція смотритъ на отношенія великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ не съ узко-великорусской (!!!) точки зрѣнія, не съ хохломано-львовской и не съ шляхто-польской: она («о, Тришка малый не простой!») смотритъ на эти три мѣстныя группы, какъ на три родныя отрасли,... проявленія одного русскаго (?!) народа. Союзъ ихъ.... проникаетъ въ соки и кровь организма единовѣрнаго (?), единоплеменнаго, единоязычнаго (?), онъ сложился исторіею, и не разорвать его.... кабинетнымъ теоритикамъ и.... областнымъ патріотамъ.» Пусть себѣ редакція смотритъ на отношенія народностей, какъ можетъ, какъ хочетъ: бываютъ разныя точки, разныя болѣзни зрѣнія и разныя причины этихъ болѣзней; но пусть не клевещетъ на эти отношенія и притомъ во имя какой-то исторіи. Что это за *узкая* точка зрѣнія великорусскаго,

---

[1]) Это было бы противно девизу Кіевлянину.

[2]) Это не помирилось бы съ намѣреніемъ его.

[3]) Развѣ это не ясно, какъ денъ Божій?

[4]) Слово—каждый позволяетъ подразумѣвать даже всѣ народности, какія только есть на земномъ шарѣ.

почему она *узкая*, какая по-шире ея; какое различіе львовско-хохломанской точки зрѣнія отъ кіево и петербургско-хохломанской [1]), какъ это вышли русскіе народомъ единовѣрнымъ, единоязычнымъ [2]) съ поляками; гдѣ нашелъ г. Шульгинъ такой союзъ первыхъ съ послѣдними, который проникъ въ соки и кровь организма (?),—на всѣ эти вопросы требуютъ отъ г. Шульгина ясныхъ отвѣтовъ и великороссы, и поляки, и исторія, и областные патріоты,—особенно первые и послѣдніе.

Неясь по той покатости, въ ту бездну, о которыхъ я сказалъ сейчасъ, г. Шульгинъ, послѣ идилій на счетъ *союза* поляковъ съ русскими, проникшаго якобы въ соки и кровь одного организма, какъ ни въ чемъ не бывало называетъ первыхъ «народностью [3]), усмиренной, но не смирившейся.» Вотъ тебѣ и союзъ, да еще такой плотный! Но этотъ фокусъ-покусъ понадобился, изволите видѣть, г. Шульгину «для умиротворенія» союзниковъ, и потому «*ни въ какомъ случаѣ* не утаивая факта (?)... не станетъ (редакція) нарочно вызывать печальныя явленія» и проч. Это, по мнѣнію г. Шульгина, «поддерживаетъ тревожное состояніе края, населеннаго различными [4]), не всегда симпатизирующими (вотъ тебѣ снова *союзъ!*) народностями.» Съ такой точки зрѣнія, вы, г. Шульгинъ, точно разошлись и съ правдой и даже съ логичностью рѣчи. Вы не хотите вызывать раздражающихъ, печальныхъ явленій [5]), и въ тоже время даете обѣтъ—*ни въ какомъ случаѣ* не утаивать факта (конечно историческаго); вы трактовали о крѣпкомъ союзѣ разныхъ народностей края, а теперь толкуете о тревожномъ состояніи ихъ, объ антипатіи другъ къ другу. Кто васъ разберетъ, что вы хотите сказать и какъ у васъ вяжется одна мысль съ другою! Ваша премудрость, должно быть, помѣщается

---

[1]) Вѣдь самые красные хохломаны, корреспонденты львовской прессы,—все наши земляки.

[2]) Г. Шульгинъ, очевидно, смѣшиваетъ понятія славянинъ и русскій.

[3]) Край русскій, а народность польская!.. Что это за фокусъ-покусы!

[4]) А вѣдь этотъ край трижды русскій!

[5]) Конечно, исторіи югозападнаго края.

въ какихъ-то особыхъ двухъ резервуарахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ ея резервуарами у другихъ смертныхъ.

Таже путаница понятій и противорѣчіе другъ другу мыслей, стоящихъ рядомъ, виднѣется у г. Шульгина на всякомъ шагу и тамъ, гдѣ онъ толкуетъ (подъ конецъ передовой статьи) о поднятіи русской въ краѣ народности безъ «обезнародованья и истребленія (кто объ этомъ и думаетъ!) другой (?)—о гуманности къ этой другой (польской, должно быть) и въ то же время о прогнаніи поляковъ съ должностей, объ экономическомъ *давленіи* чужеродцевъ(—)землевладѣльцевъ [1]) и проч. и проч. и проч.

1) Урокъ, данный мною Кіевлянину въ «Телеграфѣ», не прошелъ безслѣдно. Когда я объявилъ нѣкоторымъ друзьямъ своимъ о намѣреніи—казнить литературно абсурды и тенденціи, заявленныя въ объявленіи объ изданіи Кіевлянина,—они совѣтовали мнѣ отложить исполненіе этого намѣренія до выхода первыхъ двухъ-трехъ №№ Кіевлянина. Что-то было бы, если бъ я ихъ послушался! Какой бы тамъ не было эрунды, когда и послѣ статьи моей, въ одномъ № Кіевлянина явилось столько странностей и путаницы! Но я боялся, чтобъ ядъ, проникшій путемъ печати въ общество, не отравилъ кого либо, и потому предпочелъ пользу общую, вреду, какой могъ бы причинить Кіевлянину, уличивъ его на самомъ мѣстѣ преступленія,—я хотѣлъ предостеречь Кіевлянинъ отъ формулированія его опасныхъ заблужденій, и цѣль моя на половину достигнута: Кіевлянинъ явился далеко не такимъ краснымъ, какимъ онъ хотѣлъ явиться. Вотъ доказательства.

Объявленіе Кіевлянина весьма не ловко хотѣло спрятать фактъ полученія отъ правительства 6000 рублей субсидіи. Причины этой утайки чужой собственности для меня понятны. Нельзя же было при большей откровенности прослыть либеральнымъ, искать популярности, отказаться отъ симпатіи къ «централизаціи и правительственной опекѣ,» восторгаться Чапкими и проч. За то теперь, какую чистосердечную исповѣдь принесъ Кіевлянинъ въ промахахъ своего объявленія, въ полученіи отъ

---

[1]) Чтожъ это за чужеродцы „въ организмѣ единовѣрномъ, единоплеменномъ, единоязычномъ,“ проникнутомъ такимъ крѣпкимъ союзомъ!?..

правительственной опеки 6000 р. и въ своей «безпечальной и убаюкивающей зависимости» отъ этой опеки, или точнѣе 6000 и проч.! Не смотря на эту исповѣдь, Кіевлянинъ все-таки хочетъ хоть казаться либеральнымъ: съ обычною ему непослѣдовательностью, онъ толкуетъ о какомъ-то разномысліи общества (модный абсурдъ) съ правительствомъ, угрожаетъ разойдтись съ администраціей (а шесть-то тысячъ!), «коль скоро она станетъ выраженіемъ не интересовъ русскаго общества [1]), но какой бы то ни было одной партіи [2]),» обѣщается сойдти со сцены, когда увидитъ невозможность добросовѣстно (по личному разумѣнію) и по убѣжденію исполнить свою миссію и утѣшится пословицей: «честь предложена, отъ убытка Богъ избавилъ.» Да честь-то предложена не вами, а вамъ, тогда какъ отъ убытка Богъ избавитъ точно васъ, но не правительство. Нечего сказать, хорошъ органъ правительства! Ну какъ тутъ не вспомнить малорусской пословицы: «биду соби купила, та за свои гроши.»

И къ стиху Пушкина на счетъ древнихъ скрыжалей и гнѣвнаго лица народной Немезиды Кіевлянинъ замѣтно сталъ равнодушнѣе. Теперь ужъ онъ «*ни въ какомъ случаѣ* не утаитъ факта, какъ бы онъ вопіющъ (?) ни былъ,» а этими фактами (прибавлю по неволѣ) только и переполнены международныя, польскорусскія скрыжали. Правда, и тутъ Кіевлянинъ говоритъ объ умиротвореніи, о нежеланіи «вызывать раздражающія, печальныя воспоминанія о к(К)оліевщинѣ и т. п. печальныхъ явленіяхъ,» о какихъ-то союзахъ и проч.; но мы видѣли уже, какъ все это мирится съ исторіей и само съ собою.

Но съ Чацкимъ случился всего болѣе замѣтный метаморфозъ. Ему, какъ я слыхалъ, готовился цѣлый панигирикъ,

---

[1]) Какъ будто администрація способна на это, какъ будто администрація не изъ среды общества и какъ будто общество должно быть въ постоянномъ разладѣ съ администраціей!

[2]) Хотя бы самой благонамѣренной, на сторонѣ которой честь, долгъ и правда? Самыя геніальныя открытія, самыя высокія истины были всегда на сторонѣ меньшинства. Гдѣ была истина,—въ томъ ли, кто на судѣ Пилата сказалъ: я истина, или въ буйной, кровожадной толпѣ, кричавшей: распни его?...

чуть не акаеистъ, а дѣло кончилось на сбивчивомъ, двуличномъ, крайне не логичномъ абрисѣ. Изъ бѣглаго моего очерка физіономіи Чацкаго, г. Шульгинъ смекнулъ, что это за личность и крѣпко попятился назадъ. Теперь ужъ Чацкій и пропагандистъ, и полонизаторъ края и проч. и проч. Но, не желая круто повернуть въ другую сторону, г. Шульгинъ все еще усиливается откапывать въ жизни этого отъявленнаго врага Россіи и православія эпизоды, достойные панигирика. Не ловкость этой натяжки доводитъ до сострадація о панигиристѣ Чацкаго. Ну какъ таки, не краснѣя предъ судомъ руссекой правды и общественнаго мнѣнія, хвалить Чацкаго за то, что онъ «въ 7 лѣтъ основалъ 125 школъ,» по словамъ самаго г. Шульгина, «сильно содѣйствовавшихъ полонизаціи края!» Логично ли хвалить человѣка за то, что собранныя имъ ученыя богатства собственно для *себя, въ своихъ видахъ*, сдѣлались послѣ, въ слѣдствіе политической преступности этого человѣка и перемѣны ролей, собственностію *нашею!* Еслибъ этотъ человѣкъ собралъ эти богатства *именно* для насъ, отдалъ ихъ намъ *самъ*, тогда бы мы имѣли еще право сказать ему: спасибо; но если онъ собиралъ ихъ для Польши, если мы взяли ихъ *себѣ*, не спросясь у Чацкаго, то гдѣ тутъ его заслуга, за что его хвалить? Послѣ этого нужно восхищаться подвигами всякаго бунтовщика, который казненъ за политическія преступленія, и котораго имѣніе конфисковано; послѣ этого нужно благоговѣть предъ всякимъ разбойникомъ, награбленныя богатства которымъ поступили въ казну, по невозможности отыскать ихъ хозяевъ! Тоже нужно сказать и о заслугахъ Чацкаго по части открытія школъ. Аргументъ этотъ разбился у г. Шульгина на двѣ части: первая говоритъ почти такъ: Чацкаго нужно хвалить за то, что онъ открылъ 125 школъ, «сильно содѣйствовавшихъ полонизаціи края;» вторая гласитъ: Чацкаго нужно хвалить за то, что и мы, по примѣру его, можемъ открыть много народныхъ школъ. Одна часть аргумента забавнѣе другой! Нужно ли хвалить Чацкаго за первый подвигъ, это видитъ всякій безъ доказательствъ; логично ли его ставить въ образецъ для подражанія нашего въ дѣлѣ народнаго развитія, это требуетъ нѣкоторыхъ соображеній. Чацкій открывалъ школы *чисто* въ видахъ латино-польской пропаганды, изъ политико-религіозной нетерпимости,—для нанесенія возможно-большаго

вреда ненавистной для него Россіи и православію; мы открываемъ школы *чисто* для поднятія нравственнаго достоинства человѣка, для просвѣщенія и вразумленія темнаго, забитаго, доведеннаго до идіотства враждебною намъ силою, или точнѣе—насиліемъ, народа,—открываемъ на пользу свою, безъ вреда для другихъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ политической миссіи и религіозной пропаганды; чтожъ можетъ быть у насъ съ паномъ Чацкимъ общаго въ дѣлѣ распространенія народнаго просвѣщенія? Далѣе, Чацкій основалъ около 260 [1]) школъ; а наше духовенство на той же территоріи открыло ихъ въ 3 года около 4000, такъ что уже негдѣ и не зачѣмъ открывать ихъ, такъ что образчикъ г. Шульгина дѣлается *0* въ сравненіи съ людьми, подвизающимися на пользу *православно*-русскаго, народнаго сбразованія [2]). Не будетъ ли Чацкій для насъ такимъ же образчикомъ, какимъ былъ бы пигмей для исполина, разрушитель для строителя, демонъ для ангела,—человѣкъ, который рѣжетъ ножемъ людей, для человѣка, который рѣжетъ имъ хлѣбъ, или дѣлаетъ какую нибудь полезную вещь? По здравой логикѣ выходитъ такъ! Поэтому, истинно-русскій долженъ «бранить только (только, и только, и тысячу разъ только) Чацкаго.»

А между тѣмъ г. Шульгинъ, сознаваясь, что Ѳ. Чацкій

---

[1]) Г. Шульгинъ, вѣроятно, какъ-то случайно составилъ понятіе о Чацкомъ, какъ о визитаторѣ школъ; но это роль Чацкаго только первоначальная, это дебютъ его миссіи. Его пропаганда отяготѣла надъ краемъ преимущественно тогда, когда онъ сдѣлался попечителемъ, меценатомъ, чуть не министромъ просвѣщенія въ югозападной Россіи. Тогда только онъ, вмѣстѣ съ А. Чарторыйскимъ, ловко, энергично и неусыпно началъ подготовлять горючіе матеріалы для польскаго бунта 30 года. По неволѣ спросишь при этомъ съ изумленіемъ: какъ это достаетъ у людей отваги лѣзть въ публицисты, издавать газету югозападнаго края Россіи, не зная азбуки исторіи этого края вообще и хоть бы такой исторической личности, какъ Чацкій—въ частности.

[2]) Г. Шульгинъ, конечно, „слона-то и не примѣтилъ,“—промахнулъ, вѣроятно, школы, открытыя духовенствомъ, почему-то особенно ему не нравящіяся.

«работалъ въ тайнѣ на пользу польскаго образованія [1]), «усвоян (поздо спохватились, г. Шульгинъ!) ему «враждебныя для насъ дѣйствія,»—все еще упорствуетъ въ усвоеніи Чацкому только «затаенныхъ мыслей.» Да я просто не понимаю, какъ это и чѣмъ вы разсуждаете, философствуя такимъ образомъ! Какой же творецъ революціи будетъ кричать съ колокольни, на площади о своихъ затѣяхъ! Главнѣйшее ихъ достоинство—секретъ. И этотъ секретъ въ отношеніи къ Чацкому былъ секретомъ только для близорукихъ, живущихъ на авось, и только до 30 года; а съ этого времени всѣ, даже дѣти развитыя (за исключеніемъ нѣкоторыхъ премудрыхъ мужей), знаютъ, что такое Чацкій и какія были его «мысли.»

Не церемоньтесь же, г. Шульгинъ, и коли вамъ пришла благая мысль каяться въ передовой статьѣ вашей о прегрѣшеніяхъ, подмѣченныхъ мною въ вашемъ жалкомъ объявленіи, такъ кайтесь во всѣхъ, кайтесь искренно, безъ чванства, самоизвиненій, самообольщеній: сознайтесь, что вы плохо учились логикѣ, не знакомы съ исторіей югозапада Россіи, не имѣете понятія о Чацкомъ, равнодушны, быть можетъ, къ русской вѣрѣ и народности и проч. и проч.

Но въ тирадѣ о Чацкомъ всего интереснѣе предпочтеніе этого пана «тѣмъ людямъ, которые выѣзжая (слова г. Шульгина) на квасномъ (а вашъ горькій—что-ли?) патріотизмѣ...., снабжаютъ его полуграмотными [2]) оттисками журнальныхъ статей,...... имѣющими практическую цѣль:(—)перевести (отъ чего жъ—не перенести?) въ свой карманъ трудовую копе (тредьяковское правописаніе: посмотрите на мѣдную монету русскую настоящаго столѣтія!) йку мужика» (анахронизмъ).

---

[1]) Не образованія, а революціи,—на пользу образованія онъ работалъ открыто, а не втайнѣ.

[2]) На счетъ грамотности не вамъ бы, г. Шульгинъ, говорить, не мнѣ бы слушать! По моей милости вы поставили запятую, послѣ названія своей газеты; вы пишите: нис(з)шій, най(и)болѣе, свѣдѣ(е)ніе, поведѣ(е)ніе, данныя дать, живое (а есть и мертвое?) олицетвореніе и проч., и проч. Плохо, значитъ, учились русской грамотѣ, мало упражнялись въ письмѣ на доскѣ, подъ диктовку,—учились, то есть, на мѣдныя деньги.

Я думаю, что эта тирада, съ обычною г. Шульгину непослѣдовательностію, какъ-то прицѣпленная къ Чацкому,—мѣтитъ на нѣкоторыя брошюры, распространенныя въ народѣ Вѣстникомъ югозападной и западной Россіи. Но г. Шульгинъ на счетъ ихъ одержимъ тѣмъ же невѣденіемъ, какимъ страдаетъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Вотъ краткая исторія и статистика этихъ брошюръ. Сколько мнѣ извѣстно, это были брошюры: «Объясненіе одной фразы въ объявленіи и проч.» и «Бесѣда русскаго человѣка съ народомъ и проч.» Первая изъ этихъ брошюръ [1]) имѣла въ виду помочь православному духовенству въ изученіи пріемовъ латинопольской пропаганды и указать оружіе въ борьбѣ съ нею; вторая старалась вразумить народъ и поставить его въ нормальныя отношенія къ бунтовавшему польскому панству. Обѣ эти брошюры, должно быть, были какъ нельзя болѣе современны и многоплодны; потому что первую изъ нихъ *приказали* [2]) напечатать отдѣльными оттисками три архипастыря [3]), въ количествѣ 4000 экземпл.; послѣдняя [4]) была приложена подписчикамъ въ видѣ прибавленія—безмездно, конечно. Но г. начальникъ югозападнаго края Россіи (лично редактировавшій эту брошюру) приказалъ напечатать ее для распространенія въ народѣ, въ числѣ 10000, а г. начальникъ западнаго края Россіи—въ числѣ 15000 экз. За эту брошюру редакція Вѣстника не получила отъ югозапада Россіи ни одной копѣйки, такъ какъ г. начальникъ этого края приказалъ продавать ее по 1½ к. с., и деньги отсылать въ сельскія школы; а отъ генералъ-губернатора М. Н. Муравьева авторъ статьи точно получилъ по 3 к. с. за экземпл.; сумма едва покрывшая издержки изданія и пересылки. Что касается первой брошюры [5]), она продана *авторомъ* по 10 копѣекъ за экз. и тоже едва окупила издержки изданія и пересылки.

---

[1]) Замѣчу мимоходомъ, что брошюры эти—верхъ совершенства—и по грамотности, и по цѣли, и по изложенію, и по содержанію.

[2]) Редакція Вѣстника, стало быть, и не думала этого дѣлать.

[3]) Четвертый перепечаталъ эту статью въ своихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

[4]) Она вовсе статья не журнальная.

[5]) Болѣе печатнаго листа убористой печати.

А еслибъ авторъ и получилъ за свое произведеніе какой нибудь гонорарій, то это можетъ производить разлитіе желчи только въ натурахъ болѣзненныхъ нравственно и физически. Тутъ авторъ получилъ, выражаясь меркантильнымъ языкомъ, плату за наличный товаръ, а Кіевлянинъ продалъ не краснѣя, за 6000 то, чего не имѣлъ. Вотъ, г. Шульгинъ, самая правдивая, почерпнутая мною отъ лицъ самыхъ достовѣрныхъ, справка объ оттискахъ, испортившихъ у васъ столько крови. А вы такъ напрасно оклеветали ихъ, не имѣя объ нихъ ровно никакого понятія!...

2) Теперь мое вамъ почтеніе, г. фельетонистъ! Я очень радъ, что съ вами встрѣтился въ 1 № Кіевлянина [1]) и чуть не плачу, что не встрѣтился во 2-мъ. Вы доставили мнѣ своимъ безцеремоннымъ обращеніемъ со всѣмъ почтеннымъ вообще и со мною въ особенности такое развлеченіе, такое наслажденіе, что я не нахожу словъ для выраженія вамъ моей живѣйшей благодарности. Позвольтежъ и мнѣ заплатить вамъ, г. Неизвѣстный, откровенностью за откровенность, симпатіей за симпатію. Жаль только, что вы надѣли такую плотную маску на вашу выразительную физіономію, лишили меня удовольствія наслаждаться ея примѣтами и, по примѣру другихъ смертныхъ, «показываете кукишъ (деликатный слогъ Неизвѣстнаго)» не въ карманѣ, а изъ подъ антиподовъ. Но къ дѣлу!

Поглумившись надъ всѣмъ, что дорого для Кіева, для края, обрызгавъ слюною и невинный «Телеграфъ,» и незабвенную для России личность Д. Г. Бибикова, и память благороднѣйшаго, покойнаго князя И. И. Васильчикова, оказавъ медвѣжью услугу даже своему патрону,—г. Неизвѣстный принялся за дѣятелей кіевскихъ, стоящихъ на второмъ планѣ. Все, что есть въ Кіевѣ лучшаго, благонамѣреннѣйшаго, преданнѣйшаго

---

[1]) Урокъ, данный мною Кіевлянину, особенно замѣтенъ во 2-мъ его №. Тутъ ужъ тонъ объявленія пониженъ просто на октаву: нѣтъ ни либерализма, ни умиротворенія, ни Чацкихъ, ни всякихъ другихъ замашекъ. Есть только маленькія обмолвки на счетъ людей духовныхъ; но объ этомъ потолкуемъ когда либо послѣ, если только Кіевлянинъ будетъ упорствовать въ своемъ заблужденіи и безпричинной непріязни къ лучшему и развитѣйшему сословію въ Россіи.

русской вѣрѣ и народности,—надъ всѣмъ этимъ г. Неизвѣстный (онъ же и Независимый) потѣшается такъ безцеремонно. что нужно равно изумляться и его дерзости, и цензурѣ, пропустившей въ печать кощунство, ложь и клевету, и терпѣнію кіевскаго общества. Тутъ г. Неизвѣстный возвысился до пасквиля, напрашивается на примѣненіе къ нему статьи закона,— и мы не думаемъ, чтобы законъ и люди, оскорбленные Неизвѣстнымъ, не вступились за права свои. Но пока они это сдѣлаютъ, я поведу съ г. Неизвѣстнымъ бесѣду по личному моему дѣлу [1]).

Говоря объ извѣстной статьѣ моей [2]), сказавшей правдивое слово о замашкахъ и парадоксахъ будущаго Кіевлянина и имѣвшей значительный мѣстный и общерусскій успѣхъ,—г. Неизвѣстный назвалъ эту статью «пропитанною лада(о)номъ (будьте грамотнѣе, г. Независимый) и полугаромъ.» Не говорю о деликатности и салонности этой фразы, случайно, вѣроятно, попавшей въ газету, которая обѣщалась быть идеаломъ деликатнаго обращенія, а обращу вниманіе свое и другихъ на смыслъ этихъ нѣжностей. Подъ именемъ ладону въ моей статейкѣ, г. Неизвѣстный, конечно, разумѣетъ духовную, религіозную ея сторону. Чтожъ вамъ не нравится въ этомъ ладонѣ? Ужъ не принадлежите ли вы, г. Невидимый,—виноватъ,—г. Неизвѣстный, къ породѣ тѣхъ существъ, которыя «боятся ладону?» Должно быть такъ; потому что моя статейка дышетъ чистѣйшимъ православіемъ, а вы такъ боитесь ея запаха. Но пусть себѣ статья моя пропитана ладономъ, а ваша смолою; да какъ вы осмѣлились поставить ладонъ рядомъ съ полугаромъ! Ужели это сосѣдство такъ нераздѣльно и неизбѣжно? Опомнитесь!.... Не забывайте, что вы кощунствуете надъ тѣмъ, что есть у человѣка святѣйшаго, драгоцѣннѣйшаго! Чѣмъ же послѣ этого пропитана ваша статья? Конечно, дурманомъ или кукельваномъ...

---

[1]) Унижая всѣхъ лучшихъ людей кіевскихъ, Независимый какъ бы такъ говоритъ: А! вы лучше всѣхъ въ Кіевѣ, вы не изъ дюжинныхъ, вы не хотите писать для Кіевлянина, такъ вотъ же вамъ; я наведу на васъ громадный микроскопъ и найду и въ васъ пятно, отыщу и на вашемъ „дворѣ соръ только и навозъ!...“

[2]) Кіевск. Телеграфъ № 54.

Вамъ хотѣлось назвать меня пьяницей?,—ну—такъ и назвали бъ, не трогая ладона,—я бъ отвернулся отъ васъ съ презрѣніемъ, назвалъ бы ваше краснорѣчіе толкучимъ, кабацкимъ и сказалъ: вы лжете; потому что я въ годъ не выпиваю столько, сколько вы въ иной день..... Вы называете меня пролетаріемъ? Снова благодаренъ за вѣжливость; но все-таки не промѣняю своего пролетаріата на ваше богатство. По милости Бога и Царя, я на столько обезпеченъ въ жизни, что еслибы не прекращена была покупка людей, я могъ бы купить васъ, г. Неизвѣстный, въ случаѣ продажи вашей особы. Я увѣренъ, что моего имени нельзя купить за пять рублей тамъ, гдѣ ваше можно купить за пять копѣекъ. Вѣрьте, что это аксіома. Меня знаютъ многіе, знаютъ всѣ, чрезъ руки которыхъ проходила статья моя, я подписалъ свою статью хоть первыми буквами моего имени и фамиліи, а вы что такое, г. Независимый? Я знаю, на кого вы мѣтите!.... Но въ такомъ случаѣ вы узнали бъ его не по ушамъ, которыя у него далеко меньше вашихъ, а по тому, о чемъ говорится въ послѣднемъ стихѣ Пушкина, такъ не кстати пропущенномъ вами. Да, вы его узнали бы по тѣмъ когтямъ, которые растерзали не одного длинноухаго и въ которыхъ, сами того не замѣчая, вы уже бьетесь, г. Независимый, въ предсмертныхъ судорогахъ [1]). Будьте честны и не говорите противъ собственнаго сознанія и совѣсти, признайтесь, что вы его узнали бы по когтямъ, держу сто противъ одного, что— по когтямъ. Вотъ васъ, г. Неизвѣстный, такъ весьма не трудно узнать по тѣмъ двумъ принадлежностямъ головы, которыя бываютъ не пропорціонально длинны у нѣкоторыхъ животныхъ. Не начинается ли даже ваша фамилія тѣмъ звукомъ, которымъ

---

[1]) Когда появилась извѣстная моя статья въ Телеграфѣ, нѣкоторые изъ дюжины дѣятелей дюжиннаго изданія, потративъ бездну хлопотъ на узнаніе ея автора, прибѣгли къ тому многоученому предположенію, что она писана цѣлою корпораціей: такъ она показалась для дюжины—не дюжинной, такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, необходимы двѣ дюжины авторовъ для составленія плохой компиляціи, такъ для нихъ не мыслимо составленіе порядочной статьи однимъ человѣкомъ, въ одинъ присѣстъ. А вы, г. Независимый, толкуете, что узнали меня по ушамъ!... Будьте честнѣе и смышленнѣе...

начинается названіе этихъ животныхъ?.... Какъ бы то ни было, но если ужъ пошло дѣло на цитаты изъ пушкинскихъ эпиграммъ, такъ одна изъ нихъ (Зоилу) какъ будто нарочно составлена для фельетониста 1 № Кіевлянина: онъ точно писалъ «опіумомъ, разведеннымъ слюною бѣшеной собаки,» весь свой фельетонъ, а особенно ту его тираду, въ которой бѣснуется на счетъ статьи противъ объявленія г. Шульгина и ея автора, и въ которой онъ до того утратилъ сознаніе, что, вопреки показанію чувствъ, вопреки воплямъ собственной совѣсти, назвалъ когти ушами [1]).

И напрасно вы. г. Независимый, усвоили себѣ этотъ псевдонимъ Вы рѣшительно—псевдо-независимый. Вы человѣкъ зависимѣйшій: вы зависите отъ злости, зависти и другихъ страстишекъ вы зависите отъ нигилизма, недостатка убѣжденій и знанія, вы зависите отъ крупицъ, упавшихъ съ 6000, вы по рукамъ и ногамъ связаны разными зависимостями. Чтожъ вы за Независимый!

М. С.

---

[1]) Здѣсь пройдены презрительнымъ молчаніемъ нѣкоторыя, достойныя Независимаго паяца, кощунственныя и гостинподворскія остроты и прибаутки. Это потому, что онѣ не стоютъ намека. Имѣлось, видите, въ виду дѣло, а не конкурсъ на званіе Герцена, полишинеля, или сидѣльца.

ОДНО ИЗЪ ПОЛЬСКИХЪ ВОЗЗРѢНІЙ НА УНІЮ.

(Замѣтка на нѣкоторыя мѣста XXVI главы „Słowa dziejów Polskich" (Короновича).

Мы много видѣли примѣровъ, какъ польскій патріотизмъ заявлялъ себя самыми нелѣпыми выходками въ теоріи и на практикѣ. Не такъ еще удивительно, когда представляютъ вещи въ превратномъ видѣ люди, которые, по своему положенію и развитію, не могутъ вѣрно судить о предметѣ. Но насъ особенно удивляетъ то, что отъ предразсудковъ польскаго увлеченія не были свободны и такіе люди, которые считаются учеными. Говоря это, мы имѣемъ въ виду г. Короновича, который, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: «Słowo dziejów polskich,» дошедши до замѣчательнаго явленія въ южно-русской жизни,— уніи, приступилъ къ изъясненію этого факта съ предзанятыми понятіями польскаго фанатизма. Поляки издѣвались надъ русскою народностію, хотѣли отнять у южно-русскаго народа вѣру, это дорогое наслѣдіе, завѣщанное имъ предками. Понятно, что при этомъ посягательствѣ на святыню народную должна была произойти борьба на жизнь и смерть, потому что народъ не могъ отказаться отъ своей вѣры, которая составляетъ его душу. Оттого унія, явившаяся на время, встрѣтила сильный протестъ со стороны православныхъ, ею увлеклись, или въ нее были вовлечены только слабые въ вѣрѣ, ополячившіеся русскіе, большинство же русскихъ отвергло унію, какъ явленіе враждебное кореннымъ условіямъ русской жизни. Это совершившійся фактъ, котораго никто не можетъ отвергнуть. Короновичъ

смотритъ иначе на унію. По его мнѣнію, унія была самымъ современнымъ и умѣстнымъ явленіемъ въ жизни русской; всѣ историческія обстоятельства сложились въ пользу уніи, и, если она не осуществилась, то этому была причиною маленькая ошибка со стороны поляковъ, именно, что они не дали уніятскимъ епископамъ сенаторскихъ креселъ. Не будь этой ошибки, и унія непремѣнно бы восторжествовала.

Мы разберемъ подробнѣе взглядъ Короновича на унію, тѣмъ болѣе, что мысли Короновича объ этомъ предметѣ въ большомъ ходу у польскихъ патріотовъ, и они отсюда выводятъ a priori, что и теперь южно-русскій народъ весьма расположенъ къ Польшѣ, и нужны только мало мальски благопріятныя обстоятельства, чтобы возстановить польскій элементъ въ южно-русскомъ краѣ.

Благопріятствующія уніи обстоятельства, по взгляду Короновича, такого рода: «Исповѣдующіе православную вѣру (въ краѣ, подчиненномъ—было Польшѣ) должны были выбирать (въ данную эпоху) для своего управленія или власть константинопольскаго патріарха, которая была унижена и стѣснена турецкимъ правительствомъ, въ слѣдствіе чего отложился отъ него сосѣдній народъ (всероссійскій); или власть московскаго патріарха, который не имѣлъ вообще мѣстной свѣтской власти, необходимой для духовной независимости, безъ которой (т. е. свѣтской власти) высшій санъ священства есть одинъ только титулъ безъ значенія; или власть папы, чрезъ обращеніе на лоно католической (папской, т. е.) церкви. При такомъ положеніи дѣлъ, если бы ловко былъ поставленъ вопросъ объ уніи, мы могли бы льстить себя надеждою, что желаемая унія наступила бы.» Вотъ въ какое затруднительное положеніе, по мнѣнію Короновича, поставленъ былъ въ дѣлѣ вѣры южно-русскій народъ, и если онъ хотѣлъ съ пользою для себя выдти изъ столь затруднительнаго положенія; то ему оставалось выбрать власть папы, которая одна была въ то время истинною церковною властью. Разумѣется, всякій папистъ, выходя изъ своего понятія о власти церковной, долженъ думать о ней подобно Короновичу; но православные имѣютъ другое понятіе о церковной власти и никакимъ образомъ не могутъ согласиться съ Короновичемъ на счетъ понятія объ ней и необходимости со-

единенія духовной власти съ свѣтскою, какъ необходимымъ будто бы условіемъ независимости первой.

Мы не станемъ спорить, что въ разсматриваемую нами эпоху власть константинопольскаго патріарха была не состоятельна для управленія южно-русскою церковью, потому что константинопольскій патріархъ, съ одной стороны, находился въ стѣснительномъ положеніи отъ турецкаго правительства, а съ другой стороны польское правительство, въ слѣдствіе своихъ политическихъ отношеній къ Турціи, не благопріятно смотрѣло на вмѣшательство константинопольскаго патріарха въ дѣла южно-русской церкви и часто парализировало его власть, отъ чего могли происходить разные безпорядки въ православной церкви. Дѣйствительно, такія обстоятельства должны были возбудить въ православныхъ южно руссахъ желаніе устроить какъ нибудь лучше церковную администрацію. Какъ же они должны были рѣшить вопросъ о церковной администраціи — рѣшенія котораго такъ настоятельно требовала самая жизнь? Короновичъ, какъ мы видѣли, предлагаетъ только два исхода изъ этого затруднительнаго положенія. Православные, отдѣляясь отъ власти константинопольскаго патріарха, должны были подчиниться или московскому патріарху, или папѣ. Но, по мнѣнію Короновича, православные не могли подчиниться московскому патріарху, потому что онъ не имѣлъ свѣтской власти, необходимой для его духовной независимости; а папа, какъ видите, надѣленъ (кѣмъ?) свѣтскою властію, необходимою (якобы) для духовной независимости; отсюда вытекаетъ, что народъ православный, тяготившійся властію константинопольскаго патріарха, стѣсненнаго турецкимъ правительствомъ, долженъ былъ подчиниться папѣ и обратиться на лоно римской церкви.

Но могъ ли подобною, ультрамонтанскою логикою водиться православный южно-русскій народъ? Говоримъ рѣшительно: нѣтъ! Православные не имѣли никакого основанія усвоять высшему іерарху ту власть, какую предоставляетъ ему Короновичъ. По мнѣнію папистовъ, папа не мыслимъ безъ свѣтской власти,— это ихъ догматъ, установившійся вопреки словамъ евангелія, примѣру Іисуса Христа, правиламъ вселенской церкви и 12 вѣковой ея практикѣ. Православные иначе смотрятъ на власть іерархическую. У нихъ духовная іерархія есть представительница религіозно-нравственнаго начала, и потому она должна

употреблять и средства для достиженія своихъ нравственныхъ цѣлей чисто духовныя. Поэтому, если московскій патріархъ не имѣлъ самозванной свѣтской власти; то это, по понятію православной церкви, вовсе не унижало его и не уменьшало духовной его власти въ глазахъ южно-руссцевъ, которые также смотрѣли на высшаго іерарха, какъ представителя начала нравственнаго, а не свѣтскаго государя. Слѣдовательно, положеніе Короновича, что южно-русскій народъ не могъ склониться въ пользу московскаго патріарха, какъ не имѣющаго, подобно папѣ, для своей независимости, свѣтской власти, не могло имѣть для православныхъ никакого смысла. Скорѣе можно предположить, что Польша, по своимъ политическимъ расчетамъ, никогда бы не позволила южно-русской церкви подчиниться московскому патріарху и всячески противодѣйствовала бы такому желанію православныхъ, еслибъ они его заявляли.

Какъ бы то ни было, мы считаемъ совершившимся фактомъ то, что южно-русская церковь во время уніи не подчинилась московскому патріарху и, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія о томъ, почему это такъ сталось, спросимъ: въ самомъ ли дѣлѣ необходимо было южно-русской церкви подчиниться папѣ послѣ того, какъ она чувствовала затруднительность сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ и не могла подчиниться московскому? Опять мы должны сказать, что только логика папистовъ можетъ дѣлать такого рода выводы. Православная, южно-русская церковь могла избѣжать (если бъ это было нужно) подчиненія константинопольскому и московскому патріарху, основавъ у себя самостоятельную независимую іерархическую власть. По взгляду р. католиковъ, которые привыкли представлять папу видимою главою церкви и въ рукахъ котораго сосредоточивается вся церковная власть, это не мыслимо. У православныхъ же, которые признаютъ главою церкви одного только Господа нашего Іисуса Христа, зависимость всѣхъ церквей отъ одного іерарха составляетъ произволъ чисто человѣческій. По мнѣнію православныхъ, каждая частная церковь можетъ управляться самоостятельно, по примѣру церквей апостольскихъ, по канонамъ вселенскихъ соборовъ, находясь (какъ и должно быть) въ единеніи съ другими церквами въ духѣ вѣры и любви, такъ что предѣлы каждой частной церкви и административная зависимость одной церкви отъ другой есть

дѣло чисто случайное, и зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Такъ мы видимъ, что великороссійская церковь была долгое время въ зависимости отъ константинопольской; но, когда, въ слѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, эта зависимость оказалась неудобною; то великороссійская церковь, съ согласія восточныхъ патріарховъ, получила самостоятельность, нисколько не нарушая этимъ духа православной вѣры и каноновъ церкви. И это потому, говоримъ, что въ православной вѣрѣ частныя церкви соединяются между собою только духомъ вѣры и любви и не требуютъ для своего объединенія непризнаннаго вселенскою церковію, противнаго ученію и примѣру кроткаго Іисуса, видимаго главенства папы. Говоря это, мы свою рѣчь клонимъ къ тому, что, если для южно-русской церкви нужно было, въ слѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ, отдѣлиться отъ костантинопольскаго патріарха; то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ (какъ это кажется неизбѣжнымъ для Короновича) чтобы южно-русская церковь непремѣнно подчинилась папѣ. Она могла, подобно великорусской церкви, съ согласія (и даже безъ согласія) восточныхъ патріарховъ, основать у себя свою самостоятельную іерархію.

Очевидно послѣ этого, что унія рѣшительно не имѣла внутренней причины своего появленія, вытекающей изъ тогдашняго положенія южно-русской церкви; она есть чисто внѣшнее явленіе, возникшее въ головѣ іезуитовъ и преданнаго имъ польскаго короля—Сигизмунда III, которыхъ фанатизмъ извѣстенъ всему міру. Іезуиты тѣмъ болѣе могли внушить мысль объ уніи королю и польскимъ вельможамъ, что она казалась самымъ вѣрнымъ средствомъ, по понятію современныхъ поляковъ, соединить и слить въ одно цѣлое съ Польшею русскій народъ.

Далѣе, Короновичъ доказываетъ раціональность и необходимость уніи тѣмъ, что унія есть совершившійся фактъ. Но совершившійся фактъ уніи ровно ничего не говоритъ въ пользу ея, потому что, какъ мы сказали, унія не была внутреннимъ развитіемъ южно-русской церкви, а была чисто внѣшнимъ для нея явленіемъ, происшедшимъ отъ внѣшнихъ, историческихъ обстоятельствъ. Въ южно-русской церкви было въ это время много безпорядковъ: высшіе даже іерархи бывали изъ двоеженцевъ; самъ митрополитъ Онисифоръ, вопреки канонамъ православной церкви, былъ двоеженецъ. Патріархъ Іеремія II, ис-

правляя эти безпорядки, отрѣшилъ отъ должности митрополита Онисифора, какъ двоеженца, и далъ наставленіе ново-поставленному митрополиту Михаилу Рогозѣ исправить оставшіеся безпорядки и строго наказать виновныхъ. Митрополитъ Рогоза, по нерадѣнію ли, или по ослабѣвшей въ тогдашнее время церковной администраціи, не исполнилъ повелѣній патріарха,—тогда какъ очень хорошо зналъ, что, если неисправленные безпорядки въ южнорусской церкви сдѣлаются извѣстными патріарху; то его ожидаетъ участь его предшественника. Другое вліятельное на дѣла лице,—луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, тоже двоеженецъ, отличавшійся распутною жизнію, въ свою очередь могъ опасаться строгости константинопольскаго патріарха. Очевидно, поэтому, что нѣкоторые изъ іерарховъ, какъ Кириллъ Терлецкій и другіе, должны были ревностно дѣйствовать въ пользу уніи, потому что въ ней одной могли найдти спасеніе отъ наказанія за свои проступки. Дѣятельность недостойныхъ іерарховъ тѣмъ болѣе могла имѣть успѣхъ, что за это дѣло взялись ревностно извѣстные фанатики—іезуиты и руководимый ими король. Между тѣмъ какъ тайно зрѣла мысль объ уніи у недостойныхъ іерарховъ, епископы южно-русской церкви совѣтовались между собою о томъ, чтобы защитить свою церковь отъ преслѣдованій р. католиковъ, для чего рѣшено были обратиться съ прошеніемъ къ королю. Съ этою цѣлью и для другихъ непредвидѣнныхъ случаевъ были приготовлены бланкеты, съ подписью епископовъ; на этихъ бланкетахъ извѣстные агенты уніи написали прошеніе къ папѣ Клименту VIII и польскому королю Сигизмунду III о присоединеніи ихъ къ римской церкви. Вотъ краткій очеркъ введенія уніи!

Сразу видно, что дѣло уніи сначала и до конца ведено было крайне не добросовѣстно. Въ пользу ея дѣйствовало два агента: съ одной стороны фанатизмъ іезуитовъ и короля; а съ другой безнравственность нѣкоторыхъ епискоковъ, которые въ уніи искали спасенія отъ своего низложенія. И такъ, при самомъ легкомъ взглядѣ на дѣла уніи, видно, что она произошла не въ слѣдствіе того, чтобы начало православія оскудѣло и сдѣлалось не состоятельнымъ для южно-русской церкви, и что по сему она должна была искать своего спасенія въ папствѣ посредствомъ уніи. Исторія христіанства представляетъ много примѣровъ совращенія христіанъ въ язычество, въ эпоху гоненій на

христіанство; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы начало христіанства тогда оскудѣвало, жизнь его угасала. Подобный фактъ нравственнаго насилія представляетъ и унія. Короли польскіе и магнаты, подъ вліяніемъ іезуитовъ, отнимали у православныхъ гражданскія права, церкви, имѣнія, свободу, иногда и жизнь, за то только, что они исповѣдывали православную вѣру, а не латинскую. Чтожъ удивительнаго, если малодушные изъ православныхъ, часто съ слезами на глазахъ, принуждены были оставлять православіе и переходить въ унію! Но исторія показала, что лишь только переставали дѣйствовать стѣснительныя для православныхъ мѣры, не только никто изъ православныхъ не переходилъ въ унію, но напротивъ уніяты возвращались на лоно православной церкви—своей истинной матери. И теперь мы видимъ, что въ тѣхъ мѣстахъ [1]), гдѣ по преимуществу распространилась-было унія, нѣтъ теперь ни одного уніята. Словомъ «совершившійся фактъ» не есть еще доказательство того, чтобъ этотъ фактъ былъ нормаленъ, былъ проявленіемъ свободы, дѣломъ сознанія, законнымъ чадомъ исторіи и развитія человѣческаго. На унію нужно смотрѣть, какъ на злоупотребленіе ума и воли, какъ на фактъ насилія, абсурда, какъ на хамелеона, гермафродита историческаго, который, подобно всѣмъ уродамъ, не могъ быть долговѣченъ. Далѣе, Короновичъ, не одобряя того, что католическіе епископы, въ видахъ окончательнаго совращенія съ православія русиновъ, принявшихъ унію, не давали уніятскимъ епископамъ сенаторскихъ креселъ,—говоритъ: «Славянское богослуженіе нужно было еще на долго сохранить, какъ необходимое орудіе для дѣятельности въ Москвѣ, въ видахъ соединенія ея съ Польшею и Литвою. Доселѣ чуждалась насъ Москва, въ слѣдствіе разности вѣроисповѣданій, которую трудно было разрѣшить; а теперь, при уваженіи и сохраненіи русской литургіи, эта разность вѣроисповѣданій сама собою должна была бы исчезнуть.» Вотъ какія широкія замашки у Короновича на счетъ Москвы и какое узкое воззрѣніе на счетъ религіозныхъ ея убѣжденій! Мало того, что, по его мнѣнію, унія была естественнымъ развитіемъ южно-русской церкви, она могла бы еще болѣе принести пользы для Польши и папы; именно: соединить съ Польшею—религіозно и полити-

---

[1]) Напримѣръ, въ волынской и подольской губерніи.

чески Москву. Это уже прямая мечта воображенія, разгоряченнаго ультрамонтанизмомъ. Здѣсь Короновичъ высказалъ совершенное незнаніе ни существа православія, ни характера русскаго народа, ни его исторіи. Кажется, достаточно было бы Короновичу вспомнить то, какъ русскіе поступили съ митрополитомъ Исидоромъ, принявшимъ унію на флорентійскомъ соборѣ, чтобы поискать причинъ отвращенія русскихъ отъ папизма внѣ различія языковъ, на которыхъ совершается богослуженіе. Русскіе никогда не были расположены въ пользу папизма. Еще до принятія христіанства въ Россіи, когда пришли къ Владиміру латинскіе послы и предлагали ему свой законъ, Владиміръ замѣтилъ имъ: «Идите вспять, яко отцы наши сего не пріяли суть.» [1]) Этотъ отвѣтъ слышится въ продолженіи цѣлой исторіи Россіи, на всѣ попытки латинскихъ миссіонеровъ совратить русскихъ въ р. католицизмъ. А во время уніи народъ русскій до того ожесточился противъ папизма, что считалъ его ересью, соединяющею въ себѣ всѣ возможныя ереси, такъ что положено было принимать латинянъ въ православную вѣру чрезъ крещеніе. Посему напрасно предположеніе Короновича, что посредствомъ уніи Польша завоевала бы Россію въ политическомъ и религіозномъ отношеніи. Особенно странно то положеніе Короновича, что, при удержаніи славянскаго (какъ онъ говоритъ) богослуженія, сами собою могли бы исчезнуть разности въ вѣроисповѣданіи. Односторонность такаго воззрѣнія на разности вѣроисповѣданій ниже всякой критики. Короновичъ довольно наивно представляетъ себѣ эти разности: ему кажется, что русскіе посмотрятъ на уніятовъ, замѣтятъ, что у нихъ одинакій съ ними языкъ при богослуженіи, и сдѣлаютъ такое заключеніе: слѣдовательно у нихъ и догматы одинаковые съ нами,—и потомъ—конецъ-концовъ—пожелаютъ и сами присоединиться къ папѣ и признать всѣ догматы, выдуманные имъ; но, какъ показали вѣковые опыты, русскіе не такъ слабоумны и близоруки. Современный уніи писатель Пясецкій говоритъ: «Главнѣйшею причиною того, что унія не совсѣмъ привилась въ русской церкви, было всегдашнее непріязненное отношеніе между православными и католиками.» Но Короновичъ такъ увлекся своимъ предположеніемъ, что унія должна была существовать,

[1]) Соф. первая лѣт. стр. 115.

какъ необходимый историческій результатъ, что не хочетъ вѣрить даже современному писателю, болѣе его понимавшему характеръ православныхъ и р. католиковъ во время уніи. Дѣйствительно, при тогдашнемъ фанатизмѣ р. католиковъ, весьма легко могли выработаться непріязненныя отношенія между папистами и православными. Но Короновичъ хочетъ скрыть это, потому что иначе не такъ легко будетъ утверждать, что унія родилась весьма естественно въ южно-русской церкви. Не нужно, наконецъ, забывать и того, что іезуитская пропаганда, именно въ видахъ Короновича, и оставила уніятамъ славянскій языкъ при богослуженіи; однакожъ, это не повело къ предполагаемымъ отъ этой ловушки Короновичемъ результатамъ,—не ослѣпило «Москвы.» Далѣе, фактъ сильнаго протеста православныхъ выдвигается такъ рельефно на первый планъ картины, что нельзя его отвергнуть, а нужно какъ нибудь объяснить. Короновичъ здѣсь дѣлаетъ такое предположеніе, что несогласіе нѣкоторыхъ епископовъ на унію было слѣдствіемъ того, что епископы, при стѣснительныхъ обстоятельствахъ константинопольскаго патріарха подъ турецкимъ владычествомъ, могли имѣть нѣкотораго рода самостоятельность. Но тутъ же оговаривается, что этому стремленію къ самостоятельности нельзя давать богословскаго характера, какой имѣлъ рѣшаемый въ ту пору на базельскомъ соборѣ вопросъ о преимуществѣ вселенскаго собора надъ опредѣленіями папы. Такого богословскаго значенія нельзя придать стремленію русскихъ епископовъ къ самостоятельности, потому что «сколько мнѣ извѣстно (такъ говоритъ Короновичъ) подобные вопросы не могли интересовать русское духовенство.» Какъ видите, Короновичъ хочетъ отрицать въ русской церкви то, что составляетъ ея существенный внутренній строй. Вѣдь русская православная церковь не признаетъ надъ собою никакой видимой главы, въ родѣ папы; а потому ей рѣшительно не было нужды рѣшать вопросъ, подобный тому, какой рѣшался на базельскомъ соборѣ. Каждая частная православная церковь управляется самостоятельно, высшій авторитетъ для нея только вселенскій соборъ. Такое устройство получила православная церковь отъ апостоловъ и доселѣ непоколебимо сохраняетъ его. Вообще Короновичъ путается при объясненіи уніи, потому что не можетъ, какъ папистъ, прямо посмотрѣть на дѣло Касаясь протеста православныхъ противъ уніи, онъ хочетъ видѣть въ

немъ не то, чтобы православные защищали свою вѣру, потому что въ такомъ случаѣ никакъ нельзя будетъ сказать, что унія есть естественное явленіе въ русской церкви; а хочетъ объяснить это движеніе православныхъ изъ общаго въ тогдашнее время на западѣ стремленія къ самостоятельности церквей. Но, сдѣлавши на это намекъ, Короновичъ опасается идти далѣе, чтобы въ результатѣ не вышло того, что унія не состоятельна, и потому дѣлаетъ такой поворотъ, что православное духовенство не могло имѣть подобныхъ стремленій потому, что «вообще русское духовенство всегда было и есть наименѣе богословствующимъ.» (Theologiczne). Жалкая клевета, либо невѣжество! Православная церковь всегда понимала и понимаетъ опредѣленно и отчетливо свои догматы и видитъ свое различіе отъ другихъ инославныхъ церквей не въ богослуженіи только; но, что, главнѣе и существеннѣе, въ самыхъ догматахъ и въ томъ христіанскомъ духѣ и направленіи, которое получила она отъ апостоловъ и ихъ преемниковъ. Это подтверждаетъ вся исторія православной церкви.

Отказавши русской церкви въ религіозномъ самосознаніи, Короновичъ считатъ ее находящеюся въ какомъ-то неопредѣленномъ и страдательномъ отношеніи къ своей вѣрѣ. И это силится подтвердить тѣмъ, что многіе изъ епископовъ весьма легко приняли унію. Но мы уже имѣли случай объяснить, почему извѣстные іерархи легко согласились на унію—этого требовали ихъ личные интересы,—или точнѣе—чувство самосохраненія.

Положивши за вѣрное, что даже православное духовенство не имѣло опредѣленнаго понятія о своей вѣрѣ, тѣмъ болѣе Короновичъ долженъ былъ отказать въ этомъ понятіи народу. Онъ такъ разсуждаетъ: «Народъ русскій любилъ свою народную церковь, свое на родномъ языкѣ богослуженіе; вѣра его была тѣмъ сильнѣе, что не была осмыслена, а была вѣра только сердечная; били ли челомъ его священники той или другой видимой главѣ (папизмъ) христіанства; получали ли они свое рукоположеніе въ Константинополѣ или Римѣ,—это, безъ всякаго сомнѣнія, рѣшительно не интересовало его, какъ и теперь не интересуетъ.» Вотъ новая клевета на религіозныя убѣжденія русскаго народа! Привязанность русскихъ къ своей православной, праотеческой церкви и вѣрѣ есть такой выдающійся фактъ,

что его можно отвергать, заткнувши уши, закрывши глаза, утративъ память и сознание. Но Коронович и это явленіе объясняетъ по своему, и придаетъ ему болѣе чѣмъ странное значеніе. Вѣра русскаго народа, говоритъ онъ, была сильна потому, что онъ не вымѣнялъ ее себѣ, а вѣровалъ сердечно. Но какъ же это можно вѣровать сердечно, не имѣя понятія о предметахъ вѣры?... Мы представляемъ человѣка съ сердечною вѣрою такимъ образомъ, что онъ не вдается въ критическій анализъ своей вѣры; но все таки онъ имѣетъ раздѣльное понятіе о предметахъ своей вѣры—на столько, чтобъ отличить ее отъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій. Въ противномъ случаѣ, если мы будемъ представлять сердечную вѣру безсознательною, то это будетъ какое-то неопредѣленное чувство, не имѣющее подъ собою никакой почвы. Такихъ безпредметныхъ чувствованій, особенно въ дѣлѣ религіи, не можетъ допустить здоровая логика. Мы должны согласиться, что и сердечная вѣра непремѣнно имѣетъ раздѣльное о ней (религіи) понятіе. Если такъ, то остается невѣрнымъ тотъ выводъ Короновича, что для русскаго народа было безразлично подчиниться той или другой, какъ онъ говоритъ, *видимой главѣ*. Кстати замѣтить, что русская церковь не признаетъ никакой видимой главы, и если подчинялась въ іерархическомъ (но не религіозномъ) отношеніи константинопольскому патріарху; то какъ высшему іерарху, а не главѣ церкви. Такъ Коронович не можетъ освободиться отъ папскаго взгляда, что и русской церкви навязываетъ видимую главу церкви, которой она никогда не признавала и признаніе которой считаетъ ересью, антихристіанизмомъ.

А что дѣйствительно народъ русскій не такъ слѣпо вѣровалъ, какъ это представляется Короновичу, на это мы представимъ такіе факты, какъ то, что народъ великорусскій пришелъ въ волненіе, когда митрополитъ Исидоръ, послѣ флорентинской уніи, произнесъ въ церкви имя папы. Болѣе разительный фактъ сознательнаго пониманія народомъ различія православія отъ инославія есть протестъ югозападной церкви во время уніи, о которой у насъ теперь идетъ рѣчь. Здѣсь южнорусскій народъ заявилъ необычайную твердость въ исповѣданіи и ясное сознаніе догматики православія. Поляки-католики лишили его гражданскихъ правъ, обратили его въ *хлопство*, самую вѣру его назвали *хлопскою вѣрою*; и всячески издѣ-

вались надъ нею; простерли религіозное насиліе до того, что запрещали православнымъ отправлять самыя существенныя и необходимыя христіанскія требы, наконецъ (о чемъ грустно и вспомнить), отдали святыя православныя церкви въ аренду жидамъ, которые не менѣе готовы были презирать православную вѣру, какъ и католики. Но вся тяжесть этихъ пытокъ и насилій не заставила ихъ измѣнить вѣрѣ предковъ. Чтобъ яснѣе очертить тогдашнее бѣдственное положеніе южно-русской церкви, мы приведемъ отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной на варшавскомъ сеймѣ депутатами Волыни. «Ктожъ, о Боже живый! явственно сего не видитъ, сколь великія притесненія и несносныя огорченія сей древній россійскій народъ въ разсужденіи благочестія своего претерпѣваетъ? Начну отъ Кракова. Какое распространеніе славы Божіей помощію сія новоизобрѣтенныя уніи является? Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, скотъ запираютъ. Прійдемъ въ княжество литовское, тамъ въ пограничныхъ московскому государству городахъ тоже самое дѣлается. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатаны, священники разогнаны; въ Пинскѣ тоже учинено; монастырь Лещинскаго въ питейный домъ превращенъ; въ слѣдствіе сего дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ стерво, вывозятся, народъ безъ благословенія браковъ въ непотребствѣ живетъ, безъ исповѣди, безъ пріобщенія святыхъ таинъ умираетъ. Неужели сіе не самому Богу обида? Неужели за то не будетъ отмщевать Богъ?... Возримъ, говоритъ далѣе еще ораторъ, на братію и притесненіе ихъ едва слыханное. Или то не притесненіе народу нашему россійскому, что, не говоря о другихъ городахъ, во Львовѣ дѣлается? Кто греческаго закона и къ уніи не преклоненъ, тотъ въ городѣ жительствовать, купечество и продажу питей производить, и въ ремесленные цехи принятъ отнюдъ быть не можетъ. Если же кто, отважившись жить въ городѣ, умретъ, того тѣло мертвое по обряду церковному къ погребенію препроводить, до больного съ тайнами Христовыми открыто идти не вольно. Въ Вильнѣ же не вопіющее притесненіе? Слыханное ли до сего? Тѣло мертвое благочестиваго, когда хотятъ за городъ проводить, то тѣ самые ворота (какими всѣ ѣздятъ и ходятъ, даже жиды и татаре) запираютъ

такъ, что принужденными себя находятъ православные въ тѣ ворота, коими смрадъ и одну токмо нечистоту городскую вывозятъ, мертвеца своего выносить. Даже въ полученіи воды бѣдные крайнѣ нуждаются; монаховъ непреклонныхъ къ уніи ловятъ, бьютъ и, на вольной дорогѣ ихъ имая, въ узилища заключаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ, за то только, что съ уніею не соединены, не производятъ; но простяками и невѣждами (такъ что иной не знаетъ, что есть правосудіе или справедливость) въ поношеніе сторонѣ россійской праздныя мѣста наполняютъ. Суммы денежныя отъ невинныхъ благочестивыхъ, безъ всякой основательной причины, исторгаютъ. Коротко сказать: давно уже великія и не слыханныя притесненія россійскій нашъ народъ, какъ въ коронѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ литовскомъ переноситъ» [1]). Вотъ въ какихъ чертахъ современникъ-очевидецъ описываетъ страданія православныхъ во время уніи! Не смотря на то, народъ терпитъ всѣ эти бѣдствія, но не хочетъ измѣнить своей вѣрѣ, хотя это было единственнымъ средствомъ въ ту пору освободиться отъ страданій. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія невыносимыми страданіями, народъ заявилъ свой протестъ грозными возстаніями, во время которыхъ много пролито крови гонимыхъ и гонителей. Можно ли, послѣ такихъ тяжкихъ страданій южно-русскаго народа за православную вѣру, которыя могутъ равняться страданіямъ христіанъ первыхъ вѣковъ,—говорить, что народъ русскій не различалъ своей вѣры отъ другой, что для него было безразлично перейдти на сторону папы, или оставаться въ православіи? Кажется, самый поверхностный взглядъ на дѣло долженъ убѣдить въ противномъ, именно: что народъ русскій дорожитъ своею вѣрою, какъ драгоцѣннымъ сокровищемъ, завѣщаннымъ ему отъ предковъ, и что онъ никогда и ни за какія блага земныя не промѣняетъ ея на другую. Иначе для насъ не понятно, изъ-за чего бы русскій народъ захотѣлъ терпѣть такія страданія, если для него было безразлично, какъ говоритъ Короновичъ, оставаться ли православнымъ или подчиниться папѣ. По нашему мнѣнію, что бы такъ мужественно выдерживать гоненіе, нужно быть твердо убѣжденнымъ въ той вѣрѣ, во имя которой подвергаютъ себя

[1]) Истор. уніи Бантышъ-Кам. стр. 70.

гоненію. Да и при томъ самыя нападенія католиковъ на православную вѣру должны были заставить православныхъ вникнуть въ основаніе своей вѣры, чтобы знать, за что онъ страдаетъ, что ему навязываютъ, что защищать и какъ защищать. Извѣстно, что чѣмъ долѣе идетъ споръ объ извѣстномъ предметѣ, тѣмъ онъ болѣе уясняется. Если прежде русскій народъ принималъ истины православной вѣры просто—на вѣру; то теперь, при нападеніи папистовъ, онъ долженъ былъ защищать свою вѣру, долженъ былъ отыскивать основанія,—почему онъ вѣритъ такъ, а не иначе. Если вообще вѣрно то положеніе, что нѣтъ ни одного несчастнаго событія въ жизни народа, которое не имѣло бы своей доброй стороны; то, прилагая это мнѣніе къ уніи, мы скажемъ, что она была полезна для русской церкви съ отрицательной стороны, именно: она своими нападеніями способствовала къ болѣе ясному и основательному религіозному самосознанію, заставляя разобрать дѣянія и другой стороны, изслѣдывать основы православной вѣры и папизма съ уніей. Оттого, въ эпоху гоненій на православіе, явилось много полемическихъ сочиненій, которыя читались и распространялись въ народѣ. А еслибы народъ вѣрилъ и не такъ, какъ слѣдуетъ, вѣрилъ слѣпо,—ужели отъ того теряетъ цѣну самая вѣра и истина?... И такъ, по нашему мнѣнію, унія была совершенно противуестественнымъ явленіемъ въ жизни русской,—это было нравственное насиліе, которое не принесло ожидаемыхъ выгодъ для Польши, а только вызвало сильнѣйшую реакцію, которая была источникомъ постоянной, домашней борьбы въ областяхъ польскихъ, приготовившей паденіе Польши.

Что же теперь сказать о современныхъ стремленіяхъ поляковъ-патріотовъ—возстановить польскій элементъ въ югозападной Руси; имѣютъ ли они для своихъ претензій какое нибудь основаніе въ предшествовавшей исторіи южно-русскаго народа? Имѣя въ виду все сказанное выше, мы рѣшительно можемъ сказать—нѣтъ! Напрасно они свидѣтельствуются уніею, какъ фактомъ привязанности югозападной Руси къ Польшѣ. Мы уже видѣли, что пресловутая унія есть не болѣе, какъ нравственное насиліе, вызвавшее сильный протестъ, въ которомъ сказалась привязанность южно-руссовъ къ своей вѣрѣ и народности. Если прошедшее не говоритъ въ пользу Польши; то нѣтъ ли какихъ нибудь данныхъ въ настоящемъ для такихъ горячихъ

стремленій польскихъ патріотовъ превратить Русь въ Польшу? Народъ южно-русскій сохранилъ твердо и неизмѣнно прежнюю свою любовь къ православной вѣрѣ [1]), какую онъ вынесъ изъ борьбы, во время уніи, и родственную привязанность къ русскому правительству, содѣйствовавшему къ возстановленію въ южно-русскомъ краѣ русской народности и православія, къ возврату въ семью родную родной сестры сѣверной Россіи, вырванной изъ ея объятій тяжкими переворотами историческими. Въ настоящее время, по случаю рѣшенія крестьянскаго вопроса, народъ южно-русскій особенно высказалъ свою привязанность къ русскому правительству и недовѣріе къ полякамъ-помѣщикамъ. Многіе изъ помѣщиковъ дѣлали своимъ крестьянамъ значительныя уступки, при составленіи уставныхъ грамотъ; но народъ все таки подозрѣвалъ въ ихъ благодѣяніяхъ заднюю мысль,—ловушку. Онъ ни какъ не можетъ допустить той мысли, чтобы полякъ могъ желать ему добра и дѣлать какія нибудь уступки,—и на всѣ предложенія помѣщика крестьяне отвѣчали, что они готовы согласиться на то, что скажетъ Царь,—и никогда крестьянскій, политико-экономическій вопросъ не рѣшался, если, для примиренія помѣщиковъ съ крестьянами, не вмѣшивалось какое нибудь третье лице, которому крестьяне могли довѣрять.

Какіе же, говоримъ, послѣ сего имѣютъ данныя поляки-патріоты для того, что народъ русскій тяготѣетъ къ Польшѣ? Развѣ то, что крестьяне подчинялись помѣщикамъ, которые въ

---

[1]) Наслышавшись о польскихъ претензіяхъ на югозападную Русь, я однажды спросилъ одного крестьянина: хотѣлъ ли бы онъ подчиниться Польшѣ? Крестьянинъ отвѣтилъ скороговоркою: „якъ то, щобъ церквы наши отдалы жидамъ въ аренду!“ Этотъ случай показываетъ, что народъ болѣе помнитъ оскорбленія Польши, нанесенныя его вѣрѣ, чѣмъ обиды въ гражданскомъ отношеніи. Еще можно слышать изъ устъ южно-русса поговорку, выражающую его привязанность къ обрядамъ православной церкви, и вмѣстѣ антипатію къ полякамъ, именно, о постѣ выражаются такъ: „Хиба я ляхъ, або собака, щобъ івъ въ пістъ скоромъ.“ Конечно, мы не можемъ одобрить такого дышущаго страстію выраженія на счетъ поляковъ, но мы приводимъ это, какъ фактъ антипатіи южно-русскаго народа къ полякамъ, которые вообразили, будто онъ привязанъ къ нимъ.

южно-русскомъ краѣ почти всѣ изъ поляковъ, и что, поэтому, они будто бы привержены къ Польшѣ; что они, въ былое время работали (конечно, невольно) на пановъ и въ праздники и потому, будто бы, не дорожатъ православною вѣрою. Если только въ самомъ дѣлѣ поляки-патріоты имѣютъ такія основанія для своихъ политическихъ затѣй; то они болѣе чѣмъ ошибаются въ своихъ надеждахъ, и всѣ ихъ планы—порожденія мечты разгоряченнаго воображенія, которыя должны исчезнуть, при первомъ прикосновеніи съ дѣйствительностію.

Въ заключеніе приведемъ отрывокъ изъ писемъ волынскихъ крестьянскихъ обществъ на имя начальника губерніи, въ которыхъ православные жители, узнавъ о притязаніяхъ поляковъ-патріотовъ на русскія области, спѣшатъ выразить свою преданность русскому Государю Императору и православной вѣрѣ. Такъ въ одномъ письмѣ говорится: [1]) «Преданность Государю Императору завѣщана намъ нашими праотцами; но будучи подвластными, мы слагали ее только въ сердцахъ нашихъ. Нынѣ же, по освобожденіи насъ отъ крѣпостной зависимости, мы въ первый разъ можемъ непосредственно высказать, что, не смотря на многолѣтнія бѣдствія, претерпѣнныя въ нашемъ краѣ православнымъ народомъ, мы сохранили завѣтъ нашей православной вѣры, вынесли на свѣтъ Божій неповрежденную русскую народность и нашу вѣрность православнымъ всероссійскимъ государямъ. Наши предки передали намъ, что нашъ край былъ началомъ, колыбелью православнаго русскаго царства, что нашею первою столицею былъ г. Кіевъ, гдѣ мы приняли православную вѣру, гдѣ по-нынѣ почиваютъ мощи нашихъ православныхъ великихъ князей, митрополитовъ и угодниковъ Божіихъ. И такъ, торжество Россіи есть торжество наше.» Приведенный нами отрывокъ есть выраженіе общаго духа и направленія волынскихъ и всѣхъ южно-русскихъ православныхъ жителей края,—не говоря уже о православномъ духовенствѣ, которое еще болѣе сознательно и энергично относится къ дѣлу русской вѣры и народности, какъ сословіе, руководящее, просвѣщающее насъ, подающее ему словомъ и дѣломъ примѣръ неизмѣнной преданности церкви, престолу и отечеству.

Александръ Павловичъ.

---

[1]) Сынъ Отеч. 1862 г. № 300.

XV.

—

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ,

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И

СЫНА ЕГО ВОЛОДИМІРА.

Часть II.

I.

Смутныя обстоятельства и паденіе Перуна.

Подъ навѣсомъ крыльца, ведшаго въ теремъ великаго князя, собралось значительное число воеводъ, нарочитыхъ мужей, славныхъ мечниковъ и разнаго другаго браннаго люду. Собравшіеся о чемъ то съ жаромъ говорили; замѣтно было стороннему наблюдателю, что разговаривавшіе раздѣлялись въ мнѣніяхъ на двѣ партіи, и одну изъ нихъ замѣтнѣе другихъ поддерживалъ знакомый нашъ старикъ Миславъ. Жилистою и изсохшею рукою своею онъ часто указывалъ на стоявшаго у самаго входа въ гридницу воеводу, котораго блѣдное лице чрезвычайно не гармонировало съ тучными румяными лицами другихъ воеводъ, рядомъ и подлѣ него стоявшихъ и сидѣвшихъ. На груди у этого блѣднаго воеводы висѣлъ небольшой крестъ.

— Вотъ онъ, краса красоты, цвѣтъ цвѣта, вотъ онъ воевода надъ воеводами, освободитель Кіева отъ печенѣговъ, вотъ и онъ надѣлъ крестъ. Какой же онъ теперь воинъ, какой слуга великому князю и кіевскому люду! Поможетъ ли ему теперь богъ Перунъ направить вѣрно стрѣлу въ вражью грудь, укрѣпитъ ли его десницу, чтобы

твердо держать ратище, когда устремитъ его на врага!.... Нѣтъ, нѣтъ, крещенецъ думаетъ не о битвѣ, не о томъ, чтобы сразить врага, а о томъ только, какъ бы, поражая его, даровать ему жизнь, сдѣлать жизнь врага лучшею въ станѣ своемъ, нежели какую онъ велъ даже и въ своей рати... Мы знаемъ обряды и заповѣди этихъ крещеныхъ: люби, да люби!... люби Бога, котораго не видишь, люби и добрыхъ и злыхъ, словомъ, люби всѣхъ и вся, люби и человѣка и скота,—вотъ какая ихъ вѣра, съ насмѣшкою говорилъ Миславъ. Всѣ захохотали.

— Славная вѣра, люби, да люби, произнесъ одинъ изъ воеводъ, поближе стоявшихъ къ Миславу.

— Да, люби, да люби, всѣхъ люби. У этихъ крещеныхъ всѣ равны и всѣхъ равно нужно любить. Такъ Богъ ихъ велитъ и такъ они творятъ. Врагъ тебѣ будетъ голову размозжать, а ты его люби, такъ Богъ ихъ велитъ, продолжалъ Миславъ.

— Ха, ха, ха!... Чудный законъ, отозвался тотъ же воевода.

— Да, вотъ видите, какой законъ, а между тѣмъ всѣ лѣзутъ въ крещеные и сотнями отстаютъ отъ нашего прадѣдовскаго закона. Пренебрегать начали и богомъ грома и молніи, не чтятъ и другихъ боговъ. Пойди же послѣ этого князь и добивайся побѣды на врага отъ своей вѣрной рати! Какая ужъ побѣда!... Прошли годы Игоревы, прошли дни Святославовы!....

— Не шуми, старина Мислаевичъ! Будь самъ хорошъ и все будетъ ладно. Не гнѣвайся на крещеныхъ: крещеные такой же божій людъ, какъ и вы, славянскіе сыны Перуна. Видишь ли, вотъ и на моей груди крестъ виситъ, и виситъ уже болѣе пяти десятковъ лѣтъ; съ этимъ крестомъ я присягалъ въ церкви Иліи, заключая договоръ князя Игоря съ греками, а какъ это совершилось, то идетъ уже четвертый десятокъ лѣтъ. И при Игорѣ, и при нынѣшнемъ великомъ князѣ, и крещеные, и перуняне воевали и побѣждали вражьи рати; такъ чтожъ ты, старина, разсказываешь пустое: крещенецъ не о битвѣ думаетъ. Да, правда твоя, крещенецъ думаетъ, чтобъ и тебѣ и ему было хорошо жить въ свѣтѣ, сказалъ дряхлый воевода Володиславъ, бывшій при Игорѣ знатнымъ воеводою.

— Поглядимъ, поглядимъ на васъ, крещеные, какъ вы будете вои держать, вотъ идетъ же на нашъ градъ князь новгородскій Влади-

міръ, ведетъ онъ съ собою на насъ новгородцевъ и чудь и кривичей, вотъ и покажите крещеные воеводы, что вы умѣете сражать враговъ и отстаивать грады, говорилъ Миславъ.

— И воевода Волчій хвостъ присланъ Владиміромъ къ князю Ярополку объявить вой? спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ здѣсь у Миславича.

— Нѣтъ, онъ добровольно возвратился, когда Владиміръ уѣхалъ изъ Новгорода, да вотъ здѣсь и заразился новою вѣрою и отсталъ отъ древняго бога перуна....

— Разскажи, дѣдушка Миславичъ, что это будетъ такое? Вотъ мы сюда всѣ собрались, а зачѣмъ это, никто навѣрное не знаетъ...

— Какъ не знаетъ! всѣ знаютъ, вѣрно ты одинъ только незнаешь, да и то едва ли!

— Право, слово незнаю, да и другіе, которыхъ я спрашивалъ, тоже не знаютъ, догадываются, что быть скоро бою съ новогородцами, баютъ про какую-то красную дѣвицу, дочь какого то князя кривичей Рогвольда, да я все толку не добьюсь.

— Да разскажи, дѣдушка, быть можетъ ты больше насъ знаешь, сказалъ Володиславъ.

— Ты, воевода, болѣе всѣхъ насъ знаешь, а еще и меня спрашиваешь.

— Нѣтъ, не знаю болѣе, ты, Миславичъ, сколько уже десятковъ лѣтъ, какъ безвыходно, можно сказать, живешь въ княжескомъ теремѣ, и все, что здѣсь дѣется, знаешь, а мы только то знаемъ, что стороною услышимъ, или пока намъ самъ князь не объявитъ. Ну, вотъ и теперь, зачѣмъ насъ сюда призвали, для чего велѣно собрать рати, навѣрное не знаемъ, а слухи въ народѣ ужъ какіе носятся; да вѣдь ты, старинушка, знаешь древнюю поговорку не всякому слуху вѣрь.

— Да, это праведно....

— То-то, ну такъ и повѣдай намъ, что ты знаешь. Князь еще почиваетъ, пока онъ насъ призоветъ, такъ времени будетъ довольно все разсказать.

— Садись, воевода, пожалуй, я разскажу, что слышалъ и знаю, садитесь всѣ.

Почти всѣ стоявшіе подъ навѣсомъ приблизились къ Миславу, и кто могъ усѣлся поближе подлѣ него; замѣтно было, что каждый

горѣлъ желаніемъ узнать причину призыва великимъ княземъ воеводъ и нарочитыхъ людей.

— Помните, други, началъ Миславъ, прошлымъ лѣтомъ пріѣзжалъ на поклонъ къ великому князю изъ полоцкой земли властелинъ народа кривичей, варягъ Рогвольдъ; вы всѣ должны помнить его прибытіе въ нашъ градъ. Да какъ и не помнить того пированья и угощенія, которыми великій князь чествовалъ Рогвольда! Давно уже такого пированья не видѣли кіяне, какъ въ пр шломъ лѣтѣ!

— Помнимъ, помнимъ, отозвались многіе.

— Да и Рогвольдъ же отъ себя знатно гостилъ князя и всю его дружину и сколько даровъ разсылалъ воеводамъ и ближникамъ княжескимъ, сказалъ Володиславъ!

— Коли вы всѣ помните эти пированья, такъ, можетъ быть, помните и то, что дочь Рогвольда превзошла красотою всѣхъ нашихъ дѣвъ и всѣ дѣвы теремныя, дѣвы великокняжескія, предъ дочерью Рогвольда, какъ звѣзды предъ солнцемъ? И красивы, и любо какъ сіяютъ и ликомъ, и нарядомъ, да не то, что прекрасная Рогнѣда, дочь Рогвольда! Ужъ и мы старики видали въ жизни много красныхъ дѣвъ, но такой, какъ прекраснѣйшая Рогнѣда, не видали наши очи; что ужъ и говорить!... Всѣхъ удивила, всѣхъ поразила. И задумалъ нашъ князь Ярополкъ взять ее къ себѣ въ теремъ за жену. Отцу же ея за дочь обѣщалъ отдать въ вѣчный удѣлъ землю полоцкую. Рогнѣда рада была жить въ теремѣ великаго князя, и отецъ ея и она поѣхали въ свою землю, чтобы собраться, какъ надлежало, и ожидать отъ великаго князя словъ за дѣвой. Казалось, все шло счастливо; но вы знаете, други, какъ часто въ самомъ счастіи кроется ужасное злощастіе, какъ въ сладкомъ меду скрывается ядовитое жало! Такъ случилось и съ сватовствомъ нашего князя. Слухъ о рѣдкой красотѣ дочери Рогвольда долетелъ въ Новгородъ и распалилъ ретивое новгородскаго князя. Не видавши Рогнѣды, князь новгородскій отправляетъ къ Рогвольду отъ себя уже словъ за его дочерью. „Приведите ее ко мнѣ, сказалъ онъ своимъ сламъ, скажите обладателю полоцкой земли, Рогвольду, что я ее возьму къ себѣ въ жены и не потерплю, чтобы кіевскій князь, убійца своего и моего брата Олега, обладалъ такою прекрасною дѣвою, какова Рогнѣда“. Слы

прибыли въ землю полоцкую, пришли къ Рогвольду и передали слова князя новогородскаго.

— Моя дочь засватана за великаго князя кіевскаго и не можетъ принадлежать вашему князю", отвѣчалъ Рогвольдъ сламъ новогородскаго князя: „а впрочемъ, не знаю, что скажетъ вамъ дочь моя, идите и спросите у ней". Слы отправились къ прекрасной Рогнѣдѣ и повѣдали ей желаніе новогородскаго князя.

— „Мнѣ ли разуть сына рабыни [1])! Я принадлежу великому князю Ярополку, вотъ мой отвѣтъ вашему князю", сказала Рогнѣда, съ презрѣніемъ отвернувшись отъ посланныхъ, и ушла въ свою ордину.

— Обиженные слы, нисколько не мѣшкая, отправились обратно въ Новогородъ, предстали предъ очи своего князя, повѣдали ему все, какъ было, все, что они видѣли и слышали, и юный князь новогородскій закипѣлъ лютою злобою не только къ Рогвольду, но и къ нашему великому князю, и тотчасъ же приказалъ вновь снарядить словъ къ Рогвольду и къ князю Ярославу и повелѣлъ имъ, прибывши въ землю полоцкую, предстать предъ Рогвольда и сказать ему: „Князь нашъ посылаетъ тебѣ и дочери твоей отвѣтъ на твой отказъ — онъ самъ прибудетъ къ тебѣ съ вѣрными своими варягами и новгородцами и силою заставитъ Рогнѣду разуть его ноги, а тебѣ онъ воздастъ должную честь; ожидай его, а мы отсюда поѣдемъ къ князю кіевскому и ему передадимъ такія слова нашего князя, пусть знаетъ онъ, что я за прекрасную Рогнѣду и за смерть брата Олега иду на него сильною ратью, пусть готовится побѣдить меня, или умереть".

Слы князя новгородскаго, какъ вы знаете, воеводы, были уже у нашего князя, и онъ приказалъ имъ отвѣчать, что готовъ всякую рать принять на ратища, которыя у славной дружины крѣпки, долги и остры. Слы съ отвѣтомъ князя нашего быстро помчались въ Новогородъ и уже есть слухъ, что князь новогородскій, съ сильною ратью, съ тьмою воевъ новогородскихъ, варяжскихъ, съ чудью и мерью подступилъ къ граду Рогвольда, и иные баютъ, что въ то время, когда прекрасную Рогнѣду сажали въ повозъ и собралась вся родня и всѣ

---

[1]) По славянскому обряду, невѣста, въ знакъ покорности, въ первый вечеръ разувала своего властелина, а онъ, въ знакъ своей власти, слегка ударялъ ее плетью.

знатные люди провожать Рогнѣду въ Кіевъ, князь новогородскій успѣлъ ее захватить и плѣнилъ ее и всѣхъ бывшихъ при ней; говорятъ, что Рогвольдъ, его сыновья и всѣ родные его убиты новгородскимъ княземъ, по совѣту Добрыни, который не стерпѣлъ такой обиды, какая ему нанесена отвѣтомъ Рогнѣды, назвавшей племянника его, князя новогородскаго, сыномъ рабыни. Вотъ для чего великій князь и созвалъ всѣхъ своихъ мужей и воеводъ на совѣтъ!

— Какой тутъ совѣтъ! Надобно скорѣе ратиться всему кіевскому люду, вотъ и весь совѣтъ, отвѣчалъ одинъ изъ воеводъ.

— Да, кажись и безъ этого у каждаго въ рукахъ есть ратище. Да этого не мало ли будетъ? сказалъ съ замѣтною насмѣшкою Миславъ.

— Отчего ты такъ думаешь, дѣдушка? спросилъ Волчій хвостъ.

— Оттого, что надобно же и воями управлять кому нибудь, да не какъ нибудь; а много ли среди васъ найдется святославовскихъ воевъ, гдѣ они? всѣ легли головами въ Бѣлобереть ѣ и на поляхъ печенѣжскихъ. Свѣнельдъ, да два—три мужа возвратилось назадъ... Чтожъ? Свѣнельдъ старъ и недужный; ему ли воеводить! Ужъ развѣ тебѣ, Волчій хвостъ, спаситель Кіева отъ печенѣговъ; но ты на своего князя руки не подымешь, это мы всѣ хорошо знаемъ...

— Найдутся и воеводы, когда начнутся вои, сказалъ Володиславъ.

— Но разрази Перунъ громы свои, упади всепожирающій огнь на того, кто позволитъ одержать побѣду надъ нашимъ княземъ! Князь новогородскій съ-малка выросъ среди крещеныхъ. Бабка его жаждала сдѣлать его христіаниномъ, и еслибы не князь Святославъ, сынъ его Владиміръ не измѣнно, былъ бы христіанинъ. Я вамъ говорю, что еслибы Владиміръ княжилъ въ Кіевѣ, то здѣсь давно всѣ были бы крещеные и погибъ бы нашъ стародавній законъ славянскій, и не кланялись бы мы нашему богу перуну и черно-богу и даж-бубогу... О, новогородскій князь всѣхъ бы истребилъ нашихъ покровителей и защитниковъ града и люда его...

— Отъ чего ты, дѣдушка, такъ думаешь о князѣ новогородскомъ? Вѣдь еслибъ онъ не чтилъ древнихъ славянскихъ боговъ, а чтилъ Бога крещеныхъ, то и въ Новогородѣ могъ бы уничтожить перуна и всѣхъ боговъ, и приказалъ бы построить христіанскія церкви, какія теперь у насъ построили крещеные, а то вѣдь, говорятъ, тамъ

нынѣ нѣтъ ни одного крещенаго, даже и воеводы всѣ, за выѣздомъ воеводы Волчьяго хвоста, правые перунщики....

— Людъ новогородскій, не людъ кіевскій. Тамъ своего древняго закона ломать никому не позволятъ; а у насъ, въ Кіевѣ, дѣло совсѣмъ иное: здѣсь, вотъ видите, греки да болгары все людъ крещеный, торгуютъ съ нами и нанесли къ намъ эту заразу,—и сталъ нашъ людъ искоса смотрѣть на древній законъ, подавай ему новый, лучшій; князь Аскольдъ и княгиня Ольга крестились въ Цареградѣ, и мы за ними... Вотъ отъ чего почти цѣлый Кіевъ нынѣ наполненъ крещеными. Я даже такихъ мыслей: прибудь къ намъ какой новый князь, примѣромъ хотя бы князь новогородскій, да скажи кіевскому люду: князь вашъ велитъ вамъ сегодня же всѣмъ креститься, и всѣ, почти всѣ, развѣ только одни старцы останутся перунщиками, а то всѣ, право всѣ, подѣлаются крещеными. Вотъ, въ другихъ земляхъ нашихъ не то,-тамъ перуна не отвергнутъ...

— Тише, други, князь прошелъ по гридницѣ и далъ знакъ, велѣлъ войдти въ теремъ.

Всѣ утихли и нѣкоторые изъ воеводъ успѣли уже протѣсниться въ гридницу, какъ вдали, за оградой теремною, послышался знакомый всѣмъ кіевлянамъ крикъ Костаря, когда онъ бывалъ пьянъ. Но на этотъ разъ крикъ этого печенѣжскаго пса, какъ титуловали его не только крещеные, но и многіе изъ перунщиковъ, — былъ необыкновенно отвратителенъ, громокъ и болѣе походилъ на рыканіе какого то кровожаднаго звѣря, нежели на голосъ человѣка. Глаза всѣхъ невольно направились въ ту сторону, откуда летѣлъ этотъ крикъ. И вотъ скоро, на теремной дворъ, вбѣжалъ, трясясь всѣмъ уродливымъ своимъ тѣломъ, полупьяный Костарь. Лице его было отвратительно-багрово и этотъ цвѣтъ еще болѣе казался яркимъ отъ сѣдой щетины, которая покрывала его голову и лице, жидкими космами спуская ниже его колѣнъ. Костарь держалъ въ рукахъ порядочную дубину, которою замахнулъ на двухъ женщинъ, коихъ связанными, съ криками, шумомъ, проклятіями и бранью, вели кіевляне къ великокняжескому терему. Костарь не то чтобы былъ въ припадкѣ бѣшенства, онъ скорѣе радъ былъ случаю потѣшиться надъ кіянами и бабами, коихъ они вели. Въ этомъ легко можно было убѣдиться изъ остротъ, которыя щедро разсыпалъ онъ въ толпу, веду-

щую рыдавшихъ и окровавленныхъ бабъ, и обращалъ къ стоявшимъ подъ навѣсомъ терема.

Старикъ Миславъ, любопытствуя узнать причину этой сцены, приподнялся съ своего мѣста и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, къ толпѣ, тащившей бабъ. Костарь, съ необыкновенною прытью, съ смѣшными до слезъ прыжками, подскочилъ поближе къ собравшимся у терема и, увидѣвъ воеводу Волчій хвостъ, закричалъ ему:

— Храблъ, а Храблъ! въ Кіевѣ нѣтъ уже бога Перуна.

— Что такое? почти въ одинъ голосъ вскрикнули всѣ воеводы славянскаго закона и съ удивленіемъ смотрѣли на все происходившее передъ ними.

— Вотъ эти бабы, треклятыя кіевскія торговки, подрались между собою за то, что одна украла у другой половину хлѣба, пошли клясться и божиться предъ перуномъ, и одна изъ нихъ такъ ухватилась руками за стойло бога, что другая не могла ее оттащить; бросились люди, чтобы рознять ссорящихся и отвести ихъ отъ бога Перуна, и когда начали тащить ту, которая ухватилась за стояло, оно треснуло и богъ Перунъ свалился съ своего стояла на землю: теперь богъ грома и молніи, богъ кіевлянъ, побѣжденный кіевскими торговками,—пьяными, погаными бабами, лежитъ, аки полѣно на площади.

— Горе, тяжкое горе постигнетъ нашъ градъ и весь людъ! Не побѣда, но срамъ и смерть ожидаютъ насъ въ будущемъ! съ тяжелымъ вздохомъ произнесъ закоренѣлый, старый перунщикъ Миславъ, и злобный взоръ его впился въ несчастныхъ торговокъ, на которыхъ одежда была изорвана въ куски разсвирѣпѣвшимъ людомъ, вообще ненавидѣвшимъ своихъ торговокъ за ихъ пьянство, вѣчныя ссоры, брань и обманы при продажѣ разныхъ припасовъ.

Храблъ молча смотрѣлъ на все происходившее, а Володиславъ, живой по характеру, подошелъ къ Миславу, пріятельски ударилъ его по плечу и сказалъ съ улыбкой:

— Нѣтъ, старина, ты неправду баешь, что градъ Кіевъ и его людъ постигнетъ срамъ и смерть, — а я тебѣ скажу, что срамъ идольскій погребется, вмѣстѣ съ свалившимся, подгнившимъ вашимъ богомъ, а Богъ небесный будетъ чтиться во градѣ нашемъ.

— Ты, Володиславъ, давнишній недругъ Перуна, великаго князя и всего люда славянскаго, — злобно закричалъ Миславъ.

— Тс!..... тс!. полно вамъ! князь услышитъ,—кто то отозвался въ толпѣ стоявшихъ подъ навѣсомъ.

Между тѣмъ, толпа, приведшая женщинъ къ самому терему, громко кричала и требовала народнаго вѣча, чтобы судить виновныхъ въ посрамленіи бога грома и молніи. Унять народъ было невозможно. Нѣкоторые изъ воеводъ и нарочитыхъ мужей, выслушавъ обвинителей, въ защиту торговокъ, говорили: нельзя считать за посрамленіе бога Перуна, что деревянный, подгнившій идолъ упалъ съ своего стола отъ прикосновенія къ нему пьяныхъ торговокъ; надобно пользоваться настоящимъ случаемъ и поставить, вмѣсто согнившаго бога, новаго, болѣе прочнаго.

Не смотря однакожъ на такія разумныя увѣщанія, народъ не переставалъ настоятельно требовать суда надъ бабами. Одинъ изъ воеводъ пересказалъ великому князю о случившемся и прибавилъ, что народъ требуетъ вѣча, на которомъ будетъ судить бабъ,-преступницъ, посрамившихъ бога перуна.

— Волчій хвостъ, услыхавъ отъ стоявшихъ близь него воеводъ, что князю уже сообщили о произшедшемъ, вошелъ въ теремъ и, приближаясь къ великому князю, сказалъ, что обстоятельства благопріятствуютъ для собранія вѣча, на которомъ слѣдуетъ не бабъ судить за случайное паденіе подгнившаго истукана, а посовѣтоваться съ кіянами на счетъ рати съ княземъ новгородскимъ.

— Что страшишь ты, новокрещенецъ, нашего великаго князя предстоящею грозою: и новугородскаго князя и тебя, его пѣстуна, вмѣстѣ съ нимъ, безъ всякаго вѣча, отправимъ рыбу ловить въ Волховъ, — съ сердцемъ произнесъ воевода Блудъ.

— Вѣче собрать, и на немъ. судить виновныхъ въ посрамленіи бога перуна и рядиться на брань съ новугородскимъ княземъ,—произнесъ одинъ изъ воеводъ.

— Преславную Рогнѣду, дочь Рогвольда взять, силою, если она уже досталась князю новугородскому, привесть въ нашъ градъ и отдать въ теремъ великаго князя.

— Собрать вѣче!

— Собрать вѣче! кричали воеводы и нарочитые мужи, безсознательно требуя народнаго собранія.

— Вѣче собирать не слѣдуетъ: князь умѣетъ защититься и защитить градъ и людъ отъ врага и безъ вѣча....

— Собрать вѣче, собрать вѣче!

— Вѣче, вѣче!...

— Вѣче собрать, вѣче собрать!.. кричала толпа.

— Изъ группы воеводъ выступилъ впередъ воевода Волчій Хвостъ и, обратившись къ воеводамъ и народу, державшему окровавленныхъ бабъ, громко произнесъ:

— Великій князь не противъ вѣча, идите на житнее торговище...

— На вѣче, на вѣче, неистово закричалъ разъяренный народъ и густою массою двинулся со двора великокняжескаго, уводя съ собою несчастныхъ бабъ...

Воеводы, нарочитыя мужи и всѣ стоявшіе подъ теремнымъ навѣсомъ, вошли въ гридницу терема, и дворъ теремной опустѣлъ. Въ теремѣ начался совѣтъ, какъ защитить градъ и великаго князя отъ князя новугородскаго, а между тѣмъ, вдали, на Подоліи, слышались крики собиравшагося на вѣче люда.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕЩЕ О ХОХЛОМАНІИ [1]).

Кто изъ русскихъ не любитъ Малороссіи, или малороссовъ [2]). У нихъ много сбереглось патріархальности временъ древне-славян-

[1]) Мы думали, что хохломанія скончалась вмѣстѣ съ Метой и польскимъ бунтомъ, но разосланный комитетомъ грамотности списокъ малорусскихъ книжонокъ въ сельскія школы показываетъ, что хохломанія опять и очень дерзко поднимаетъ не совсѣмъ, вѣроятно, размозженную голову. По этому, пусть винитъ сама себя, если мы удвоимъ наши удары по этой живучей, отброшенной въ столицу, головѣ. Ред.

[2]) Сами малороссы, прожившіе по обстоятельствамъ на сѣверѣ, или въ срединѣ Россіи десять или двадцать лѣтъ, свидѣтельствуютъ, что они вездѣ въ великой Россіи были принимаемы русскими съ любовію и радушіемъ, уважаемы по достоинству, и получали награды по заслугамъ. Но само собою разумѣется, что интригантовъ, проказниковъ, ябедниковъ и т. п., какъ вездѣ, такъ и въ Россіи нелюбятъ.

скихъ, много уцѣлѣло добродѣтелей христіанскихъ и бытовыхъ. Искреннее, благочестіе радушное гостепріимство, сердечное участіе въ горѣ ближняго, почтительность къ старшимъ возрастомъ и заслугами, благоговѣніе къ родителямъ, патріархальный образъ жизни, даже въ богатыхъ сословіяхъ, преданность ученію и уставамъ православной церкви, отсутствіе ереси и раскола,—вотъ отличительныя примѣты истаго малоросса! Чистота вѣры, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что въ Малороссіи изстари поступали въ духовное званіе не изъ среды низшаго, а изъ духовнаго, или дворянскаго сословія,—вообще люди образованнѣе той среды, въ которую поступали священниками. Не приготовившіеся достаточно къ сему званію, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, хотя читали священное писаніе и церковныя книги, но не дерзали толковать ихъ своеобразно, не придерживались упорно своихъ религіозныхъ заблужденій, но всегда обращались къ просвѣщеннымъ пастырямъ церкви, требуя отъ нихъ разрѣшенія своихъ недоумѣній, или объясненія какого либо мѣста священнаго писанія.

Своеобразность и занимательность малороссійскаго юмора увлекала многихъ великоруссовъ къ чтенію сочиненій Котляревскаго, Основьяненка или Квитки, Гулака-Артемовскаго и другихъ. Пишущему сіи строки извѣстенъ одинъ сановникъ, выписавшій въ свое время журналъ „Основу“, единственно потому что въ ней ему понравилась повѣсть: „Закоханый чортъ“; но въ послѣдствіи этотъ сановникъ досадовалъ на этотъ журналъ за его революціонныя замашки и жалѣлъ денегъ, истраченныхъ на выписку его. Не смотря однако на занимательность малорусскаго юмора, еще Нарѣжный въ грязномъ своемъ романѣ „Бурсакъ“, а въ послѣдствіи Гоголь доказали, что сцены малороссійскаго юмора, излагаемыя обще-русскимъ, литературнымъ языкомъ, нимало не теряютъ природной своей пластичности и привлекательности.

Что же за надобность въ смѣшной затѣѣ образовать исключительную малороссійскую литературу, тогда какъ малороссійское нарѣчіе для всякаго, хоть немного знакомаго съ польскимъ языкомъ, представляется отвратительною смѣсью польскаго языка, исказившаго въ малороссахъ старинный, отечественный языкъ гнетомъ четырехъвѣковаго рабства. Причиною такого искаженія русскаго языка подъ польскимъ владычествомъ были и передовые, образованные малороссы

и бѣлоруссы, которые, познакомившись съ польскою литературою, процвѣтавшею до усиленія въ Польшѣ іезуитовъ, не думали развивать природный свой языкъ до возможности соперничества съ произведеніями польской литературы, но, сочиняя, какъ будто на русскомъ языкѣ, съ одной стороны, даже коренныя его выраженія приспособляли къ формамъ польскаго языка, съ другой стороны, польскія слова усиливались усвоить отечественному языку, [1]) потому, можетъ быть, что не находили въ немъ выраженій, необходимыхъ для опредѣленія научныхъ понятій. Мало того, тогдашніе русскіе писатели югозападной Россіи, защищая интересы своей народности, особенно православное вѣроученіе, которое считали драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ, употребляли для этой цѣли и польскій языкъ, на которомъ старались писать и писали несравненно чище и правильнѣе, нежели современные имъ польскіе писатели, вышедшіе изъ-подъ іезуитской ферулы [2]). А какъ высшія русскія сословія югозападныхъ русскихъ областей до того увлеклись польскою цивилизаціею, что пренебрегли своимъ природнымъ языкомъ и говорили уже по польски; то даже нѣкоторые пастыри церкви стали произносить и въ храмахъ ея свои проповѣди на польскомъ языкѣ, какъ напр. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, а для удержанія въ православіи югозападнаго русскаго дворянства издавали въ переводѣ на польскомъ языкѣ православные молитвенные сборники, какова напр. изданная въ типографіи черниговскаго елецкаго монастыря Псалтирь, посвященная княгинѣ Соломерецкой, также житія святыхъ отцевъ, какъ напр. Патерикъ преподобныхъ, кіево-печерскихъ подвижниковъ.

Что же за нужда въ настоящее время издавать на малороссійскомъ нарѣчіи разныя книжонки, особенно святое Евангеліе, которому малороссы искони, въ теченіи 900 лѣтъ, съ благоговѣніемъ внимали на славянскомъ языкѣ, понимали его ученіе и непоколебимо ему слѣдовали? Развѣ изданіе св. Евангелія на малороссійскомъ нарѣчіи сдѣлано для кощунства надъ нимъ?... Что за нужда въ малороссійскихъ букваряхъ, сокращенныхъ катихизисахъ и краткихъ на этомъ

---

[1]) Такъ напр. писали Галятовскій, Транквилинъ, Лазарь Барановичъ и др.

[2]) Истину сего подтверждаетъ извѣстный Линде, въ предисловіи къ своему словарю.

нарѣчіи церковныхъ исторіяхъ, когда даже малороссійскіе поселяне отвергаютъ такія уродливыя произведенія, и на предложеніе своихъ приходскихъ священниковъ ввести эти книжечки въ сельскія училища, рѣшительно отвѣчаютъ: „не треба намъ сёго! Нехай наши диты учатся читать такъ, якъ ваши диты учатся въ вашихъ школахъ! Мы розуміемъ, колы намъ чытають царскіе указы, и вы намъ говорыте въ церкви казаня: хоть воно не такъ, якъ мы говорымъ. А чого не розуміемъ: то можемъ спытаты хоть васъ, панотче“. Въ подлинности такого отзыва поселянъ, не говоря уже о мѣщанахъ, легко можетъ удостовѣриться каждый хохломанъ съ братіею, въ какомъ угодно селеніи.

Можно бы еще спросить хохломановъ: на какомъ малороссійскомъ нарѣчіи хотятъ они образовать малороссійскую литературу? Въ настоящее время малороссійское нарѣчіе раздѣляется на столько говоровъ, насколько жаргоновъ едва ли подраздѣляется другой какой-либо языкъ. Однимъ изъ нихъ говорятъ черниговскіе малороссы, другимъ харьковскіе, инымъ полтавскіе, инымъ малороссы орловской, курской, и воронежской губерній, смѣшавшіеся отчасти и сжившіеся съ великоруссами. Это разнообразіе малороссійскихъ жаргоновъ таково, что малороссы одной области не все понимаютъ въ говорѣ другой малороссійской области. Столько же различія въ нарѣчіяхъ малороссовъ, живущихъ на западной сторонѣ Днѣпра, гдѣ долговременнѣе угнетало ихъ иго польскаго порабощенія, чѣмъ малороссовъ восточной его стороны. Такъ, напр., на Волыни поселянинъ, спрошенный въ день Богоявленія: какую ты несешъ воду? отвѣчаетъ: свенцоную, а не свяченую,—спрошенный: что это несутъ изъ церкви?, скажетъ хоренгви, а не хоругвы и проч.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что если бы разныя книженки писаны были на одномъ какомъ либо изъ малорусскихъ жаргоновъ, то во многихъ мѣстахъ малой Россіи труднѣе было бы понимать ихъ, нежели на обще-русскомъ, литературномъ языкѣ, на которомъ малороссы привыкли уже слушать, разбирать и понимать правительственные указы и распоряженія, съ которымъ они довольно ознакомились отъ „москалей, кацаповъ, чиновниковъ и духовенства“.

Недавно придуманное хохломанами право (или точнѣе) ложно-

писаніе, есть одна изъ безразсуднѣйшихъ сепаративныхъ замашекъ. Къ чему оно, когда малороссы, читая книги на славянскомъ и русскомъ книжномъ языкѣ, отличались отъ чтенія великорусскаго почти тѣмъ только, что согласную и произносили какъ ы, двоегласную ѣ, какъ и, употребляли і, какъ отдѣльный слогъ предъ другою гласною напр. предъ о и и. Но недовольствуясь новою орѳографіею, хохломаны, въ видахъ своей затѣи, стали вводить такія слова въ малорусское нарѣчіе, какихъ не употребляли малорусскіе писатели, излагавшіе свои юмористическія повѣсти, стихотворенія и комедіи на этомъ нарѣчіи. Таковы, напр. слова, подмѣченныя мною въ двухъ повѣстяхъ „Основы": **морха, бецькомъ, пишевки, вязни, искучій, знависнялый, зайвогый, сюрчалы, блимаю, дивонначко, набростылысь, кремезиный, малка, вколюшки, огивавъ, негондлывъ, облюзовавъ** и многія другія, коихъ значенія не понимаютъ почти всѣ природные малороссы. Такія и подобныя слова не встрѣчаются въ сочиненіяхъ Котляревскаго, Осповьяненка или Квитки, Артемовскаго-Гулака. Такимъ образомъ, для образованія малороссійской литературы, пришлось бы ожидать, чтобы какой нибудь изъ малороссійскихъ жаргоновъ сдѣлался общимъ для всей Малороссіи и ожидать едвали не цѣлыя столѣтія. Это видно изъ того, что многіе малороссы, особенно воспитывавшіеся въ кіевской духовной академіи, усиливались уже въ прошломъ столѣтіи образовать національную свою литературу, сочиняя пѣсни, вирши, поздравительныя рѣчонки, діалоги-въ родѣ водевилей, изъ коихъ одни распѣвали, другіе произносили наизусть и разыгривали въ домахъ малороссійскихъ помѣщиковъ, путешествуя во время вакацій по всей Малороссіи, для собранія подаяній. Кромѣ того, въ богатыхъ малороссійскихъ селахъ, дьячки (большею частію юноши, уволнившіеся изъ риторическаго класса той же академіи) сочиняли юмористически-сатирическія повѣсти, которыя, во время пасхи, или сами читали, сидя въ окнѣ колокольни и свѣсивъ изъ нея ноги, или заставляли кого либо изъ лучшихъ учениковъ своихъ читать вслухъ, а народъ, сидѣвшій на церковномъ погостѣ, слушалъ это чтеніе, изъявлялъ свой восторгъ громкимъ хохотомъ и награждалъ читавшаго грошами, красными яйцами и писанками. Эти пѣсни, разговоры, вирши и повѣсти воспитанники древней кіевской академіи и образовавшіеся въ ней дьячки, сочиняли большею частію на ма-

лороссійскомъ жаргонѣ [1]), стараясь быть какъ можно понятнѣе и популярнѣе. При всемъ томъ они не образовали малороссійской литературы, и композиціи ихъ исчезли безслѣдно. Сколько же хохломанамъ пришлось бы ожидать, трудиться, потѣть для образованія изъ бѣднаго нарѣчія научнаго языка и составленія техническихъ терминовъ, необходимыхъ при изложеніи химіи, физики, ариѳметики, алгебры, математики, механики, медицины и другихъ наукъ! Непотому ли ученые богемцы, коихъ литературный, давно образовавшійся языкъ, обогатился уже образцовыми произведеніями, разсуждая, на какомъ языкѣ преподавать имъ въ прагскомъ университетѣ и народныхъ училищахъ естественныя науки, чтобы вытѣснить нѣмецкій языкъ,—единогласно (въ 1848 г). порѣшили, что всего лучше преподавать до нѣкотораго времени точныя науки, на сродномъ богемскому,—русскомъ книжномъ языкѣ; такъ какъ на немъ въ Россіи давно уже преподаются естественныя науки и для этой цѣли удачно составлены уже многіе техническіе термины. Если такъ разсуждали богемцы, то что сказать о затѣѣ хохломановъ, усиливающихся образовать какую-то малороссійскую литературу, отчуждить малороссовъ отъ русскаго литературнаго языка? Не лучше ли имъ употребить свои усилія на то, чтобы и языкъ малороссовъ постепенно, болѣе и болѣе, сближался съ великорусскимъ языкомъ, особенно,— чтобы сіи родственные народы тѣснѣе и скорѣе слились, безъ малѣйшаго признака отдѣльности, въ одинъ могучій, великій народъ, говорящій однимъ славнымъ, величественнымъ, звучнымъ, уже выработаннымъ языкомъ?

Но, къ прискорбію, имѣющимъ глаза, чтобы видѣть, нельзя не примѣтить, что въ Россіи проявляются какіе-то затѣйливые утописты, которые проговариваются, будто для благоденствія Россіи ей нужно раздѣлиться на области, изъ коихъ каждая, имѣя свою автономію, состояла бы съ прочими областями только въ какомъ то федеративномъ союзѣ. [2]) Къ этой категоріи затѣйниковъ, очевидно

[1]) Этотъ жаргонъ былъ несравненно болѣе переполненъ полонизмами и славянизмами, нежели настоящее, чисто запорожское, малорусское нарѣчіе. Ред.

[2]) Эту утопію въ свое время затѣвали осуществить такъ называемые Декабристы. Примѣнять ее къ Россіи ихъ увлекалъ примѣръ Швейцаріи и Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Но федеративный швейцарскій союзъ (объясняемый ея топографіей) продолжаетъ существовать потому только, что ни одно изъ сосѣднихъ соперничеству-

принадлежатъ хохломаны, которые, очевидно, затѣяли обособить, или точнѣе, возвѣсть Малороссію въ самобытное положеніе. Для достиженія этой цѣли одни изъ хохломановъ ревностно принялись стряпать на малорусскомъ нарѣчіи разныя брошюры, въ родѣ элементар-

ющихъ между собою, большихъ государствъ недопуститъ другое присоединить къ своей территоріи какую либо часть Швейцаріи, въ которой приятны уже сѣмена усобицъ; а союзъ ея, не смотря на строгій нейтралитетъ, до того слабъ, что немогъ противиться ни Наполеону I перевести чрезъ горнія швейцарскія высоты французскіе полки въ битвахъ его съ австрійцами, ни Суворову провесть чрезъ ея предѣлы корпусъ русскихъ войскъ. Что касается до соединенныхъ американскихъ штатовъ, федеративный ихъ союзъ существуетъ едва столѣтіе и образовался въ слѣдствіе чрезвычайнаго угнетенія бывшею ихъ митрополіею, т. е. Англіею. При томъ же сѣверо-американскіе штаты не граничатъ ни съ однимъ сильнымъ государствомъ и такъ богаты незанятыми землями, дѣвственными лѣсами и рѣками, что спорить между собою за обладаніе ими не имѣютъ еще никакой нужды, тѣмъ болѣе, что на землѣ ихъ удобно находятъ довольно мѣста для земледѣлія и разныхъ заводовъ, какъ природные янки, такъ и переселенцы изъ Европы. При всемъ томъ, зависть и соперничество сѣверныхъ американскихъ штатовъ съ южными почти на нашихъ глазахъ произвели безпримѣрное въ лѣтописяхъ міра, самое кровопролитное, братоубійственное междоусобіе. Чѣмъ кончится федеративный ихъ союзъ чрезъ полъ-вѣка, никто не можетъ предвидѣть. Во всякомъ случаѣ, еслибы такъ называемые декабристы, хоть отчасти, привели-было въ исполненіе свои затѣи; то Россія теперь была бы терзаема междоусобіями и всѣми ужасами безначалія. Предвидя такія бѣдствія, умудренные, хотя чужими опытами, государства и народы неувлекаются примѣромъ американскихъ штатовъ и не спѣшатъ подражать ихъ федераціи. Такъ италіанскія королевства и княжества непослушались Наполеона, который совѣтовалъ имъ образовать между собою федеративный союзъ, но слились въ одно государство и усиливаются еще присоединить къ нему Римскую область и Венецію. Германскія государства, герцогства и княжества, давно сознаютъ пользу и необходимость слитія ихъ въ одно цѣлое, громадное государство; только до сихъ поръ никакими мѣрами не могутъ достигнуть этого. Принимая все это во вниманіе, легко убѣдиться, что мысль о раздѣленіи Россіи на федеративныя области есть мысль самая нелѣпая и мизантропическая, потому-что русскія области въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ привыкали къ централизаціи; а ни одно монархическое государство, послѣ самыхъ коренныхъ потрясеній и переворотовъ, не образовало изъ своихъ провинцій федеративныхъ штатовъ, но всегда обращалось къ монархическому единству. Такъ, къ чему привели Францію четыре революціи? Снова къ монархическому правленію. А если бы затѣи декабристовъ приведены были въ исполненіе, то окончательно погубили бы Россію; потому что области ея, имѣя многія побужденія завидовать одна другой, соперничая между собою, произвели бы усобицы тѣмъ опаснѣе, что иная область, для одолѣнія другой, вступала-бы въ союзъ съ какимъ либо изъ сосѣднихъ государствъ, напр. съ Швеціею Пруссіею, Австріею, или даже съ Турціею изъ коихъ ни одно государство незахо-

ныхъ, другіе, словно заграничные эмисары стали развозить этотъ товаръ по Малороссіи, навязывать его почти насильно сельскимъ училищамъ, сопровождая эту пропаганду разными рацеями, побуждающими малороссовъ учить дѣтей своихъ по книжечкамъ, написаннымъ малорусскимъ жаргономъ, толкуя, при этомъ удобномъ случаѣ, объ гетманщинѣ, сѣчи, угнетеніи Украйны москалями, рекрутчинѣ; о счастьи Украйны въ былое время, и проч., и проч.

Но Малороссія, или, какъ называютъ ее хохломаны, Украина, никогда не составляла самостоятельнаго отдѣльнаго государства. Первоначально она составляла западную часть русскаго государства. Но бывъ вмѣстѣ съ нимъ раздѣлена на удѣлы, послѣ разгрома Россіи татарами, занятая литовскими князьями, когда восточная Русь, принявъ на себя все бремя татарскаго порабощенія, сдѣлалась крѣпостною для литвы стѣною,—Малороссія, безъ малѣйшаго сопротивленія, примкнула къ Литвѣ, дабы найдти въ ней опору и, въ случаѣ татарскихъ набѣговъ, безопасное убѣжище среди непроходимыхъ литовскихъ лѣсовъ и болотъ, куда большая татарская орда не проникала. Правда, галицкая Малороссія, съ западною частію Подоліи и Волыни, образовала-было изъ себя эфемерное государство, но оно скоро затѣмъ переходило во власть то венгерцевъ, то поляковъ,

тѣло бы даромъ посылать своихъ войскъ для видовъ той, или другой области и, по праву сильнаго, или въ награду за услуги, отрывало бы отъ Россіи ея участки. Такимъ образомъ федеративный союзъ довелъ бы Россію до гибели подобно тому, какъ бывшее раздѣленіе ея на удѣлы; хотя удѣльная система Россіи составляла, повидимому, федеративный союзъ удѣловъ благонадежнѣе союза Швейцаріи и Сѣверныхъ Американскихъ Штатовъ; потому что онъ былъ основанъ на родственной связи удѣльныхъ русскихъ князей. Вообще исторія не представляетъ ни одного примѣра, изъ котораго видно было бы, что монархическое государство, сложившееся изъ областей и въ теченіи столѣтій привыкшее къ монархическому строю, превращалось въ области, соединенныя федеративнымъ союзомъ. Умножившіяся въ какомъ нибудь народѣ беззаконія, неправды, крайняя распущенность нравовъ, всеобщій развратъ, доводили государства до погибели и окончательнаго распаденія; но никогда изъ такихъ государствъ не образовались федеративныя союзы. По этому желающій раздѣленія Россіи на области, пользующіяся автономіею и соединенныя федеративнымъ союзомъ,—или безумный мечтатель, или врагъ Россіи, жаждущій крови и разрушенія, подобно Герцену, этому выкидышу Россіи, губителю русскихъ юношей, растлѣвающему умы и сердца ихъ ядовитыми издѣліями пера своего, искушающему молодую россію утопіями, которыя нигдѣ въ мірѣ немогли бы осуществиться, а только произвели бы въ человѣческомъ родѣ безконечныя ломки и кровопролитія.

наконецъ совершенно было покорено последними. Затѣмъ вся западная Малороссія, по случаю женитьбы литовскаго великаго князя на Ядвигѣ, послѣдней отрасли польской династіи Пястовъ, абсолютнымъ произволомъ Ягайлы была присоединена къ Польшѣ. Въ послѣдствіи соперничества литовскихъ князей съ московскими князьями за обладаніе всею Россіею отражались и въ западной Руси. Но великое московское княжество, постепенно возрастая, наконецъ привлекши къ своему центру удѣльныя восточныя княжества Россіи, образовало изъ себя сильное своею жизнію и строемъ государство, а югозападная Россія, со дня на день стѣсняемая Польшею, болѣе и болѣе слабѣла. Хотя въ это время возраставшее московское государство съ братскимъ состраданіемъ глядѣло на бѣдственное положеніе югозападныхъ русскихъ областей, терзаемыхъ польскимъ насиліемъ и фанатизмомъ ультрамонтанской пропаганды, но не сознавало еще въ себѣ столько силы, чтобы подать своимъ югозападнымъ братьямъ вооруженную руку помощи, заявить на западную Русь права свои и исторгнуть изъ рукъ польскаго насилія, удерживаясь отъ такихъ покушеній быть можетъ и для того, чтобы не своевременнымъ, вооруженнымъ вмѣшательствомъ не ухудшить судьбы ея. Напротивъ того, малороссійскіе запорожцы, безъ малѣйшаго повода со стороны московскаго государства, вмѣстѣ съ сочиненными поляками самозванцами, вторгшись въ нѣдра восточной Россіи, производили въ ней грабежи и насилія. Да и по освобожденіи восточной Россіи отъ самозванцевъ, малороссійскіе козаки, по старой привычкѣ, нападали на сосѣдніе беззащитные города и села юговосточной Россіи. Такъ шайка запорожцевъ изъ шести сотъ козаковъ, разбойничая въ южныхъ ея предѣлахъ, между прочимъ сожгла Воронежъ и убила тамошняго начальника, князя Ивана Долгорукаго. Невѣжественные, дикіе, забывшіе, быть можетъ, не знавшіе о родствѣ своемъ съ братьями сѣверо-восточными, привыкшіе считать всякаго своего осѣдлаго сосѣда врагомъ своимъ, нерѣдко подстрекаемые поляками, продававшіе свои услуги тому, кто больше дастъ,—запорожцы готовы были драться хоть съ чортомъ, хоть съ отцомъ роднымъ и мало различали русскихъ отъ нерусскихъ, когда имъ хотѣлось поразбойничать у сосѣдей и восполнить свою „голоту“ на счетъ ихъ достатка.

Вскорѣ усиленное поляками притѣсненіе западной Руси и фана-

тическое угнетеніе ея праотеческой вѣры, выведя изъ терпѣнія малоросовъ, соединило ихъ въ полчища, которыя вооруженною рукою рѣшились защищать свою народность и православіе. Подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго произошли историческія битвы, въ коихъ кроваво разсчитались русскіе съ вѣковыми тиранами. Но эти битвы ни къ чему не повели: русины снова были поражаемы и порабощаемы поляками. Среди такихъ обстоятельствъ, геній Хмѣльницкаго увидѣлъ, что не устоять югозападной Россіи предъ прогрессивнымъ напоромъ ея врага. Вполнѣ убѣдившись, что эта часть Россіи, оставаясь подъ тираніею Польши, рано или поздо ополячится, потеряетъ свою національность и вѣру отцовъ, соображая, что если Малороссія подчинится оттоманской портѣ, то такъ же будетъ страдать за свое вѣроисповѣданіе, какъ страдали и доселѣ страдаютъ греки, болгары, босняки и другіе христіанскіе народы, порабощенные Турціею, а многіе изъ малороссовъ привыкши во время борьбы съ поляками къ своеволію и буйству, отуречилисьбы, подобно многимъ албанцамъ и другимъ христіанамъ, стонавшимъ подъ турецкимъ порабощеніемъ,—Богданъ Хмѣльницкій два раза убѣдительно просилъ русскаго царя Алексѣя Михайловича принять Малороссію подъ свое покровительство и соединить ее съ восточною Россіею. Что же? Спѣшалъ ли Алексѣй Михайловичъ удовлетворить прошенію Хмѣльницкаго? Напротивъ, хотя извѣстно было, что чувство единства вѣры и племенности склоняло весь малороссійскій народъ къ соединенію съ великою Россіей, Алексѣй Михайловичъ непрежде рѣшился на это, какъ послѣ зрѣло-обдуманнаго съ своими боярами и первенствующимъ духовенствомъ рѣшенія, по которому наконецъ Малороссія присовокуплена къ восточной Россіи.

Но, отстаивая свою народность, защищая отъ поляковъ свою вѣру, права и обычаи, многіе малоросы заразились отъ буйной шляхты своеволіемъ, особенно пользовавшіеся между козаками какимъ нибудь почетомъ. Въ слѣдствіе сего, хотя козаки, по кончинѣ Богдана Хмѣльницкаго, избрали своимъ гетманомъ сына его Юрія Хмѣльницкаго, но Выговскій, поддерживаемый польскими интригами, провозгласилъ самаго себя гетманомъ. Затѣмъ онъ вошелъ въ сношенія съ поляками въ Гадячѣ и, полагаясь, на щедрыя обѣщанія, которыхъ они не щадили и Хмѣльницкому, но никогда не исполняли, заключилъ

условія касательно новаго соединенія Малороссіи съ Польшею. Въ строгомъ соблюденіи этихъ условій клялся польскій король и чины рѣчи посполитой, хотя въ тоже время клялись въ душѣ, что не станутъ соблюдать этихъ условій и нарушатъ свою присягу съ разрѣшенія іезуитовъ, для которыхъ подобное клятвопреступленіе было одиннадцатою заповѣдью. Поляки столько же не вѣрили искренности козаковъ, сколько и козаки клятвѣ поляковъ. Тѣ и другіе помнили, какъ за пять лѣтъ предъ симъ клялись малороссы въ вѣрности русскимъ царямъ о соединеніи съ великою Россіей, а между тѣмъ это не мѣшало Выговскому съ поляками и татарами нападать на предѣлы великой Россіи и сражаться съ русскими войсками. При всемъ томъ Алексѣй Михайловичъ утвердилъ въ достоинствѣ гетмана Юрія Хмѣльницкаго; а когда и онъ оказался измѣнникомъ, то Малороссія сдѣлалась позорищемъ непрестанныхъ интригъ и кровавыхъ усобицъ, такъ что по смерти Богдана Хмѣльницкаго въ Малороссіи промелькнуло въ пять лѣтъ до двѣнадцати гетмановъ, которые губили другъ друга. Наконецъ, когда русскіе войска, послѣ побѣдъ надъ поляками, овладѣли Малороссіею, на восточномъ берегу Днѣпра, Алексѣй Михайловичъ утведилъ въ гетманскомъ званіи Брюховецкаго, присягнувшаго на безусловное подданство царю русскому. По убіеніи его, провозгасилъ себя гетманомъ западной Малороссіи, которая отошла подъ владычество Польши, козакъ Дорошенко; но онъ не хотѣлъ и слышать о подчиненіи Польшѣ и просилъ Алексѣя Михайловича о принятіи его съ народомъ въ свое подданство. Между тѣмъ малороссы восточной стороны Днѣпра, сперва подъ начальствомъ кошеваго Сирка, а потомъ писаря Суховоя, занимались разбоями и грабежемъ между прочимъ и въ южныхъ областяхъ великой Россіи. Дорошенко, видя что Алексѣй Михайловичъ не принимаетъ его въ свое подданство и нежелая подчиниться Польшѣ, передался Магомету IV. На восточной же сторонѣ Днѣпра былъ гетманомъ Самойловичъ; Малороссія колебалась и раздѣлилась на два враждебные лагеря.

Среди такихъ неустройствъ въ Малороссіи, закипѣла кровопролитная борьба Петра I съ Карломъ XII; въ эту эпоху, разными происками, интригами и подкупами, овладѣлъ гетманскою булавою Иванъ Мазепа. Этотъ хитрый и ловкій козакъ такъ вкрался въ душу Петра I, что когда Мазепа, затѣявъ измѣну, сносился уже тайно съ

поляками и Карломъ XII; а Кочубей съ Искрою донесли объ этомъ Петру I; то сей послѣдній, повѣривъ лживымъ увѣріямъ Мазепы въ своей преданности, къ нему же препроводилъ доносъ Кочубея и предоставилъ участь доносчиковъ произволу измѣнника. Послѣ тяжкихъ пытокъ, невинные страдальцы были казнены или точнѣе приняли вѣнцы мученическіе въ Бѣлой—Церкви [1]. Между тѣмъ, для возбужденія малороссійскаго народа къ измѣнѣ, Мазепа разсѣвалъ въ народѣ на малороссійскомъ нарѣчіи революціонныя пѣсни. Наконецъ, въ обольстительной надеждѣ скоро сдѣлаться витебскимъ княземъ, Мазепа открыто измѣнилъ Петру I и предался Карлу XII. Но малороссійскій народъ, руководствуясь здравымъ смысломъ, остался вѣрнымъ царю и Россіи, а отвращеніе отъ измѣны и презрѣніе къ измѣннику Мазепѣ простеръ до того, что съ тѣхъ поръ сталъ употреблять его имя въ смыслѣ самой поносной брани и проклятія.

Такое своеволіе, буйство, измѣны малороссійскихъ гетмановъ, а часто и полковниковъ, которые пользовались своими привиллегіями только для обогащенія себя и своихъ родственниковъ, собираемыя съ народа подати употребляли въ свою пользу, а простымъ козакамъ недавали жалованья, раздували въ народѣ бунты для своихъ корыстныхъ видовъ,—были причиною того, что самъ народъ и многіе старшины его просили русское правительство присылать имъ изъ великой Россіи воеводъ и вполнѣ подчинить Малороссію своему управленію. Правительство такъ и поступило: оно постепенно объединяло интересы великой, малой и бѣлой Россіи—тѣмъ охотнѣе, что того требовало спокойствіе и безопасность сѣверовосточной Россіи, въ которой тревожно отражались смуты и мятежи малороссійскихъ козаковъ, волнуемыхъ гетманами и другими коноводами.

Но, принимая необходимыя мѣры къ предотвращенію на будущее время своеволія и измѣнъ крамольниковъ, русское правительство обходилось съ истинными патріотами Малороссіи отнюдь не такъ, какъ обходилось съ ними польское. Польское правительство губило малороссійскихъ патріотовъ самыми звѣрскими муками и казнями.

---

[1]) Для очищенія своей политической совѣсти, мы давно бы должны увѣковѣчить память Искры и Кочубея достойнымъ этихъ мучениковъ, пострадавшихъ за усердіе къ Россіи, памятникомъ. Ред.

Совсѣмъ противуположно поступало русское правительство съ малороссами. Оно осыпало ихъ родственною любовью и милостями, открыло имъ всѣ пути ко всѣмъ достоинствамъ и званіямъ въ государствѣ, постоянно возвышало ихъ по мѣрѣ заслугъ каждаго, не щадило наградъ и поощреній за службу и труды ихъ. Кому неизвѣстны возведенные на степень первыхъ государственныхъ сановниковъ Разумовскій, Завадовскій и Безбородко, канцлеръ Кочубей, фельдмаршалъ князь Паскевичъ; сколько было генераловъ русской службы, государственныхъ сенаторовъ и другихъ сановниковъ на разныхъ постахъ гражданской и военной дѣятельности! Въ XVIII столѣтіи, начиная съ рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, св. Димитріа Ростовскаго, Ѳеофана Прокоповича, почти цѣлая половина церковной русской іерархіи состояла изъ малороссовъ. Вообще въ Россіи никакая награда, никакія достоинства не закрыты ни для кого; а для образованія малороссійскаго юношества открыты всѣ учебныя заведенія и всѣ пути къ просвѣщенію. Если же за всѣмъ тѣмъ какія нибудь горячія головы, замышлявшія народныя смуты, производившія въ народѣ броженіе, были отсылаемы для охлажденія въ оренбургскую и другія восточныя области Россіи, то такая мѣра была вынуждаема спокойствіемъ и благоденствіемъ самой Малороссіи. Нѣтъ въ мірѣ правительства, которое поступило бы съ подобными людьми иначе. Во Франціи возмутители общественнаго спокойствія обыкновенно или осуждаются на смертную казнь, или ссылаются въ Каенну, или изгоняются изъ отечества. Да и въ самой либеральной Англіи не поздоровилось бы какому нибудь, напр., профессору оксфордскаго университета—шотландцу, еслибы онъ, вспомнивъ, что Шотландія составляла нѣкогда самостоятельное королевство, затѣялъ возстановить самобытность Шотландіи. Но Шотландія менѣе имѣетъ родственности, менѣе точекъ соприкосновенія съ Англіей, нежели малая Россія съ великой: это не только двѣ сестры родныя, но, можно сказать, сестры—близнецы [1]).

[1]) Странно, что хохломаны на возраженія своихъ антагонистовъ отвѣчаютъ, будто сіи послѣдніе дѣлаютъ это изъ какого то страха. Это пѣсенка на голосъ извѣстнаго Герцена, который, по случаю нелѣпой прокламаціи какойто молодой россіи, полагая, что вслѣдъ за нею въ Россіи разгорится революція, а онъ будетъ имѣть сатаноское удовольствіе купаться въ потокахъ крови русскаго народа, торжественно воскли,

Но, недовольствуясь прямою хохломаніей, гг. сепаратисты вздумали еще унижать славу лучшихъ сыновъ Россіи, запечатлѣвшихъ смертію любовь свою къ отечеству, подвергать ихъ подвиги глумленью или сомнѣнію, кощунствовать надъ всѣмъ, что свято, что дорого для всякаго русскаго, — словомъ всячески искажать исторію русскаго государства. Такъ, одинъ изъ подобныхъ любителей, отыскивая „соръ да навозъ на барскомъ дворѣ", принялся доказывать, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ ни за что—ни прочто наградилъ зятя крестьянина Сусанина съ его потомствомъ жалованною грамотою, и даровалъ его потомкамъ разныя льготы, которыя не только подтверждали послѣдующіе государи, но даже воздвигли въ Костромѣ памятникъ Сусанину [1]). Скептикъ свое мнѣніе преимущественно основываетъ на томъ, что о подвигѣ Сусанина не упоминаютъ современные лѣтописцы, какъ будто воспоминаніе о немъ не могло сохраниться въ живомъ народномъ преданіи. Тотъ же писатель, прославившійся арлекинскою гипотезою о происхожденіи Руси изъ Литвы и для подтвержденія этой гипотезы усиливавшійся вымучить доказательства философическою пыткою нѣкоторыхъ словъ литовскаго языка (котораго онъ вовсе не зналъ, какъ доказано неоспариваемыми доказательствами),—тиснулъ въ мѣсяцословѣ на 1864 годъ статейку подъ заглавіемъ „Куликовская битва". Въ этой статейкѣ авторъ обнаружилъ какое то непонятное озлобленіе противъ Москвы, или точнѣе великаго московскаго княжества за то, что оно собрало и соединило разрозненныя удѣльною системою части Россіи въ одно цѣлое и тѣмъ спасло и возвело ее на верхъ силы и величія. А какъ къ той же цѣли

цалъ: «чего вы испугались», это дескать цвѣтики нетакія бѣдствія готовлю я для Россіи, какими угрожала извѣстная прокламація! Здравомыслящіе русскіе улыбались презрительно при видѣ этихъ пугалъ; столько же боятся хохломанскихъ затѣй и вѣрные долгу малороссы, любящіе свою родину; они только огорчены тѣмъ, что Малороссія произвела такихъ выкидышей, или выродковъ. Не менѣе странно и то, что хохломаны, навязывая всякому свои нелѣпыя теоріи и тенденціи, жалуются на тѣхъ, которые стараются образумить ихъ, говорятъ, что они своими замѣчаніями стѣсняютъ ихъ свободу и требуютъ, чтобы имъ никто не противурѣчилъ. Какой же они хотятъ свободы слова, когда не позволяютъ говорить своимъ оппоненситамъ? Что это за свобода слова, когда одна сторона кричитъ во все горло, а другой зажатъ ротъ.

[1]) Отечественныя Записки 1862 года, февраль!

стремился великій князь Димитрій Донской, то писатель этой безчестной статейки упрекаетъ Димитрія за то, что онъ посягалъ на русскія области, захваченныя Литвою, и присвоялъ себѣ чужіе удѣлы, такъ-что могущество московскаго княжества тяготѣло уже надъ Русью, подобно татарскому: тогда какъ извѣстно, что возвышеніе этого княжеста было непріятно только нѣкоторымъ удѣльнымъ князьимъ и ихъ боярамъ, а русскій народъ благословлялъ Москву за то, что она, соединивъ и сосредоточивъ въ одну группу разрозненныя удѣлами силы Россіи, укрѣпила ее и обезопасила отъ враговъ внѣшнихъ и усобицъ внутреннихъ. Благоразумную осторожность, съ которою Димитрій Донской предъ куликовскою битвой принималъ мудрыя мѣры въ борьбѣ съ общими и страшными врагами Россіи, разсылалъ по всей Руси призывныя на брань грамоты и собиралъ силы для рѣшительной борьбы съ татарами,—пасквилянтъ Донскаго—героя клеймитъ трусостію,—самаго Димитрія выставляетъ трусомъ за то, что онъ, сражаясь съ татарами въ ряду передовыхъ, простыхъ, русскихъ воиновъ, изнуренный продолжительною страшною сѣчью, будучи преслѣдуемъ четырьмя татарами, уклонился въ лѣсъ и усталый, съ изсѣченными бранными доспѣхами, ослабленный тѣломъ, упалъ въ безпамятствѣ подъ деревомъ и забылся въ крѣпкомъ снѣ;—за то, что Димитрій надѣлъ на своего боярина свой княжескій плащъ для того, по мнѣнію автора пасквиля, чтобы самому не попасться въ плѣнъ. Нелѣпое предположеніе! Какъ будто Димитрій, сражаясь въ первомъ ряду простыхъ воиновъ, не могъ быть убитъ, или попасться въ плѣнъ! Пасквилянту непонравилось и то, что Димитрій, узнавъ о нападеніи на малую Русь, прежде всего сталъ молиться, будто только для исполненія обычая, дѣлалъ вклады монастырямъ, раздавалъ милостыню нищимъ и странникамъ. Гнусная клевѣта! Какъ будто Димитрій не имѣлъ болѣе чистыхъ и внутреннихъ побужденій къ молитвѣ и раздачѣ милостыни, при видѣ опасности, угрожавшей окончательнымъ порабощеніемъ Россіи! Приписывать такія дѣла одному обычаю, все равно, что кощунствовать и курить всесожженіе современному идолу русскихъ университетовъ. Молиться всегда хорошо и спасительно. Молилась вся Россія и въ 1812 году, и Богъ перемѣнилъ скорбь Россіи на радость и торжество надъ врагами. Полезно было бы и нѣкоторымъ авторамъ молиться, и благодать Божія вразумила бы

ихъ и исцѣлила отъ разныхъ болѣзней нигилизма. Но авторъ, глумившійся надъ героемъ Донскимъ, порицаетъ сродное славянамъ гостепріимство Димитрія, тогда какъ всякій на его мѣстѣ почелъ бы долгомъ своимъ угостить русскихъ князей, собравшихся на битву съ татарами. Но у меня недостаетъ болѣе терпѣнія слѣдить за уродливыми толкованіями очевидныхъ фактовъ, за натяжками историческими, клеветами и лжами, которыми старался пріобрѣсть славу Герострата пасквилянтъ Сусанина и Димитрія Донскаго и обрызгать грязью всѣ сословія древней Руси. Одинъ только Олегъ, князь тверской, и удостоился панигирика отъ Димитріева пасквилянта за то, что, во время всеобщаго ополченія противъ Мамая Россіи, сносился съ литовскимъ княземъ Ягайлою и Мамаемъ, побуждая ихъ совокупными силами устремиться на Димитрія Донскаго и на русскія полчища, собравшіяся для защиты своего отечества.

Какая же цѣль столь враждебныхъ къ Москвѣ отношеній ея пасквилянта, какъ не та, чтобы, впослѣдствіи, составить изъ нихъ сборникъ и представить Москву, посредствомъ такъ называемаго наведенія, въ самомъ отвратительномъ очеркѣ, авмѣстѣ съ Москвою и русское правительство; такъ какъ корень его посаженъ въ Москвѣ. Ненависть подобныхъ авторовъ къ Россіи очевидна, желаніе унизить ее, ослабить—несомнѣнно. Чтожъ было бы съ нами, съ нашею молодежью, еслибы подобнымъ авторамъ ввѣритьразвитіе ума и сердца юношей? Я думаю ученики скоро превзошлибъ учителей

Подтвержденіемъ такого заключенія можетъ, между прочимъ, служить (одна изъ числа многихъ, разсѣваемыхъ въ просто-народьѣ) пѣсенка, составленная, какъ видно изъ ея подписи, какимъ-то студентомъ кіевскаго университета Степаномъ Руданскимъ. Пѣсенка эта, написанная довольно гладенькими виршами, стоитъ того, чтобъ обратить вниманіе на ея содержаніе. Вотъ она:

Ой зъ-загоры, изъ-за кручи
Да скриплять возы идучи,
А попереду козаченько
Такъ выгукуе йдучи:

Украино, Украино,
Моя ридна маты:

Чи довго ще надъ тобою
Будуть пановаты.

Послѣ этого обыкновеннаго почти во всѣхъ малороссійскихъ пѣсняхъ начала, поэтъ тотчасъ начинаетъ бредить, будто, забывши, что надъ единою Россіей царствуютъ преемники тѣхъ царей, коихъ сама Украина, угнетаемая, истерзанная поляками, просила принять ее подъ свою защиту, и которые равно заботятся о благоденствіи цѣлой Россіи, совокупно съ Малороссіею,—продолжаетъ:

Чи довго ще кровавыцю (кровь)
Будутъ зъ тебе (Украины) пыты?
Тай диточокъ твоихъ
Въ кайданахъ водыты?

Очевидно, что воображеніе пѣвца-юноши въ разстройствѣ, а разсудокъ переполненъ лживыми понятіями и свѣдѣніями. Что̀ такое онъ разумѣетъ подъ словомъ кровавыця? Если обыкновенныя подати, акцизы, рекрутскіе наборы и земскія повинности, то онѣ совершенно одинаковы, какъ въ великой Россіи, такъ и въ Малороссіи. Отъ Малороссіи болѣе ихъ не требуется ни одною копѣйкою. Всѣ эти поборы, отъ которыхъ не свободно ни одно сословіе, составляютъ ту частную складчину на общія потребности, на пользу государства, которая принята всѣми цивилизованными обществами и безъ которой не мыслимо бытіе и счастіе ни какого государства. Въ кайданахъ же или въ цѣпяхъ, какъ во всякомъ государствѣ, такъ и въ Россіи держатъ злодѣевъ только, воровъ, мятежниковъ. Еслибъ и Малороссія составляла отдѣльное государство, то также бы поступала съ своими злодѣями и крамольниками для общей безопасности. Пѣвецъ продолжаетъ:

Твоя (Украина) слава у могыли,
А воля въ Сибири!
Отъ що тоби, матусенько,
Москали зробылы!

Гнусная ложь! Хмѣльницкій, Безбородько, Разумовскій, Кочубей, Паскевичъ и вообще—всѣ доблестные сыны Малороссіи русскимъ правительствомъ всегда были награждаемы по заслугамъ. Только злодѣи и бунтовщики удаляются правительствомъ изъ общества, чтобы своими зловредными затѣями не тревожили его спокойствія и благосо-

стоянія, чтобы разгоряченныя ихъ головы прохладились на сѣверѣ. Но пѣвецъ настаиваетъ:

Гукныжъ, гукны Украино,
Несчастная вдово (по комъ?)!
Може диты на твій голосъ
Обизвуться знову!
Може знову розвяжуться
Звязанныи руки,
Може знову бражчатымуть
Козацьки шаблюки!

Кто же въ Россіи связываетъ руки честныхъ людей, занимающихся дѣлами своего званія, для своей и общей пользы? Кому, когда запрещалось, или запрещается въ ней дѣлать добро? Связываютъ руки только злодѣямъ, бродягамъ, разбойникамъ, мятежникамъ, изъ опасенія, чтобъ ихъ „шаблюки" непроизводили насилій, грабежей, убійствъ и не тревожили мирныхъ жителей. Но юноша, въ бреду болѣзненной своей фантазіи, утѣшаетъ еще себя надеждою:

Може військо запорожське,
Якъ море, заграе,
А дивчина, якъ и перше,
Писню заспивае!

Пустая надежда! запорожская сѣчь, какъ грубѣйшій изъ анахронизмовъ, никогда уже не воскреснетъ! А если бы какіе нибудь безумцы вздумали теперь мятежничать по-запорожски, то прежде всего имѣли бы дѣло съ малороссами же, которымъ слишкомъ надоѣли безразсудныя и разорительныя волненія и буйства. Тогда бы не принесла ни малѣйшаго утѣшенія безумцамъ, особенно гніющимъ въ сырой землѣ, писня какой нибудь дивчины, голоса которой мертвые не будутъ слышать!

Тогди вже насъ (поетъ юноша) не забудуть
И московськи внуки;
Кровь за кровь катамъ нашимъ,
И муки за муки!

Еслибъ этотъ юноша имѣлъ способность размышлять, онъ бы зналъ, что не только всякаго бунта, но даже законной войны исходъ напередъ неизвѣстенъ; отъ насилій и кровопролитія ихъ горько пла-

чутъ внуки одной и другой стороны, а особенно внуки бунтовщиковъ. Москали, конечно, не станутъ сидѣть, сложа руки и ожидая, пока какіе нибудь буйные ворохобники будутъ рѣзать ихъ, какъ барановъ. Но вотъ, наконецъ, заключеніе этой безумной пѣсенки:

Гукны жъ, серце Украино!
Та тилько скоришше:
Бо чимъ дальше, ссутъ кровь нашу
Все бильше та бильше!

Разгоряченное воображеніе юноши распалилось до того, что ему въ бреду представляются какіе то кровопійцы, сосущіе кровь его съ товарищами. Очевидно, что если бы воображеніе его хоть немного охладѣло, то на вопросъ: гдѣ и кто пьетъ кровь его, или его земляковъ?, онъ ни на кого не могъ бы указать и долженъ былъ бы молчать, какъ мальчишка, уличенный въ глупой шалости. Въ старину за свою пѣсенку мечтатель-бандуристъ получилъ бы отеческое вразумленіе и образумился; теперь же, поэтъ долженъ обратиться къ фельдшеру, чтобъ онъ привелъ его въ сознаніе и побудилъ больше учиться, чтобы впослѣдствіи на что нибудь пригодиться обществу. Безъ этого, жалкій поэтъ будетъ несноснымъ бременемъ для самаго себя, а въ общежитіи — эпидимическою язвою юношества своей родины.

Вообще жаль бѣднаго юноши, теряющаго драгоцѣнное время на сочиненіе безумныхъ пѣсенекъ и горячечныхъ бредней о своей родинѣ. Лучше бъ онъ сдѣлалъ, если бы юношескія лѣта и силы употребилъ на основательное изученіе полезныхъ наукъ. Но, пустившись въ политическія бредни, онъ засорилъ свои способности до того, что онѣ сдѣлались похожи на цвѣтокъ, заглохшій между репейникомъ. Такъ погибло много жалкихъ юношей, подававшихъ отрадныя надежды родителямъ, попечителямъ и родинѣ! А кто виною ихъ гибели?. . . .

Малороссъ А. Восточенко.

Письмо пустынника изъ береговъ Вислы.

(Переводъ съ полск. „Dzien. Powszech“.)

Я недавно прочиталъ въ „Dzienniku Powczechnym“ заграничное

извѣстіе, что за моремъ, одинъ изъ извѣстныхъ мужей, негодуя на легкомысленность инсуррекціи польской, думалъ, однако, что поводомъ къ ней были административныя притѣсненія намѣстника, который тогда управлялъ королевствомъ.

Теперь уже всѣмъ извѣстно, что обдуманная ложь, разсѣеваемая и распространяемая по плану подземнаго правительства, во всѣхъ заграничныхъ столицахъ открылась во всей своей наготѣ, что правда и дѣйствительность торжествуютъ, а клевета и ложь покрылись пятномъ позора. Впрочемъ можно и фактами доказать, что, со времени послѣдней революціи, ни намѣстникъ, ни одинъ изъ представителей трона королевскаго не подалъ намъ повода къ мятежному, безразсудному, а для самихъ поляковъ пагубнѣйшему революціонному возстанію. Какъ очевидецъ и близко знающій дѣйствительное положеніе дѣлъ, я сдѣлаю вамъ, господа, краткій очеркъ дѣйствія всѣхъ нашихъ намѣстниковъ, со времени воскресенія королевства.

Іосифъ Заіончекъ, генералъ пѣхоты польскаго войска, удостоенный отъ царя Александра I титула князя, былъ первымъ намѣстникомъ его царско-королевскаго величества въ королевствѣ польскомъ. Заіончекъ былъ добрый полякъ, но, не смотря на то, и умный человѣкъ. Смотря на ходъ и положеніе дѣлъ свѣтлымъ взглядомъ, онъ установилъ о своемъ правленіи то убѣжденіе, что легкомысленныя увлеченія, пустота или предубѣжденіе должны замолчать въ виду великихъ интересовъ благополучія края. Натурально, что послѣ этого онъ долженъ былъ подвергнуться той же участи, какую сулитъ у насъ теперь и прежде всякому правдивому мужу, всякому истинному патріоту заблужденіе или недостатокъ раціональныхъ убѣжденій.

Этимъ хочу сказать, что общественное мнѣніе было не въ пользу Заіончка, не имѣлъ онъ, какъ говорится, популярности, но вмѣстѣ съ тѣмъ хочу спросить васъ, соотечественники, какъ же поступить въ столь роковомъ столкновеніи обстоятельствъ? Когда усердно служишь краю, соблюдаешь истинный интересъ и трудишься надъ его благополучіемъ, когда останешься вѣренъ своимъ обязанностямъ и правиламъ чести, словомъ, не умѣешь и не хочешь быть измѣнникомъ, тотчасъ ареопагъ непризванныхъ судей, окруженный молвою безумной толпы, запятнаетъ твое имя безчестіемъ и позоромъ.

Заіончекъ, хорошо воспитанный, обладалъ полнымъ знаніемъ военнымъ и даже научнымъ. Доказательствомъ этому служитъ выборъ генерала Бонапарте, который, приготовляясь къ египетскому походу и составляя свою свиту изъ самыхъ разнородныхъ знаменитостей, въ число ихъ включилъ и генерала Заіончка и въ самомъ Египтѣ возлагалъ на него важныя порученія.

На послѣднемъ своемъ постѣ публичномъ Заіочекъ заявилъ неоспоримые признаки правоты убѣжденій, меткаго и здраваго сужденія, возвышеннаго и непоколебимаго характера и, не смотря на преклонныя лѣта и тяжкое увѣчье, неутомимаго труда. Кромѣ того онъ обладалъ, съ пользою для края, великимъ и рѣдкимъ даромъ, столь нужнымъ въ каждомъ мужѣ, держащемъ кормило правленія,—дѣлать безошибочный и удачный выборъ кандидатовъ на высокія и важныя мѣста.

Въ продолженіе его правленія, королевство, въ отношеніи административномъ и финансовымъ, было, можно сказать, образцово организовано. Ему край обязанъ устройствомъ сухопутныхъ и водяныхъ путей сообщенія, при немъ устроено шоссе, ему мы обязаны заведеніемъ и возвышеніемъ фабрикъ и рукодѣлій, и warstaty Лодзи, Згерза и Опатовка служатъ для его памяти монументомъ, который вѣнчаютъ учрежденія. Общество кредитное и Банка Польскаго, хотя осуществленныя княземъ Любецкимъ, но все же свидѣтельствуютъ о высокихъ понятіяхъ Заіончка, добрыхъ его намѣреніяхъ и услугѣ, оказанной имъ краю.

Если же, братья, мужъ и соотечественникъ, оказавшій Польшѣ столь важныя и очевидныя услуги, ни при жизни, ни по смерти, не могъ заслужить вашей признательности,—что удивительнаго, если въ отношеніи его преемниковъ, окруженныхъ другими, болѣе тревожными обстоятельствами, вы произносите столь ошибочныя сужденія, столь не основательныя, противныя истинѣ и простой логикѣ мнѣнія, что, для объясненія вашего поступка, остается одно только средство, именно революціонная организація, публичное разсѣеваніе и распространеніе лжи и клеветы.

Впрочемъ, ваши нареканья не въ состояніи запятнать имя мужа извѣстнаго, разумнаго, истиннаго патріота. Судъ исторіи низвергаетъ лживые и злостные толки, выясняетъ истину и усвояетъ должную

честь добродѣтели и заслугѣ. Заіончекъ былъ первымъ намѣстникомъ воскрешеннаго королевства и, во все время своей важной миссіи, всегда былъ удостоиваемъ вниманія и безграничнаго довѣрія своего монарха, блаженной памяти императора и короля Александра I. Вотъ прочный памятникъ, доказательство заслугъ и добродѣтелей Заіончка!

Послѣ его смерти, должность намѣстника нѣсколько лѣтъ никѣмъ не была занята, а кресло правительственное было занято государственнымъ министромъ, графомъ Валентиномъ Соболевскимъ, съ титуломъ предсѣдателя административнаго совѣта и почти со всѣми правами, какія недавно усвоены были маргграфу Велепольскому.

Сенаторъ-воевода, графъ Соболѣвскій, человѣкъ высшаго образованія и извѣстныхъ заслугъ, при слабомъ здоровьи, обремененный лѣтами, хотя выполнялъ свою обязанность со всѣмъ усердіемъ, какъ прилично человѣку справедливому и честному, не избѣжалъ, однакожъ, колкой критики такъ называемаго общественнаго мнѣнія. А что онъ не испыталъ всей суровости приговора, какому подвергался, наконецъ, у насъ почти каждый правитель края, это случилось, вѣроятно, отъ того, что онъ не долго управлялъ имъ, равно и отъ неожиданнаго оборота дѣлъ, вслѣдствіе котораго вниманіе революціонной агитаціи было обращено на болѣе важный предметъ.

Послѣ вступленія въ 1831 г. императорскихъ войскъ въ нашу столицу, возстановленное достоинство намѣстника было поручено побѣдителю и разгромителю (pogromcy) революціи.

Въ предѣлы и намѣренія моего письма не входитъ подробное описаніе жизни героя той эпохи. Были уже писатели, которые занимались этимъ предметомъ и, безъ сомнѣнія, будутъ еще такіе, которые возвѣстятъ потомству всѣ высокія добродѣтели этого знаменитаго предводителя; мнѣ остается только сказать, что если бы въ 1831 году предводительство дѣйствующей арміи ранѣе было поручено графу Эриванскому, гидра революціи ранѣе шестью мѣсяцами была бы усмирена, а день 15 августа не нашелъ бы кровавой страницы въ нашихъ лѣтописяхъ.

Іоаннъ Паскевичъ, графъ Эриванскій, князь Варшавскій, занялъ мѣсто намѣстника въ концѣ 1831 года.

Въ продолженіи почти 25 лѣтъ онъ возстановлялъ и поддерживалъ порядокъ края, врачевалъ революціонныя язвы, воскресилъ тор-

говлю и промыслъ, возвысилъ земледѣліе, однимъ словомъ — почти возвратилъ то матеріальное благосостояніе, какимъ наслаждалось королевство въ концѣ 1830 года.

Его управленіе было какъ бы продолженіемъ намѣстничества князя Заіончка, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; потому что князь Варшавскій имѣлъ болѣе власти и средствъ для развитія, на пользу края, своихъ спасительныхъ желаній и намѣреній.

Во время его правленія, устройство шоссейныхъ дорогъ раскинулось по цѣлому краю, фабрики и рукодѣлья возрастали съ удивительнымъ успѣхомъ, торговля находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Варшава, вмѣсто прежней скромной физіономіи, приняла видъ устроеннаго города европейскаго; другіе пограничные города, болѣе похожіе на деревни, приняли видъ мѣстечекъ и городовъ, а недавняя фабричная усадьба Лодзь перемѣнилась на большой, многолюдный и красивый городъ. Желѣзная дорога, эта эра успѣховъ цивилизаціи 19 вѣка, газовое освѣщеніе, прекрасный спускъ къ Вислѣ и устройство великолѣпнаго моста, составляютъ также характеристику управленія князя Варшавскаго.

Паскевичъ былъ весьма добрымъ человѣкомъ и много дѣлалъ тайно добра. При всемъ своемъ живомъ темпераментѣ, онъ никому не сдѣлалъ положительнаго зла. По этому, во время его жизни, въ теченіи продолжительнаго управленія его краемъ, всѣ его превозносили, и когда назадъ тому 10 лѣтъ разнесся слухъ, будто онъ смертельно былъ раненъ въ турецкой компаніи, то все королевство было поражено и опечалено этимъ извѣстіемъ; но послѣ смерти его все оказалось иначе: въ его правленіи видѣли и огласили однѣ только жестокости и тиранію.

Позвольте спросить васъ, господа, на какихъ это фактахъ вы основываете подобный приговоръ? У кого князь варшавскій произвольно, по капризу, отнялъ жизнь, имѣніе, мѣсто или свободу?

Если онъ былъ остороженъ, если берегъ васъ отъ несчастія, если вамъ помѣшалъ два раза (въ 1848 и 1855 году) такъ же поступить, какъ вы поступили въ прошломъ году, то вы ему обязаны благодарностью за то, что онъ своею энергіей и патріотизмомъ спасъ васъ отъ горькой судьбы, на которую вы теперь нарекаете.

Можетъ быть, кто скажетъ, братья, что это фантазія?, нѣтъ,

это дѣйствительность. Въ эпохѣ, о которой говорю, вы готовили такіе же горючіе матеріалы, какъ за нѣсколько лѣтъ предъ послѣднимъ возстаніемъ. Нѣкоторыя лица уже условились было начать возстаніе, было приготовлено оружіе, извѣстное число кавалерійскихъ лошадей, даже былъ назначенъ день, для рѣзни въ театральныхъ залахъ. Но Паскевичъ успѣлъ уловить могучею рукою нить заговора, предотвратилъ преступленіе, съ обычною ему мудростью покрылъ молчаніемъ и то, что имѣло и могло случиться. Да, соотечественники, князь Варшавскій выполнилъ честно и благородно обязанность намѣстника не только въ отношеніи къ трону, но и въ отношеніи къ истинному благу нашего народа, и безпристрастное потомство отдастъ справедливость знаменитому генералу и государственному мужу.

Нѣсколько мѣсячная, переходная, хилая или неразумная власть, послѣ дѣятельнаго правленія Паскевича, много приготовила зла для королевства, такъ что здѣсь можно сказать, кое-что только объ административныхъ затѣяхъ [1]). Назначеніе въ нашу столицу новаго намѣстника, человѣка безспорно высокихъ качествъ ума и сердца, могло бы быть для королевства эпохою благодѣтельнаго развитія его будущности, безъ ловкихъ и ласкательныхъ пріемовъ угодничества, къ какимъ прибѣгала переходная власть, обманутая въ своихъ надеждахъ. Принята была система снисканія популярности, за которою тотчасъ послѣдовали жертвы и уступки, а этого только нѣкоторые и ожидали, такъ какъ правительственная популярность только при обоюдномъ довѣріи приноситъ желаемыя послѣдствія, а гдѣ недостатокъ этого условія, тамъ подобная система ведетъ по крутой покатости прямо въ бездну и даже къ явленіямъ 1793 года. Неопровержимымъ доказательствомъ этому служатъ недавніе факты: чудовищное въ отношеніи размѣра и злонамѣренное по цѣли дѣйствіе земледѣльческаго общества, дерзкія и революціонныя манифестаціи, безразсудныя депутаціи, якубинскіе клубы въ ратушѣ и биржѣ и даже самый способъ безбожнаго костельнаго богослуженія.

Словомъ, мы не имѣемъ никакихъ причинъ жаловаться на это намѣстничество, мы не имѣемъ права усвоить ему готовыхъ у насъ для всякой власти эпитетовъ: тиранской, деспотической; даже я дол-

---

[1]) Стоитъ въ подлинникѣ слово: barwie, что значитъ: ворсѣ (на суннѣ, напрым.).

женъ сказать, что благородный, питавшій наилучшія для королевства желанія, достойный князь долженъ былъ сохранить до гроба, быть можетъ, слишкомъ преждевременнаго, грустныя чувства нашей несправедливости и неблагодарности. Слѣдующія два намѣстничества графовъ Сухозанета и Ламберта также можно отнести къ разряду переходной власти, какъ по причинѣ ихъ кратковременности, такъ и потому, что періодъ ихъ администраціи, безъ опредѣленной программы дѣйствій, былъ какъ будто моментомъ выжиданія, періодомъ надежды, что нашъ натуральный разсудокъ возьметъ, наконецъ, верхъ надъ горячкою заблужденій, безразсудствомъ и опасностью игры политической. Впрочемъ, нужно сознаться, что эти два сановника не сдѣлали намъ зла въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли упрекать ихъ.

Графъ Лидерсъ прибылъ къ намъ также съ примирительными намѣреніями, соединительными. Всѣ его дѣйствія были запечатлѣны умѣренностью и желаніемъ успокоенія нашего задора путемъ убѣжденій и силою разсудка. Какъ мало могутъ на насъ дѣйствовать подобныя средства, это показалъ всему свѣту Саскій садъ.

Если кто скажетъ, что этотъ поступокъ былъ проявленіемъ одинокаго фанатизма, а не обнаруженіемъ характера цѣлаго народа, тому я отвѣчу, что покушеніе (на жизнь графа Лидерса) было сдѣлано среди бѣлаго дня, въ публичномъ саду, наполненномъ людьми, а между тѣмъ злодѣй ушелъ безнаказанно.

1862 годъ сталъ для насъ эпохой, долженствовавшей быть эрой нашего возрожденія и счастливой будущности. Племянникъ воскресителя нашего отечества, братъ царствующаго теперь Монарха прибылъ къ намъ на постоянное жительство, для того чтобы насъ успокоить, осчастливить въ матеріальномъ отношеніи, возвысить, развить и упрочить наши учрежденія, чтобъ уяснить наше политическое положеніе. Это была, соотечественники, та самая эпоха, то самое солнце Неба, которое намъ засіяло въ 1815 году; но, увы, какъ тогда, такъ и теперь, въ заблужденіи своемъ, мы скрылись отъ живительныхъ и спасительныхъ лучей его въ подземныя и гробовыя пещеры!

Прохожу молчаніемъ безчестный поступокъ, случившійся вскорѣ по прибытіи къ намъ достойнаго князя, поступокъ, столь пятнающій историческія преданія нашей народности, но долженъ сказать, что

въ этомъ-то случаѣ озарился безпримѣрнымъ въ исторіи блескомъ возвышенный и благородный характеръ потомка великой династіи, царствующей теперь надъ нами; не оттолкнуло его отъ насъ злодѣйское покушеніе на его жизнь, не уклонился онъ съ пути, по которому великія души совершаютъ странствованіе свое на землѣ; великодушный къ неблагодарнымъ, онъ хотѣлъ еще имъ благодѣтельствовать.

Казалось, что само Небо благословляетъ своего добродѣтельнаго сына, а насъ заставляетъ опомниться и образумиться, посылая на землю въ нашей столицѣ новаго потомка высокой династіи, котораго даже имя, воспріятое при крещеніи, свидѣтельствуетъ о намѣреніи исцѣлить насъ отъ заблужденія, обезоружить нашъ фанатизмъ, выработать въ насъ свойства, составляющія конечное условіе быта народнаго.

Въ продолженіи своего пребыванія на нашей землѣ, Его Императорское Высочество, съ полнымъ усердіемъ занялся интересами края и верховнымъ управленіемъ его администраціи, руководилъ главныхъ правителей и на первомъ засѣданіи, которое онъ удостоилъ своимъ присутствіемъ, заговорилъ къ собранію на мѣстномъ языкѣ. Господа соотечественники! въ нашемъ положеніи и среди настоящихъ обстоятельствъ, это великій фактъ, возлагавшій на насъ великія обязанности, которыхъ увы! мы ни сколько не выполнили. Напротивъ, подземное наше правительство, вѣрное даннымъ ему отъ Мѣрославскаго инструкціямъ, имѣло безстыдство разсѣевать за границей клевету, будто тиранія намѣстника королевскаго послужила поводомъ къ народному возстанію, вспыхнувшему въ прошломъ году.

Всѣмъ извѣстно, что еще до прибытія къ намъ Великаго Князя революція была совершенно приготовлена, а убійство и покушеніе на жизнь графа Лидерса уже было исполнено; слѣдовательно, всякъ, кто уважаетъ истину, долженъ сознать, что возстаніе 1863 г. было только слѣдствіемъ давно задуманнаго и постепенно созрѣвавшаго заговора, что Великій Князь прибылъ въ Варшаву съ единственною цѣлію спасти утопавшее судно, что онъ долго и терпѣливо подавалъ намъ дружественную руку спасенія, а мы, заблудшіе, отталкивали ее.

Долженъ былъ, наконецъ, наступить и наступилъ нашъ судный день. Вооруженное и упорное буйство вызвало противодѣйствіе, а

безбожныя братоубійства вызвали мечъ справедливости. Настало намѣстничество графа Берга.

Номеръ 120, 16 (28) мая настоящаго года „Dzien. Powsechnego“ подробно рисуетъ знаменитое правленіе графа, какъ главнокомандующаго и намѣстника, а также дѣйствія составленной имъ, дѣятельной, меткой и раціональной полиціи, которая такъ много способствовала къ полученію настоящаго результата событій, что слѣдуетъ сожалѣть, почему ея организація и утвержденіе такъ поздно обдуманы и установлены. Теперь мнѣ остается только сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ, согласныхъ съ характеромъ и намѣреніями моего письма.

Огромная разница между сентябромъ 1831 года и 1863 года.

Графъ Эриванскій, сражаясь съ регулярной и хорошо организованной, хотя также революціонной арміей, тотчасъ до взятіи Варшавы, очутился среди встревоженныхъ непріятелей, которыхъ ряды еще были многочислены и изъ которыхъ одни добровольно сложили оружіе, другіе выѣхали на жительство за границу, а остальные жители города безгласно подчинились слѣдствіямъ войны; послѣ этого побѣдителю оставалось только возстановить общій порядокъ и внимательно защищать край отъ повторенія зла. Совершенно противуположный былъ сентябрь графа Берга: онъ очутился, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, но среди того же самаго разъяреннаго фанатизма, съ какимъ въ началѣ нашего вѣка за Перинеями, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, напрасно боролись побѣдители Европы; графъ Бергъ успѣлъ въ нѣсколько мѣсяцевъ исполнить часть этой своей миссіи. Сдѣланное выше замѣчаніе не входило въ планъ моего письма, а сдѣлано только для того, чтобы доказать, какъ письменныя и устныя нареканія на военное и административное правленіе нынѣшняго намѣстника напрасны, неосновательны и несправедливы; потому что кто мечемъ воюетъ, тотъ отъ него и погибнетъ; дѣйствія справедливой власти и силы, которыхъ графъ служитъ представителемъ, суть только противодѣйствія, а вина всѣхъ несчастій падаетъ на того, кто первый поднялъ мечъ; а скажите мнѣ, господа, кто затѣялъ заговоръ и поднялъ вооруженное возстаніе?

Графъ Бергъ управлялъ и управляетъ королевствомъ такъ, какъ

велитъ ему его высокій умъ, опытность и примѣры его предшественниковъ.

Когда всѣ снисходительныя мѣры и напрасныя увѣщеванія были исчерпаны, то необходимо было обратиться къ средствамъ болѣе дѣйствительнымъ, къ средствамъ, могущимъ возвратить спокойствіе краю, Имперіи и цѣлой Европѣ, обманываемой ложью и интригами, а встревоженной нашимъ волненіемъ.

Скажите-жъ, за что жалуетесь на графа, чего отъ него хотите? Хотите, чтобы безнаказанно формировать вооруженныя банды и нападать на войска Его Императорскаго Величества, хотите, чтобы графъ позволилъ наемнымъ убійцамъ въ кандитерскихъ, кофейняхъ, въ домахъ или на улицахъ города мучить и убивать мирныхъ людей, покорныхъ правительственной власти,—чтобы позволилъ безоруженныхъ крестьянъ вѣшать или живыхъ закапывать въ землю, чтобы смотрѣлъ сквозь пальцы на ваши грабежи и поджоги, опустошающія и разоряющія весь край, чтобы позволилъ среди законнаго царскаго правительства существовать еще другому—мятежному правительству, какой-то подземной власти, сумасбродной иразбойничьей? Нѣтъ, господа, программа вашей политики на земномъ шарѣ непримѣнима, ни одно общество подъ такимъ девизомъ ни существовать, ни утвердиться не можетъ.

Кровь за кровь, это есть право вѣчное и невозбранное. Слѣдовательно, вы не имѣете права жаловаться на казнь мучителей и подлыхъ наемныхъ убійцъ вашихъ; напротивъ, плачущія семейства могли бы сказать вамъ въ этомъ мѣстѣ, что вы принесли тысячи жертвъ вашему остервенѣнію, тогда какъ, за исключеніемъ военноплѣнныхъ вашихъ, подлежащихъ особымъ условіямъ войны, едва ли казнено и двѣстѣ преступниковъ.

Вы жалуетесь на ссылку, а гдѣ же на свѣтѣ есть правительство, или даже частный человѣкъ, который не связалъ бы, когда можетъ, рукъ злодѣю, готовому съ бѣшенствомъ броситься на него? Защита есть право натуральное, а горе начинающему и побѣжденному!... Впрочемъ ссылка, въ смыслѣ политическомъ, есть средство самое раціональное, средство, котораго требуетъ интересъ правительства и общественная безопасность.

Почти цѣлый край сегодня оплакиваетъ послѣдствія своего за-

блужденія, и имѣетъ о чемъ плакать; слѣдовательно, тотъ, кто положилъ конецъ этому несчастью, тотъ, кто обуздалъ дышавшую огнемъ и кровью гидру, тотъ имѣетъ право ожидать не упрековъ, а благодарности.

Первую часть своей миссіи графъ намѣстникъ исполнилъ счастливо и побѣдоносно, поэтому, можемъ надѣяться, что и дальнѣйшія его дѣйствія будутъ увѣнчаны тою же славою, — можемъ надѣяться, что, въ успокоенномъ и приведенномъ къ порядку царствѣ, мы скоро возвратимся къ разсудку, послѣдуемъ его внушеніямъ и что для насъ снова засіяютъ счастливые дни. Высокія добродѣтели графа и отрадныя воспоминанія его прошедшаго, служатъ залогомъ для нашихъ ожиданій; потому что есть еще другая область въ Имперіи, занимающая мѣсто далеко возвышеннѣе нашей соціальной цивилизаціи, область, которою графъ Бергъ также управлялъ въ качествѣ намѣстника и которая на всегда сохранила память его имени и высокихъ его добродѣтелей.

Іюня 7 1864 г.

Пустынникъ Надвислянскій.

ДЕВЯТНИКЪ.

(МѢСТНЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ Г. ВИТЕБСКѢ.)

(Продолженіе.)

Какъ же совершено было это торжественное празднество возсоединенія въ здѣшнемъ городѣ Витебскѣ?

О первоначальномъ, совершившемся въ г. Витебскѣ, въ 1839 г., празднествѣ возсоединенія можно слышать разсказы отъ многихъ мѣстныхъ старожиловъ-очевидцевъ; но есть также и описанія этого событія въ тогдашнихъ и позднѣйшихъ изданіяхъ [1]). Пользуясь тѣми и другими источниками и нарочито

[1]) Описаніе этого событія помѣщено и въ памятной книжкѣ витебской губерніи на текущій 1864 годъ, откуда мы заимствуемъ большую часть нашего повѣствованія.

прослѣдивши этотъ вопросъ по всѣмъ доступнымъ даннымъ, мы представляемъ читателямъ слѣдующія, подробнѣйшія свѣденія о бывшемъ торжественномъ празднествѣ.

Высокопреосвященный митрополитъ кіевскій Филаретъ прибылъ въ Витебскъ предъ праздникомъ Св. Троицы. Квартиру онъ имѣлъ не въ городѣ, а въ Марковомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ города на три съ небольшимъ версты. Это обстоятельство, сколько, повидимому, ни случайно, но въ то же время нельзя не видѣть въ немъ особаго значенія. Извѣстно, что Марковъ монастырь былъ издревле и всегда неизмѣнно оставался православнымъ и составлялъ собою, въ мѣстномъ краѣ, едва-ли не единственное прибѣжище и оплотъ для преслѣдуемыхъ со стороны господствовавшаго иновѣрія и чуждой народности. [1]) И вотъ, когда надлежало восторжествовать православію, то не Маркову ли монастырю вполнѣ принадлежала и честь и право, чтобы прибывшій, для совершенія торжества православія, первосвятитель явился, первѣе всего, подъ кровъ сей обители и отсюда исшелъ возвѣстить о совершившемся дѣлѣ возсоединенія жителямъ города: и во храмахъ и на стогнахъ.... Такъ дѣйствительно и было. 14 мая, въ самый день праздника св. Троицы, въ 10-ть часовъ утра, митрополитъ прибылъ изъ Маркова монастыря, при колокольномъ звонѣ и среди многочисленнаго собранія народа, въ православный витебскій Успенскій соборъ [2]), гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ двухъ епархій (полотской и могилевской), а также генералъ-губернаторомъ и всѣми военными и гражданскими чинами, въ

---

[1]) Съ этимъ заключеніемъ мы не согласны, частію основываясь на свидѣтельствѣ Безкорниловича, частію по извѣстнымъ намъ актамъ.

Ред.

[2]) Этотъ храмъ принадлежалъ прежде базиліанамъ, которые имѣли тутъ же свой монастырь и именно—въ зданіи, занимаемомъ теперь духовною консисторіею. Указомъ Императора Павла I, отъ 18 іюля 1799 г., повелѣно было обратить Успенскую церковь въ православной соборъ. Построенъ же былъ этотъ храмъ, вмѣсто бывшей Успенской же (иначе Пречистенской) церкви, при которой было совершенно, въ 1623 году 12 ноября, убійство извѣстнаго своею ревностію о папизмѣ уніятскаго архіепископа Іосафата Кунцевича.

парадныхъ мундирахъ. Божественную литургію совершалъ митрополитъ, въ сослуженіи двухъ епископовъ: Исидора полотскаго (нынѣшняго митрополита с.-петербургскаго) и Василія оршанскаго (настоящаго архіепископа полотскаго и витебскаго), и съ восемью священниками обѣихъ епархій (изъ каждой по четыре.) Народа во храмѣ находилось, по словамъ одного писателя-очевидца, до 1,500 человѣкъ, и всѣ, стекшіеся на сіе духовное праздество, замѣчаетъ другой современный писатель, молились съ усердіемъ и великимъ вниманіемъ къ невиданному ими священнодѣйствію. Во время великаго входа, дискосъ принималъ митрополитъ, а потиръ епископъ оршанскій, при чемъ были поминаемы вслѣдъ за св. Сунодомъ всероссійскимъ и православные вселенскіе патріархи: константинопольскій, іерусалимскій, антіохійскій и александрійскій, чтобы доказать неразрывное наше общеніе и единеніе съ первенствующею Восточною Церковію и опровергнуть тѣмъ лжетолкованія римскаго духовенства, будто бы Россійская Церковь отдѣлилась отъ Восточной и составила изъ себя расколъ. По окончаніи литургіи и послѣ извѣстныхъ колѣнопреклонныхъ молитвъ, положенныхъ по уставу св. Церкви, на бывающей, непосредственно послѣ литургіи, въ день св. Троицы, вечернѣ, былъ прочтенъ съ амвона соборнымъ протоіереемъ, указъ св. Сунода, о возсоединеніи, заключенный, прежде упомянутыми нами, достойными самаго умилительнаго благоговѣнія, словами помазанника Божія, монарха Николая I: «*Благодарю Бога и принимаю.*» Объ этихъ минутахъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ писавшихъ такъ: «глаза «предстоящихъ оросились слезами радости и умиленія.» Въ сіе время, говоритъ тотъ же писатель, митрополитъ, стоя на амвонѣ между архіереевъ обѣихъ епархій, возгласилъ велегласно къ Богу: «*Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!* и подъ сводами храма на долго раздавалась хвалебная пѣснь: «*Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе.*» Въ заключеніе всего было возглашено многолѣтіе Государю Императору и всей августѣйшей фамиліи, святѣйшему суноду, восточнымъ вселенскимъ православнымъ патріархамъ, всему освященному клиру, правительствующему синклиту, христолюбивому воинству и пр. Послѣ литургіи, митрополитъ и оба епископа изволили отправиться, по предварительному приглашенію г. губернскаго предводителя дворянства, въ дворян-

скій домъ, куда прибыло и все бывшее въ городѣ духовенство. Тутъ представлялись митрополиту всѣ чиновники, безъ различія исповѣданій, а градское общество, по русскому обычаю, поднесло хлѣбъ и соль. Вообще (какъ читаемъ въ памятной книжкѣ нашей губерніи за настоящій годъ), успѣхъ сего служенія въ Успенскомъ соборѣ и польза, которую оно принесло, превзошли всякое ожиданіе. Митрополитъ еще долго оставался въ соборѣ для благословенія народа. Этотъ истинно-отрадный отзывъ мы готовы раздѣлять отъ всей души, тѣмъ болѣе, что онъ взятъ изъ словъ современнаго писателя-очевидца. Но въ то же время мы не можемъ не быть на сторонѣ тѣхъ лицъ, которыя сообщили намъ подлинныя и на столько безпристрастныя свѣденія, что не отдать имъ должной и самой естественной справедливости было бы въ ущербъ правдѣ и истинѣ. По крайней мѣрѣ, если оправдался результатъ, согласно вышепредставленному отзыву, то это было на слѣдующій день. Митрополитъ, скажемъ словами самаго достовѣрнѣйшаго въ этомъ дѣлѣ свидѣтеля-очевидца, участника и главнѣйшаго виновника описываемаго торжества, былъ почти смущенъ, что изъ многочисленнаго собранія народа мало нашлось подходившихъ къ его благословенію. Это самое обстоятельство и послужило къ тому, что на завтрашній день, въ который св. православная Церковь совершаетъ празднество въ честь сошествія св. Духа, митрополитъ, по предварительному предложенію епископа оршанскаго Василія и единодушному желанію гражданъ, принадлежащихъ къ возсоединенной епархіи, былъ приглашенъ служить литургію въ церкви св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, какъ обширнѣйшей изъ всѣхъ мѣстныхъ приходскихъ.

Въ этотъ день вторичнаго служенія митрополита, съ тѣми же епископами, не только храмъ былъ полонъ, но и во кругъ него находилось до 3,000 человѣкъ, частію пришедшихъ, по слухамъ, изъ селъ и деревень. Генералъ-губернаторъ и чиновники, опять всѣ въ мундирахъ, прибыли въ церковь, по собственному произволу. Пріѣхавшій къ литургіи митрополитъ, едва вышелъ изъ кареты, какъ народъ бросился къ нему за благословеніемъ. У крыльца встрѣтили его, говоритъ писатель-очевидецъ, по какому-то старинному обычаю, почетные граждане, съ горящими свѣчами, [1]) а потомъ и духовенство. Ли-

[1]) Это были члены-братчики приходской Петропавловской церкви.

тургія и молебенъ совершились въ этотъ день такимъ же порядкомъ, какъ и наканунѣ, въ Успенскомъ соборѣ, только къ молебну собралось болѣе противъ прежняго священниковъ, какъ городскихъ, такъ и прибывшихъ изъ ближайшихъ окрестныхъ селеній бѣлорусской епархіи. По окончаніи всего, градскій голова, прихожанинъ и староста Петро-Павловской церкви, *Е. П. Катковъ*, просилъ митрополита, епископовъ и прочее духовенство, равно какъ и гражданскихъ начальственныхъ лицъ, къ себѣ въ домъ. Домъ этотъ существуетъ и доселѣ; онъ отстоитъ отъ церкви въ разстояніи менѣе 150 сажень и находится на самомъ берегу Двины, на углу переулка, по которому идетъ теперь телеграфная линія. Почтенный хозяинъ дома скончался уже года три. Сколько по недальности перехода, а еще болѣе по многочисленному стеченію народа, съ неимовѣрнымъ усердіемъ подходившаго подъ благословеніе,—всѣ три святителя, въ мантіяхъ и съ архипастырскими жезлами, шествовали въ домъ пригласившаго ихъ градскаго головы. Картина была истинно торжественная и умилительная, вполнѣ соотвѣтствовавшая значенію совершившагося событія, при которомъ невольно изливаются изъ глубины души пишущаго и всякаго благосочувствующаго слова священной пѣсни, въ честь сошествія св. Духа: «Егда снишедъ языки слія, раздѣляше языки Вышній; егда же «огненныя языки раздаяше, *въ соединеніе вся призва*, и со«гласно славимъ Всесвятаго Духа.» Митрополитъ, лишь только вошелъ въ домъ, благословилъ градское общество иконою Спасителя, что было принято всѣми съ такими чувствами, что многихъ видѣли въ слезахъ .. Послѣ того, какъ духовенство и всѣ высшія гражданскія лица разъѣхались, граждане, оставшись одни, просили пѣвчихъ пѣть, и съ ними сами пѣли разныя священныя пѣсни, многолѣтіе Государю, народный гимнъ: *Боже Царя храни* и пр., а потомъ возникъ у нихъ жаркій споръ, кто долженъ владѣть благословленною митрополитомъ иконою и кто имѣетъ право и честь украсить ее приличнымъ окладомъ. Кажется, всѣ единогласно рѣшили поставить эту икону въ

которые, какъ извѣстно, имѣли свои братчинскія свѣчи, возжигаемыя ими за литургіею. Эти свѣчи, естественно, употреблены были ими и при настоящемъ торжественно-церковномъ празднествѣ.

градской думѣ, съ надлежащею надписью и украшеніемъ. [1]). «Послѣ обѣда, читаемъ въ памятной нашей книжкѣ, и римское духовенство, увлеченное общимъ стремленіемъ, явилось къ митрополиту за благословеніемъ; были въ томъ числѣ и монахини-марьявитки. По случаю же бывающей, съ давнихъ поръ, маленькой ярмарки (по мѣстному названію *кирмашъ*), около Маркова монастыря [2]), народъ весь вечеръ ликовалъ тамъ съ сельскими жителями.»

Такъ совершилось первоначальное торжественное празднество возсоединенія уніатовъ въ г. Витебскѣ! «Скоро и другія мѣста «западныхъ губерній, повѣствуетъ не разъ уже упоминаемый «нами писатель, были свидѣтелями величественныхъ сослуженій «обоего духовенства (древле-православнаго и возсоединеннаго), «которое изъ окрестныхъ мѣстъ нарочно для сего собиралось «въ числѣ 50, 80 и даже 150—однихъ священниковъ. Духо«венству вполнѣ сочувствовалъ народъ, напомнившій собою на«божность и взаимную любовь первыхъ христіанъ. Вездѣ воз«соединенная паства, подобно древлеправославной, тѣснилась «принимать благословеніе отъ сослужащихъ пастырей. Въ семъ «дивномъ событіи всякъ видѣлъ подтвержденіе неоспоримой «истины, что все стремится къ своему началу, и возсоединеніе «бывшей грекоунитской церкви съ православною, строго говоря, «не представляло, въ сущности своей, ничего новаго для обѣ«ихъ: родное возвратилось къ родному, законное достояніе къ «законной власти. Нынѣ духовенство обѣихъ церквей, или, точ«нѣе сказать, одной и той же церкви, приноситъ совокупно «безкровную жертву тамъ, гдѣ нѣкогда падали кровавыя жертвы «лютаго изувѣрства. Богопротивнымъ средствамъ прежняго зло-

---

[1]) По справкѣ оказывается, что эта икона находится въ самой церкви Петропавловской и стоитъ на самомъ жертвенникѣ. Вѣроятно, по памяти объ епископѣ Исидорѣ, какъ бывшемъ епархіальномъ архіерeѣ, икона эта называется благословленною имъ, хотя надписи на ней никакой не имѣется. Авт.

[2]) Марковъ монастырь, по разряду первоклассный, носитъ названіе Свято-Троицкаго, такъ какъ и главный храмъ въ немъ во имя Св. Троицы; храмовый же праздникъ доселѣ бываетъ въ этомъ монастырѣ на второй день праздника Св. Троицы.

«получнаго времени противопоставлены мѣры убѣжденія, и сколь «ужасно было отторженіе дѣтей отъ лона матери, столько нынѣ «вездѣ легко и радостно ихъ возвращеніе къ ней. Древнія язвы «изцѣлены, догматы Вѣры утверждены, духъ и совѣсть народа «успокоены, цѣлая отрасль Церкви Россійской отъ, такъ назы- «ваемой, уніи возвращена къ истинному единству вселенскому, «и Россія, преуспѣвая въ дѣлахъ Вѣры, мудрыми попеченіями «и благочестивымъ примѣромъ августѣйшаго Монарха, стремится, «подобно Ему, излить благодарныя чувства предъ небеснымъ «виновникомъ сего мирнаго торжества своего, котораго благія «послѣдствія не исчислимы. Отнынѣ, можно смѣло сказать, что «кромѣ лишь собственно такъ называемой Литвы и Жмуди, все «основное христіанское населеніе западныхъ областей есть не «только русское, но и православное. И напрасно было бы усиліе «враговъ Россіи утверждать противное, вопреки истинѣ истори- «ческой и дѣйствительной сущности вещей! Ихъ мнѣніе не «найдетъ себѣ отголоска въ коренныхъ тамошнихъ жителяхъ, «вспомнившихъ свое начало, свой языкъ и свою древнюю Вѣру.»

Читая эти слова, писанныя за *двадцать пять* лѣтъ, невольно считаешь ихъ какъ бы пророчественными Смыслъ и значеніе ихъ особенно явственно и осязательно оправдались въ позднѣйшихъ событіяхъ. И все это благотворнѣйшія послѣдствія возсоединенія!.. Возможно ли же было не увѣковѣчить этого событія тѣмъ достодолжнымъ священнымъ празднествомъ, которое доселѣ совершается и несомнѣнно продолжится навсегда?!

Объ установленіи этого празднества, въ подлинномъ дѣлѣ мѣстной духовной консисторіи, имѣются слѣдующія свѣдѣнія: г. оберъ-прокуроръ св. Сѵнода, въ отношеніи своемъ (въ апрѣлѣ 1841 г.), писалъ на имя тогдашняго епископа полотскаго (нынѣшняго архіепископа) Василія, такъ: Препровождаемымъ при семъ указомъ святѣйшій Сѵнодъ даетъ знать вашему преосвященству, о воспослѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на установленіе въ г. Витебскѣ, по просьбѣ тамошнихъ гражданъ, въ память возсоединенія уніятовъ съ православною Церковію, торжественнаго крестнаго хода навсегда, въ тотъ же день послѣ пятидесятницы, въ какой совершилось тамъ въ первый разъ въ 1840 г. крестное хожденіе, въ воспоминаніе сего вожделѣннаго для Церкви событія. Вмѣстѣ съ симъ, св. Сѵнодъ предоставляетъ вашему усмотрѣнію ввести подобный крестный ходъ и

въ прочихъ возсоединенныхъ приходахъ полотской епархіи. Вслѣдствіе сего правительственнаго распоряженія, высокопреосвященный архипастырь, сколько водясь чувствами истинной ревности о духовномъ благѣ своей нововозсоединенной паствы, столько же мудро понимая и тогдашній духъ времени и разныя мѣстныя обстоятельства, при которыхъ не трудно было и на самыя благія дѣйствія смотрѣть какъ либо превратно,—принялъ всѣ зависящія мѣры, чтобы введеніе новоучрежденнаго празднества было совершено, гдѣ должно, чиннымъ порядкомъ и съ прямою пользою для народа. Между прочими распоряженіями были слѣдующія: во 1-хъ, его высокопреосвященство, по докладу консисторіи, приказалъ предварительно собрать свѣденія, въ какихъ сельскихъ приходахъ бываютъ въ *девятый четвертокъ по пасхѣ*, такъ называемые, *кирмаши*, или что тоже— маленькія ярмарки, дабы въ сихъ мѣстахъ, по преимуществу, отправить торжественное богослуженіе, съ крестнымъ ходомъ, въ честь назначаемаго праздества. Такимъ образомъ, въ 38-ми мѣстахъ епархіи, именно: въ городскихъ, монастырскихъ и разномѣстечныхъ церквахъ было отпраздновано описываемое торжество. Во 2-хъ, по тому же докладу консисторіи, было сдѣлано отношеніе къ генераль-губернатору, съ просьбою о содѣйствіи, со стороны подвѣдомаго ему гражданскаго начальства, дабы въ *девятый четвертокъ по пасхѣ*, въ казенныхъ владѣніяхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ, были уволены крестьяне отъ всѣхъ нарядовъ и работъ. Въ 3-хъ, чтобы въ этотъ же день, въ католическихъ *костелахъ*, была отправлена литургія (мша) до 9 часовъ послѣ полуночи. Въ 4-хъ, чтобы во время крестнаго хода въ самомъ Витебскѣ, былъ колокольный трезвонъ во всѣхъ городскихъ костелахъ [1]), изъ уваженія къ животворящему Кресту Господню. Послѣ надлежащаго объявленія всѣхъ сихъ распоряженій, послѣдовали рапорты объ удовлетворительномъ ихъ исполненіи. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ городскихъ

[1]) Мы всегда называемъ римскіе храмы не иначе, какъ костелами, по буквальному значенію и производству этого названія храмовъ, какъ замѣтилъ и писатель о Русской Вильнѣ г. Муравьевъ, замѣтилъ правильно, что названіе это произошло отъ латинскаго castellum, что значитъ крѣпость.

и въ мѣстечныхъ приходахъ, число собравшихся участниковъ въ празднествѣ богомольцевъ доходило *до трехъ* и *четырехъ тысячъ* лицъ обоего пола. Само же духовенство отнеслось къ этому событію самымъ должнымъ порядкомъ и съ подобающимъ сочувствіемъ, такъ что въ нѣкоторыхъ приходахъ были сказаны приличныя событію проповѣди. Вообще, оо. благочинные и всѣ рапортовавшіе, отозвались, что предназначенное празднество отправлено благополучно и благоуспѣшно. Нѣкоторые церковные причты, хотя и не получили начальственныхъ предписаній, въ свое время, но, руководясь примѣромъ другихъ, отправили празднественное богослуженіе въ честь воспоминаемаго событія. Было въ донесеніяхъ даже и то, что нѣкоторыя лица католическія, къ тому же представительныя, (въ родѣ напр. предводителей дворянства), и ихъ семейства участвовали въ празднествѣ. Словомъ, совершилось все такъ, какъ только должно было желать. На основаніи всѣхъ этихъ подлинныхъ данныхъ, высокопреосвященный владыка, какъ главный виновникъ истинно-достойнѣйшаго архипастырской ревности его дѣла, не обинуясь доносилъ святѣйшему Сѵноду, такъ: Съ душевною радостію спѣшу благопочтительнѣйше донести, что торжественное богослуженіе, съ крестнымъ ходомъ и водоосвященіемъ, въ память возсоединенія бывшей уніятской церкви съ православною апостольскою каѳолическою Церковію, въ 9-й по пасхѣ четвертокъ, совершено мною въ г. Витебскѣ, съ величайшею торжественностію и существенною и видимою пользою для православія. Число народа, находившагося во время богослуженія въ Успенскомъ соборѣ и крестнаго хода изъ церквей въ церкви, на водоосвященіе и обратно, превышало число народа, находившагося на такомъ же торжественномъ служеніи, въ прошломъ году совершенномъ. Православные и римляне, молящіеся и присутствующіе, стекались съ разныхъ мѣстъ. Всѣ безъ различія, бывъ увлечены торжественностію, сопровождаемою великолѣпнымъ порядкомъ со стороны гражданскаго начальства, съ удивительнымъ на лицахъ умиленіемъ и благоговѣніемъ, соединяли возносимыя къ Господу Богу теплыя свои молитвы; и не смотря на многочисленнѣйшее собраніе, сохраняли, удивительнымъ образомъ, тишину, спокойствіе и благочиніе, какъ во время сего служенія въ соборѣ, такъ и во время продолженія крестнаго хода. Я, съ своей стороны, радуясь, могу совершен-

но увѣрить, что настоящее наше торжество, сколько восхищало молящихся и присутствующихъ, столько же и внушило имъ глубокое уваженіе къ православному нашему богослуженію, а въ возсоединенномъ и древле—православномъ народѣ незабвенную святѣйшему правительствующему Сѵноду благодарность, за установленіе сего торжества, породившаго въ нихъ восторгъ и утѣшеніе и вящшую приверженность къ апостольской православно-каѳолической нашей Вѣрѣ. Въ слѣдъ за симъ, въ дополнительныхъ своихъ донесеніяхъ высшему начальству, писалъ владыка, что въ полотской епархіи, въ градскихъ и сельскихъ церквахъ, а гдѣ надобность предстояла (какъ видно изъ донесеній мѣстныхъ благочинныхъ и священниковъ), послѣ литургіи, отправлено соборнѣ, въ *девятый четвергъ по пасхѣ*, подобающее торжественное богослуженіе, съ крестнымъ ходомъ вокругъ церквей, съ водоосвятіемъ и съ должною церемоніею, и всерадостнѣйшимъ удовольствіемъ для сердецъ народа здѣшняго края, при многочисленномъ собраніи мѣстныхъ и окрестныхъ жителей. Замѣчательно, что, во множествѣ собиравшагося, въ разныхъ мѣстахъ, для соборнаго богослуженія, духовенства, являлись лица изъ иныхъ губерній, такъ напр., въ приходѣ При-Друйской Николаевской церкви находился, главнымъ совершителемъ водоосвятнаго богослуженія, протоіерей изъ минской губерніи І-нъ Г-вскій. Это было, впрочемъ, какъ бы предзнаменованіемъ того, что въ иныхъ губерніяхъ должно было вскорѣ совершиться то же празднество, по примѣру витебскаго. Въ вышеупомянутомъ указѣ св. Сѵнода сказано было, между прочимъ, слѣдующее: введеніе же подобныхъ празднествъ въ епархіяхъ: Могилевской, Литовской, Минской и Волынской, предоставить усмотрѣнію тамошнихъ архіереевъ, по удобности и возможности.

Чтобы ознакомить читателей съ самымъ порядкомъ совершившагося, въ первый разъ, и собственно въ г. Витебскѣ, церковнаго празднества, *въ честь возсоединенія*, мы предлагаемъ имъ, въ память и назиданіе, подлинный церемоніалъ его на 1840-й г., повторенный и въ 1841 г., и затѣмъ повторявшійся въ послѣдующіе годы, хотя и не безъ нѣкоторыхъ измѣненій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Польша и поляки. Польскія дамы.

Соч. Вилькинсона. Лондонъ, 1864 г.

Подъ этимъ заглавіемъ въ Русс. Инв. напечатана слѣдующая любопытная статья:

„Польское возстаніе послужило поводомъ къ появленію въ западной литературѣ такого множества новыхъ книгъ и брошюръ касательно Польши и польскаго народа, что, при всемъ нашемъ желаніи разсмотрѣть всѣ эти новыя произведенія, мы поневолѣ должны отказаться отъ этого и обращать вниманіе нашихъ читателей только на тѣ, которыя по какимъ-либо причинамъ заслуживаютъ спеціальнаго разбора. Предъ нами лежитъ теперь изданная недавно въ Лондонѣ четвертымъ изданіемъ брошюра г. Стюарта Вилькинсона, подъ заглавіемъ: „Poland and Poles. The Polish Ladies.“ (Польша и поляки. Польскія дамы). Ужь одно то, что книга эта вышла въ свѣтъ, да еще въ Англіи, четвертымъ изданіемъ, заслуживаетъ, чтобы обратить на нее особое вниманіе.

Цѣль брошюры г. Вилькинсона—доказать, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ польскаго возстанія были польскія дамы, которыя, дѣйствуя по внушенію ксендзовъ, вліяли такъ могущественно на мужское населеніе Польши, что всѣ, за исключеніемъ сельскаго населенія, устремились на зовъ фанатическихъ проповѣдниковъ западнаго клерикализма. Бывъ въ Польшѣ три раза въ 1857, 1860 и 1862 гг. и проведя каждый разъ довольно долгое время въ Варшавѣ, г. Вилькинсонъ успѣлъ собрать много весьма интересныхъ данныхъ, такъ что брошюра его возбудитъ любопытство всякаго знакомаго и незнакомаго съ характеромъ польскаго народа.

Какъ мы сказали выше, авторъ былъ три раза въ Варшавѣ. Во время каждой изъ своихъ поѣздокъ въ столицу Царства Польскаго, г. Вилькинсонъ замѣчалъ рѣзкую перемѣну въ господствовавшемъ образѣ мыслей поляковъ и въ особенности полекъ. Вотъ

это-то различіе, подмѣченное авторомъ съ особою наблюдательностію, и составляетъ, можно сказать, вмѣстѣ съ анекдотическою частью его разсказовъ, главнѣйшій интересъ въ разбираемой нами книгѣ.

Подобно всѣмъ англичанамъ, писавшимъ когда-либо о Польшѣ, авторъ говоритъ, что и онъ въ своей молодости заплатилъ дань поклоненія рыцарскимъ нравамъ великодушнаго народа (?), какъ отзываются о себѣ мастера революціонныхъ дѣлъ, польскіе эмигранты, наводнившіе въ послѣднія два десятилѣтія всю Европу и старавшіеся вооружить общественное мнѣніе запада противъ Россіи. Первое впечатлѣніе г. Вилькинсона, по прибытіи его въ Варшаву, было весьма благопріятно для польскаго общества. Привыкнувъ къ тому законному уваженію, которымъ пользуется прекрасный полъ въ Англіи, г. Вилькинсонъ съ радостію замѣтилъ, что польское общество не только не уступаетъ въ этомъ отношеніи англійскому, но еще превзошло его въ поклоненіи дамамъ. „Польская дама—говоритъ авторъ—царствуетъ въ своемъ домѣ, какъ королева.“ Но подобное рыцарское поклоненіе женскому полу не ослѣпляетъ однако англичанина, который, оставаясь вѣрнымъ основному характеру своей націи, не медлитъ предать строжайшему анализу характеръ этихъ царицъ польскаго общества. А для этого лучшимъ пособіемъ служитъ ему параллель между англійскими леди и польскими пани. „Если англичанка отличитъ васъ,—говоритъ г. Вилькинсонъ,—то она почувствуетъ къ вамъ это чувство.“ Польки же, по мнѣнію автора, стараются привлечь къ себѣ помощью кокетства и, добившись отъ васъ чего онѣ желаютъ, бросаютъ васъ потомъ безъ всякаго угрызенія совѣсти.

Подмѣтивъ, такимъ образомъ, въ основѣ польскаго характера эгоизмъ, авторъ, посредствомъ различныхъ, видѣнныхъ имъ самимъ, или слышанныхъ, случаевъ польской обыденной жизни, приводитъ къ тому, что вы самымъ естественнымъ образомъ согласитесь съ его воззрѣніемъ, по которому главной причиной всѣхъ бѣдствій, сопровождавшихъ возбужденіе польскаго вопроса, являются польскія женщины и ихъ интимные руководители—фанатическіе ксендзы.

Въ первую свою поѣздку въ Польшу, въ 1857, авторъ гово-

ритъ, что нашелъ страну въ весьма спокойномъ состояніи. Не только въ Варшавѣ, но и ни въ какомъ другомъ городѣ, ему не пришлось быть свидѣтелемъ политическихъ преній или распрей. „Всякій—говоритъ г. Вилькинсонъ—былъ доволенъ гражданской администраціей царства, состоявшей исключительно изъ чиновниковъ русскаго происхожденія, и никто не высказывалъ даже желанія перемѣны. Три года спустя послѣ этого, Императоръ Александръ даровалъ полякамъ множество правъ и готовъ былъ приступить къ дарованію имъ еще большихъ. Справедливый и безпристрастный наблюдатель не можетъ отвергать намѣренія Императора употребить всю свою силу, чтобы упрочить счастіе Польши, которая была ему такъ дорога. Я смѣло могу сказать, что большая часть польскихъ патріотовъ, которыхъ мнѣ привелось видѣть въ то время, были совершенно довольны мѣрами Императора.“ Высказавъ это, авторъ не замедлилъ, однако, оговориться: „Однѣ дамы—прибавляетъ онъ—требовали большаго: онѣ требовали полной независимости Польши и употребляли въ дѣло все кокетство и грацію, чтобы убѣдить высшихъ сановниковъ и русскихъ офицеровъ, что самыя выгоды Россіи требовали административнаго отдѣленія Царства отъ Имперіи. Онѣ постоянно опирались на римскокатолическій элементъ, а римское духовенство интриговало въ это время скрытно и не появлялось еще на политическую сцену.“ Не смотря на это, сношенія между обоими народами были самыя дружественныя, и никто изъ жившихъ въ то время въ Польшѣ не могъ бы и подозрѣвать, что чрезъ немного лѣтъ возгорится такая жестокая брань.

Въ 1860 г. положеніе дѣлъ чувствительно уже измѣнилось. Въ это время на общественномъ горизонтѣ Польши возвысился уже незамѣтный дотолѣ ксендзовскій элементъ. Чтобы показать разницу въ общественномъ настроеніи Польши въ 1857 и 1860 гг., авторъ приводитъ случай, который мы разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ. Въ 1857 г. браки между поляками и русскими были не рѣдкостью, такъ какъ въ то время ксендзы не могли выказывать такъ явно своего вліянія, какъ они это стали дѣлать впослѣдствіи. Но въ 1860 г. случаи эти стали повторяться все рѣже и рѣже. Въ доказательство силы ксендзовъ, авторъ приводитъ слѣ-

дующій случай: Въ 1860 г. жилъ въ Варшавѣ молодой русскій офицеръ, князь Г., пользовавшійся отличною репутаціей въ самыхъ аристократическихъ салонахъ Варшавы. Богатый, красивый и отлично воспитанный, молодой князь могъ бы, кажется, составить счастіе самой взыскательной польки. Князь полюбилъ дѣвицу Анну О., племянницу графини С., и пользовался ея взаимностью. Въ началѣ все, казалось, предвѣщало счастіе молодой четѣ; сама графиня была въ восторгѣ отъ такой партіи для своей племянницы, тѣмъ болѣе, что, по скупости своей, она не хотѣла дать приданнаго невѣстѣ. А такъ какъ влюбленный князь не обращалъ никакого вниманія на денежный вопросъ, то можно было считать это дѣло рѣшеннымъ. Къ несчастію для влюбленной четы, при старой графинѣ находился, въ качествѣ духовника, патеръ Б. Фанатическому ксендзу нетрудно было убѣдить графиню, что бракъ ея племянницы съ схизматикомъ составляетъ смертный грѣхъ, который долженъ пасть на ея душу. Напуганная ксендзомъ, старая графиня разлучила влюбленныхъ и выѣхала за границу. Что-же касается до молодаго князя, то онъ, послѣ долгихъ и безполезныхъ поисковъ по разнымъ государствамъ за своей невѣстой, получилъ письмо отъ ксендза Б., извѣщавшаго его о смерти старой графини и ея племянницы. Романъ князя, кончившійся такъ трагически для него, имѣлъ совершенно другую развязку для пронырливаго патера. Богатое имѣніе покойной графини перешло по наслѣдству въ его монастырь.

Два года спустя, въ 1862 г., авторъ засталъ Польшу въ полномъ броженіи. Тамъ уже сформировалась ультра-польская партія, преслѣдовавшая русскихъ съ чрезвычайнымъ озлобленіемъ. Для охарактеризованія этой эпохи, обратимся къ самому автору: „Ксендзы,—говоритъ г. Вилькинсонъ,—были въ главѣ ультра-патріотической партіи. Въ Варшавѣ я увидѣлся снова съ патеромъ Б., который не скрывалъ уже своей ненависти къ русскимъ. Онъ съ восторгомъ вспоминалъ о славной для его отечества эпохѣ, когда сынъ ихъ короля, Владиславъ, былъ избранъ царемъ русскимъ; но онъ упускалъ изъ виду, что съ того времени русскіе оказали большіе успѣхи, между тѣмъ какъ поляки постепенно приходили къ упадку. Дамы, однако, находились еще въ боль-

шемъ раздраженіи, нежели ксендзы. Тѣже самыя красавицы, которыя до 1860 года веселились и танцовали съ русскими офицерами, теперь оскорбляли ихъ всевозможными способами. Мнѣ было объявлено, что если буду продолжать свое знакомство съ русскими, то меня не станутъ принимать въ польскіе дома. Польскія дамы называли русскихъ варварами, клеветали на нихъ всѣми способами и надавали мнѣ множество записокъ, полныхъ желчи и лжи противъ русскихъ, прося, чтобы я роздалъ ихъ англійскимъ журналистамъ для напечатанія. Разумѣется, я не исполнилъ ихъ желанія, но здѣсь кстати прибавлю, что, видно, многіе изъ моихъ соотечественниковъ сдѣлались жертвами кокетства полекъ, потому что во многихъ англійскихъ газетахъ я видѣлъ статьи, тождественныя съ тѣми, которыя были даны мнѣ польскими дамами.“

Фанатизмъ польскихъ дамъ выказался рельефнѣе всего во время возстанія. Изъ множества случаевъ, разсказываемыхъ авторомъ, въ подтвержденіе своей основной идеи, мы не можемъ удержаться, чтобы не привести слѣдующіе два; факты эти такъ живо и краснорѣчиво говорятъ сами за себя, что могутъ обойтись совершенно безъ всякихъ комментаріевъ.

Въ бытность свою въ Вильнѣ, г. Вилькинсонъ познакомился съ однимъ изъ богатѣйшихъ литовскихъ помѣщиковъ, г. N., который въ сороковыхъ годахъ служилъ въ гвардіи, потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ онъ занялся воспитаніемъ единственнаго сына, оставшагося въ живыхъ изъ многочисленнаго нѣкогда его семейства. Г. N. былъ преданъ законному правительству и съ прискорбіемъ смотрѣлъ на безумство своихъ соотечественниковъ, готовившихъ гибель своей странѣ. Опасаясь за своего сына и зная нахальство инсургентскихъ проповѣдниковъ, г. N былъ неотлучно при немъ и намѣревался отправиться чрезъ нѣсколько времени въ Петербургъ, для опредѣленія его на службу въ гвардейскіе гусары.

Въ 1863 году г. Вилькинсону пришлось быть снова въ Вильнѣ. „Гуляя по улицѣ—говоритъ онъ—вижу вдругъ г. N. въ трауръ.„ „Что съ вами случилось? говорю я.—Увы! я самый несчастный человѣкъ въ свѣтѣ, отвѣчалъ онъ, у меня нѣтъ болѣе сына!“ Дѣло было такимъ образомъ. Въ сосѣдствѣ имѣнія г. N жилъ бо-

гатый помѣщикъ, графъ П., который также, подобно г. N., никогда не говорилъ о политикѣ и наслаждался семейнымъ счастіемъ, живя въ уединеніи съ двумя своими дочерьми и видаясь только съ N. и его сыномъ. Не смотря на всѣ эти мѣры предосторожности, дочери графа П. завладѣли весьма скоро умомъ молодаго N и, наэкзальтировавъ его, довели до того, что онъ, воспользовавшись первымъ отсутствіемъ отца изъ деревни, бѣжалъ въ лѣсъ, въ шайку Мацкевича. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, шайка его встрѣтилась съ нашими войсками, была разбита и разсѣяна. Въ числѣ тяжело раненныхъ, попавшихся въ плѣнъ, находился и N, который чрезъ нѣсколько часовъ скончался на рукахъ русскихъ солдатъ.

Другой случай, разсказываемый г. Вилькинсономъ, характеристиченъ не менѣе перваго. Послѣ одной схватки нашихъ войскъ съ инсургентами, къ начальнику нашего отряда явилась пожилая дама и, со слезами на глазахъ, просила простить ея пятнадцатилѣтняго сына, находившагося въ числѣ плѣнныхъ. Видя горе бѣдной матери и имѣя въ виду крайнюю молодость плѣннаго, офицеръ отпустилъ его съ матерью, сказавъ ему при этомъ нѣсколько напутственныхъ совѣтовъ. Чрезъ нѣсколько дней та же дама приходитъ снова благодарить офицера, за то, что онъ отпустилъ къ ней на нѣкоторое время ея сына. Удивленный этими словами, офицеръ сталъ говорить дамѣ, что онъ отпустилъ ея сына не на нѣкоторое время, а совсѣмъ, но представьте себѣ весь его гнѣвъ, когда эта фанатическая мать сказала ему: „Г. офицеръ, я честная женщина и считаю долгомъ сказать вамъ всю правду: у меня только одинъ сынъ, я люблю его всей душею, но онъ принадлежитъ отечеству. Я не хочу васъ обманывать, мой сынъ провелъ со мною одну только недѣлю и уже отправился въ банды.“ Чрезъ пятнадцать дней послѣ этого, сынъ фанатической польки снова попался въ плѣнъ и отправленъ съ прочими плѣнниками въ Динабургъ.

Въ чемъ-же заключается причина такого ультра-патріотическаго и до фанатизма доходящаго настроенія духа полекъ? Нѣтъ ли, кромѣ извращеннаго понятія о патріотизмѣ, другихъ причинъ, побуждавшихъ полекъ къ такимъ фанатическимъ дѣй-

ствіямъ? По мнѣнію г. Вилькинсона, причина эта слѣдующая: „Дамы мелкаго польскаго дворянства любятъ роскошь,—говоритъ онъ,—и удовольствія. Онѣ надѣятся, что, въ случаѣ возстановленія власти дворанства, въ ущербъ средняго сословія и хлоповъ, онѣ разбогатѣютъ и будутъ имѣть всѣ средства къ удовлетворенію своихъ прихотей, благодаря ксендзамъ и тайному правительству, которое наградитъ ихъ за участіе, принятое ими въ возстаніи. Эти женщины выказали дѣятельность и ловкость, достойныя лучшей цѣли. Благодаря вѣжливости русскихъ, онѣ сначала были избавлены отъ многихъ обысковъ. Русскіе никогда не обходились дурно съ женщинами ни въ Польщѣ, ни въ Литвѣ; все, что написано объ этомъ въ нашихъ газетахъ, чистая ложь."

Степень участія польскихъ дамъ въ самыхъ безчеловѣчныхъ распоряженіяхъ подземнаго правительства очерчена авторомъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: „Г-жа Мацієвская, вдова русскаго чиновника и получавшая пенсію отъ русскаго правительства, устроила въ своемъ домѣ складъ оружія для инсургентовъ. Живя съ двумя своими дочерьми, она не была тревожима никѣмъ и раздавала оружіе жандармамъ-вѣшателямъ. Одна мелочная торговка, по имени Маріанна Невинская, была душею революціонныхъ публикацій не только въ тайномъ **журналѣ жонда**, но и въ **Часѣ**, въ **Хвилѣ**, въ нашемъ Morning Post и въ нѣкоторыхъ французскихъ журналахъ, пріобрѣвшихъ славу забавными баснями, которыя они печатали касательно польскаго мятежа. Циркуляры жонда были печатаемы г-жами Торхановской, Кватковской, Касторской и др. Сборъ голосовъ, установленныхъ жондомъ, производился дамами, помощниками которыхъ были юные ученики гимназій?!„

Главная причина, по мнѣнію автора, такого настроенія духа польскихъ женщинъ—интриги фанатическаго духовенства и въ особенности іезуитовъ. „Самый важный агентъ революціи—говоритъ г. Вилькинсонъ—безъ всякаго сомнѣнія, ультра-монтанизмъ. Хотя русское правительство не признаетъ свѣтской власти папы, но іезуиты старались всѣми силами дѣйствовать на перекоръ императору. Они хотѣли отторгнуть отъ него Польшу, чтобы создать новый центръ для своихъ пропагандъ. Изъ 7,300 членовъ ордена Лойолы, около 140 постоянно живутъ въ Польшѣ. Въ по-

слѣднее время нѣсколько сотъ французскихъ и италіянскихъ іезуитовъ отправлены, для присоединенія къ своимъ товарищамъ, въ Галицію, Померанію и Польшу. Этотъ орденъ явно враждебенъ Россіи, за то, что былъ изгнанъ оттуда въ 1817 г., вслѣдствіе своихъ многочисленныхъ злоупотребленій. Послѣ этого, іезуиты вступили въ сношенія съ католическимъ духовенствомъ въ Польшѣ и, помощью его, довели польскихъ женщинъ до того фанатизма, который они выказали въ послѣдній мятежъ."

Вообще брошюра г. Вилькинсона представляетъ такъ много интересныхъ эпизодовъ послѣдняго возстанія, разсказанныхъ живымъ и увлекательнымъ языкомъ, что мы смѣло можемъ совѣтовать прочитать ее всякому, охотнику до анекдотической стороны историческихъ сочиненій. (Вил. Вѣст).

ЭПИЗОДЫ
ИЗЪ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА
1863 года.

Въ достопамятную ночь св. Викентія, 22-го (10-го) января, начальникъ плоцкой жандармской команды, возвращаясь изъ Новогеоргіевской крѣпости, завернулъ на ночлегъ къ своему знакомому помѣщику, въ находящуюся въ 8 верстахъ отъ Закрочима деревню Иромбку. Толпы такъ называемыхъ защитниковъ отечества собирались уже въ лѣсахъ, но никто не хотѣлъ еще вѣрить тому, что дѣло дойдетъ до безразсуднѣйшаго въ мірѣ вооруженнаго возстанія. Помѣщикъ деревни Иромбки, принимая гостя, находился въ величайшихъ хлопотахъ, такъ какъ гость прибылъ съ однимъ жандармомъ, а между тѣмъ трое повстанцевъ, пріѣхавшихъ утромъ, объявили помѣщику, что на ночлегъ къ нему прибудетъ отрядъ изъ 200 повстанцевъ. Не думая однакожъ, чтобы соотечественники его были способны къ убійству двухъ людей, въ то время, когда ихъ—вдесятеро болѣе, и не вѣря даже нисколько въ возможность вооруженнаго возстанія, такъ какъ полагалъ, что ожидаемые гости скрываются только передъ рекрутскимъ наборомъ,—помѣщикъ не сказалъ

объ этомъ капитану жандармовъ ни слова. Въ полночь прибыла партія повстанцевъ, и предводитель потребовалъ къ себѣ хозяина.

— Въ вашемъ домѣ находится жандармскій капитанъ съ однимъ солдатомъ.

— Да, они завернули ко мнѣ на ночлегъ.

— Подавайте-ка ихъ немедленно сюда.

— Смѣю ли спросить, что вамъ угодно отъ нихъ? Они уже спятъ.

— Разбудите ихъ сію же секунду;.. проснутся они на очень короткое время, а потомъ уснуть такъ, что ужъ не встанутъ.

— О, что касается до этого, г. довудца, то ужъ извините. Гость въ моемъ домѣ — это неприкосновенная и святая особа.

— Какъ вы смѣете не слушать моихъ приказаній, закричалъ предводитель, — знаете ли вы, что я имѣю право повѣсить васъ вмѣстѣ съ этими собаками на вашихъ собственныхъ воротахъ?

— Право, милостивый государь, сказалъ отважный хозяинъ, вы можете меня убить, но права на это не имѣете никакого.

— Ну, увидимъ. Эй! вѣра! взять его и вытащить сюда жандармовъ.

Никто однако жъ изъ вѣры не двинулся съ мѣста. Между тѣмъ помѣщикъ сталъ въ дверяхъ своего дома. Граждане! сказалъ онъ къ толпѣ, не оскверняйте страницъ въ нашей исторіи. Неужели думаете вы спасти наше дорогое отечество, убивъ одного или двухъ жандармовъ? Равная ли это борьба? Развѣ это по геройски? Будутъ ли это лавры, постоянно украшавшіе чело поляка, и долженствующіе еще украсить ваше оружіе?

„Онъ правъ", послышалось изъ толпы.

— Измѣнникъ! русская душа! воскликнули другіе.

— Неправда, граждане, я не измѣнникъ и не русская душа. Люблю мое отечество, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ тотъ, у кого оружіе въ рукахъ. Еслибъ я защищалъ предъ вами отрядъ русскихъ войскъ, тогда я былъ бы измѣнникъ; но я защищаю моего гостя, слѣдуя нашимъ старопольскимъ обычаямъ, слѣдуя нашему гостепріимству — и клянусь вамъ, что рука ваша достигнетъ моихъ гостей только развѣ чрезъ мой трупъ.

— „Ну такъ стрѣляйте же по немъ!"

Помѣщикъ обнажилъ свою грудь.

— „Вотъ польское сердце, виновное только предъ Богомъ. Пусть

стрѣляетъ тотъ, кто не боится послѣдней минуты своего переселенія въ вѣчность и суда Всевышняго“. Стрѣлять однакожъ никто не думалъ, и между повстанцами, видимо восхищавшимися такимъ геройствомъ, завязался какой то ропотъ и тихій говоръ.

— Пусть и такъ, отвѣчалъ наконецъ довудца. Большинство не хочетъ нарушать вашихъ правилъ гостепріимства. Найдемъ мы вашихъ гостей и внѣ вашего дома. Но вы должны вынести сюда ихъ оружіе.

— Нѣтъ, г. довудца. Я не согласенъ и на это. Какой же военный дозволитъ отнять у себя оружіе, не защищаясь имъ до послѣдней капли крови.

Предводитель, видя, что хозяинъ—упрямъ и что побѣдить его упрямство можно развѣ убійствомъ, оставилъ его въ покоѣ.

Повстанцы отдохнули и на слѣдующій же день выступили въ походъ. Капитанъ слышалъ весь этотъ разговоръ. Когда хозяинъ пришелъ въ его комнату, онъ бросился въ его объятія и горячо благодарилъ. Въ тотъ же день помѣщикъ отвезъ своихъ гостей въ Закрочимъ.

(Изъ разсказа самаго капитана).

Въ Яновѣ, на сѣверѣ отъ города Жарки, въ олькушскомъ уѣздѣ, кочевалъ отрядъ Оксинскаго. 25-го мая, когда время клонилось къ вечеру уже, авангардъ отряда задержалъ вблизи лѣса молодаго человѣка, который, какъ-то безпокойно оглядываясь назадъ, стремился было въ чащу. Призванный къ предводителю молодой человѣкъ показалъ ему записочку, снабженную печатью жонда. Въ запискѣ приказывалось довудцамъ принять подателя въ число повстанцевъ.

— Какъ ваша фамилія? спросилъ Оксинскій.

— Янъ Борута.

— Такой хорошенькій мужчина и такой дьявольскій псевдонимъ.

— Это не псевдонимъ, г. полковникъ, это моя настоящая фамилія.

— Тѣмъ хуже. Не родня ли вамъ покойный Борута изъ Ленчны?.. Впрочемъ, все равно. Откуда вы прибыли?

— Изъ Варшавы я пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Ченстохово, а оттуда къ вамъ—пѣшкомъ.

— Изъ какого вы сословія?

— Я... переплетчикъ.

— Въ чемъ же пригодитесь вы мнѣ, мой молодой гражданинъ. Вы слишкомъ ужъ нѣжны для того, чтобъ быть солдатомъ. Какое вамъ дать оружіе?

— Я бы просилъ васъ, г. полковникъ, дать мнѣ двустволку, потому что ни съ косой, ни съ штуцеромъ я никакъ не справлюсь.

Оксинскій разсмѣялся.

— Ого, мой другъ! вы хотите сразу быть стрѣлкомъ и то старшимъ. У насъ только унтеръ-офицеры пользуются правомъ имѣть двустволки,—вы, варшавяне, сами подшучиваете надъ нами, утверждая, что у насъ нужно быть сперва кулаконеромъ, потомъ палконеромъ, далѣе пиконеромъ, затѣмъ косиньеромъ и наконецъ ужъ стрѣлкомъ... Впрочемъ, я согласенъ, вы будете имѣть двустволку.

Затѣмъ призвалъ молодаго, тоже хорошенькаго повстанца, по имени Александра Цвѣтка и поручилъ ему Борута.

— Вотъ тебѣ новый товарищъ. Обучай его маршировкѣ и стрѣльбѣ.

Борута и Цвѣтокъ взглянули одинъ другому въ глаза и почувствовали сразу взаимную симпатію. Прошло нѣсколько дней, молодые люди горѣли взаимною любовью... да, горѣли любовью горячей, страстной... Величайшею ихъ роскошью было—обниматься и сливать свои губы горячими, сладострастными поцѣлуями. Вездѣ были вмѣстѣ—вмѣстѣ переносили труды и заботы, вмѣстѣ плакали. Отрядъ Оксинскаго, вытѣсненный изъ Янова отрядомъ русскихъ войскъ, соединился съ отрядами Делакруа и Люттика и занялъ сильную позицію на правомъ берегу Пилицы, въ городѣ Конецполѣ. Вскорѣ однакожъ русскія войска заставили повстанцевъ отступить къ Ченстохову. Отсюда отрядъ отправился въ Пронедборже и затѣмъ въ Райскъ. Получивъ извѣстіе о томъ, что генералъ, баронъ Раденъ преслѣдуетъ его по пятамъ, онъ отступилъ назадъ и, переправившись вблизи Скотниковъ на правый берегъ Пилицы, расположился въ Фалишевскихъ лѣсахъ.

Борута и Цвѣтъ были въ авангардѣ и лежали въ густой ржи по лѣвую сторону дороги.

Разговаривая межъ собою въ полголоса о тѣхъ пораженіяхъ, потеряхъ и несчастіяхъ, какимъ подвергается постоянно отрядъ, Борута сказалъ:

— Знаешь ли, мой хорошенькій Цвѣтокъ, еслибы не ты, котораго я такъ горячо люблю, я бросилъ бы уже давно повстанскіе ряды, въ которыхъ напрасно только проливаемъ свою кровь и которые не принесутъ нашему дорогому отечеству никакой пользы.

— Я тоже, отвѣчалъ Цвѣтъ. Давно уже зародилось во мнѣ сомнѣніе на счетъ нашего дѣла. Куда намъ драться съ москалями, не имѣть намъ равныхъ съ ними шансовъ. У нихъ и армія, и артиллерія и конница, и стрѣлки, и превосходное оружіе. А мы что? Движущіяся массы и только! Если бъ я не любилъ тебя такъ страстно, такъ пламенно, давно бъ уже возвратился въ Варшаву.

Молодые люди стали цѣловаться.

Еще прежде они признались одинъ другому, что каждый изъ нихъ прибылъ въ партію, ища своего друга, но другъ Цвѣтка палъ въ битвѣ, другъ же Боруты находился въ другой партіи, именно въ отрядѣ Тачановскаго.

Въ припадкѣ чувствительности, Цвѣтъ сообщилъ по секрету Борутѣ, что онъ женщина и называется Марья Скальская, вдова одного изъ варшавскихъ купцовъ. Борута бросился на землю и сталъ неистово хохотать. Госпожа Скальская обидѣлась и спросила о причинѣ такого неприличнаго обращенія. Борута не скоро пришелъ въ себя, но, опомнившись, наконецъ, отвѣчалъ:

— Какъ же не смѣяться, когда и я женщина... и называюсь Амалія Гурецкая, жена чиновника.

— Такъ?.. и Скальская покатилась тоже со смѣху. Можно ли удивляться этой горячей любви, которая такъ быстро и сразу охладѣла? Конечно, нѣтъ, потому что каждая изъ женщинъ была увѣрена въ томъ, что передъ ней находился мужчина и къ тому же хорошенькій.

Пушечный выстрѣлъ положилъ конецъ веселости. Вскорѣ послѣ этого, отрядъ Оксинскаго былъ разсѣянъ. Повстанцы перешли въ Галицію, а съ ними и госпожа Скальская. Госпожа Гурецкая—въ Варшавѣ. Это ея собственный разсказъ. Настоящая, впрочемъ, фамилія ея не Гурецкая, а... не скажу.

Спустя два мѣсяца, полкъ, въ которомъ служилъ Рукшта, перемѣнилъ квартиры. Рукшта писалъ неоднократно къ отцу невѣсты, но никогда не получалъ отвѣта. Любовь его однакожъ не погасала.

Наступилъ 1863 годъ. Вспыхнуло вооруженное возстаніе, даже сверхъ ожиданія центральнаго комитета. Полкъ Рукшты возвратился на прежнія квартиры и занялъ, по плану, этотъ важный стратегическій пунктъ. Первымъ дѣломъ Рукшты было навѣдаться къ Дѣсницкимъ. Прежде всего поразили его какая-то безжизненность и мертвое молчаніе, господствовавшія во дворѣ и вообще повсюду. Сараи, скотные дворы, погреба,—все это было пусто, все походило какъ бы на развалины. Видно было, что тутъ хозяйничала какая-то беспощадная рука. Прислуги было уже очень немного, да и тѣ, которые остались, не препятствовали войдти Рукштѣ, какъ то было прежде, послѣ ссоры Эвелины съ ея женихомъ. Стариковъ Дѣсницкихъ Рукшта нашелъ больными и грустными. Они обрадовались его прибытію. Поочередно прижимали его голову къ груди и обнимали его со слезами. Рукшта не смѣлъ спросить ни о дочери, ни о сынѣ — потому что былъ увѣренъ, что послѣдній находится въ возстаніи, а первая скрывается гдѣ нибудь у родныхъ или въ монастырѣ.

Это было въ ноябрѣ. Рукштѣ отвели комнату пана Александра. Эскадронъ, которымъ онъ начальствовалъ, — такъ какъ былъ уже уже ротмистромъ — расположился въ конюшняхъ, сараяхъ и погребахъ. Ротмистръ призвалъ къ себѣ стараго лакея Михаила, который любилъ его, видя въ немъ своего будущаго барина. На вопросъ, что тутъ дѣлается, Михаилъ отвѣтилъ:

—„Ой, худо здѣсь, паночекъ! Раззорили нашего барина пазуранты (такъ называетъ простонародье партизановъ). Не осталось ни лошади, ни коровы, ни овцы. Курицы даже не оставили. А сколько денегъ закрали, то господамъ хватило бъ и на сто лѣтъ еще. Самъ молодой баринъ, бывая здѣсь со своей партіей, вывозилъ отсюда возами хлѣбъ, овесъ, водку, сѣно и разные припасы.

— Баринъ пошелъ туда самъ или взяли его?

— И кто бы могъ взять барина, если бы самъ не захотѣлъ. Вотъ, самъ пошелъ, да и баста. Самъ сформировалъ себѣ отрядъ и съ пистолетомъ въ рукѣ принудилъ всѣхъ пойдти въ пазуранты [1]). Дерется уже, кажется, десятый мѣсяцъ.

— Гдѣ же панна Эвелина? осмѣлился, наконецъ, спросить ротмистръ.

Старикъ махнулъ рукой.

[1]) Пазуръ значитъ коготь.

— Пусть уже баринъ — такъ мужчина; но барышня — вѣдь это женщина.

— А что же... такое?

— О, вмѣстѣ съ бариномъ гарцуетъ на лошади.

— На лошади!!

— Ну, да. Вы выучили ихъ ѣздить верхомъ на ихъ погибель. Барышня такъ ловко гарцуетъ на лошади, какъ будто была наѣздницею изъ цирка Ренца, въ Варшавѣ.

— Такъ она дерется въ рядахъ повстанцевъ?

— Конечно, дерется „и говорятъ, что храбра, какъ левъ".

— Какъ же это случилось? Отчего же старики отпустили ее?

— Отчего отпустили? Мать убѣждала ее на колѣнахъ не идти въ партію. Самъ же баринъ больной горько плакалъ—такъ ничего не помогло. „Отечество меня призываетъ", да и баста. Одѣлась въ мужеское платье и бѣжала ночью вмѣстѣ съ братомъ.

— Далеко ль они отсюда?

— О, должно быть, очень далеко, въ августовскомъ, я думаю, или въ плоцкомъ, два мѣсяца уже какъ ничего о нихъ не слышно, можетъ быть и погибли.

Не стану описывать состоянія души молодаго ротмистра.

Нѣсколько дней спустя, получилъ онъ приказаніе принять подъ свое начальство роту стрѣлковъ, стараться всѣми силами оттѣснить повстанцевъ отъ Буга, чрезъ который они намѣревались переправиться и удерживать ихъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ подкрѣпленія для рѣшительнаго сраженія съ повстанцами.

Пунктъ переправы чрезъ Бугъ былъ назначенъ въ шести верстахъ отъ имѣнія Дѣницкихъ.

Въ тотъ же день, Рукшта, распрощавшись съ стариками, поспѣшилъ съ пѣхотою и своимъ эскадрономъ на указанное мѣсто.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ изъ лѣсу вышелъ патруль изъ пяти польскихъ улановъ, но, завидѣвъ русскій пикетъ, далъ по немъ залпъ и исчезъ въ чащѣ. Рукшта приготовился къ бою. Отрядъ повстанцевъ вышелъ изъ лѣса въ боевомъ порядкѣ: три колоны пѣхоты, въ 300 человѣкъ каждая, имѣя на лѣвомъ крылѣ около 60 великолѣпно обмундированныхъ улановъ на превосходныхъ лошадяхъ, на лѣвомъ до 200 косиньеровъ и въ авангардѣ цѣпь стрѣлковъ, под-

вигались въ величайшемъ порядкѣ. Рукшта, разставивъ тоже цѣпь стрѣлковъ и скрывъ пѣхоту въ сосѣдней деревнѣ, выжидалъ начала битвы. Поляки дали знать первые. Сначала битва подвигалась медленно, потому что противники не знали о своихъ силахъ, Рукштѣ приказано было только защищаться, чтобы не дозволить инсургентамъ переправиться чрезъ Бугъ. Должно быть, послѣдніе поняли это и довудца велѣлъ косиньерамъ броситься на правое крыло русскаго отряда. Косиньеры, съ крикомъ „Іисусъ, Марія!“, бросились на непріятеля, но взводъ стрѣлковъ, встрѣтивъ ихъ смертельнымъ залпомъ и положивъ на мѣстѣ до 20, бросился съ крикомъ „ура“ на нападающихъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Польскіе уланы тоже три раза бросались на русскихъ улановъ, но каждый разъ послѣдніе оставались побѣдителями. Кто начальствовалъ надъ польскими уланами—узнать было трудно; но передъ фронтомъ послѣднихъ, не обращая вниманія на градъ пуль, гарцовалъ на прекрасномъ бѣломъ конѣ какой-то повстанецъ въ бѣлой шляпѣ съ длиннымъ, чернымъ перомъ и въ чамаркѣ. Рукшта нѣсколько разъ приказывалъ стрѣлкамъ свалить этого храбреца съ лошади. Наконецъ унтеръ-офицеръ взялся исполнить это: выстрѣлилъ, но съ отважной головы слетѣла только шляпа и повстанецъ, какъ видно было изъ принятой имъ позы, насмѣхался надъ стрѣлкомъ, махая шляпой, которую ему тотчасъ же подали. Другой унтеръ-офицеръ, какъ казалось, попалъ, потому что всадникъ повалился на землю вмѣстѣ съ лошадью. Но нѣсколько минутъ спустя, всадникъ появился опять на другой лошади и, повидимому, разразился проклятіями за убійство его любимой лошади.

„Дай мнѣ свой штуцеръ, сказалъ ротмистръ къ первому унтеръ-офицеру, авось я буду посчастливѣе тебя. Вѣдь не даромъ же получилъ первую награду въ офицерской стрѣлковой школѣ въ Петербургѣ. Рукшта выстрѣлилъ: лошадь побѣжала одна; всадника на ней не было.

Между тѣмъ предводитель повстанцевъ предпринялъ общую аттаку на русское войско. Рукшта стянулъ отрядъ въ хижины и долго еще защищался изъ оконъ и дверей. Тѣмъ изъ стрѣлковъ, которые стрѣляли хуже, онъ велѣлъ только заряжать оружіе и подавать себѣ и лучшимъ стрѣлкамъ. Такимъ образомъ огонь ихъ поражалъ смертельно всѣхъ, кто только приближался къ нимъ.

Уже значительное число убитыхъ повстанцевъ окружало деревню, но не смотря на то, войско было въ затруднительномъ положеніи. Солдаты были измучены битвой, продолжавшейся болѣе шести часовъ: 18 изъ нихъ были тяжело ранены, патроновъ оставалось мало, а аттака со стороны повстанцевъ становилась часъ-отъ часу грознѣе.

Вдругъ — послышались пушечные выстрѣлы: граната пролетѣла въ глубину лѣса, ламая деревья, и наконецъ лопнула съ страшнымъ оглушительнымъ трескомъ. Повстанцы отступили отъ деревни и стали въ боевой порядокъ въ лѣсу. Рукшта соединился съ прибывшимъ отрядомъ. Битва продолжалась не долго—судьба ея рѣшилась тотчасъ же... Поселяне знаютъ, сколько повстанцевъ похоронили они тогда. Прибывшій съ новымъ отрядомъ свѣжій эскадронъ уланъ аттаковалъ польскихъ улановъ и 29 изъ нихъ взялъ въ плѣнъ.

Рукшта подъѣхалъ къ плѣннымъ.

— Кто вашъ предводитель? спросилъ онъ.

— Панъ Лѣсницкій, отвѣчали ему.

— Панъ Лѣсницкій?..-Ради Бога... Гдѣ жъ онъ?

Лѣсницкій въ мундирѣ полковника улановъ стоялъ сзади, закрывъ лицо обѣими руками.

— Я здѣсь, отвѣчалъ онъ, со слезами на глазахъ.

Рукшта задрожалъ и подъѣхалъ къ несчастному.

— Александръ! Тебя ль это я вижу? Я полагалъ, что ты въ плоцкомъ или въ августовскомъ.

— Не удивляйся этимъ слезамъ — сказалъ юноша послѣ долгаго молчанія. Не себя я жалѣю — напротивъ — я искалъ смерти, но не нашелъ ее. Знаю, что ожидаетъ меня: бѣлая рубашка и 12 пуль. Я жалѣю о моемъ несчастномъ отечествѣ. Плачу надо всѣми этими трупами, которые лежатъ вокругъ меня, надъ невинною кровью, которую мы пролили безъ всякой нужды, погубивъ напрасно прекраснѣйшіе цвѣты страны; плачу наконецъ надъ моей молодой сестрой, которая умираетъ, а можетъ быть и умерла уже тамъ, въ кустахъ.

— Сестра... о Боже!

— Отвези ее тотчасъ же къ родителямъ. Ради Бога, забудь обиды, какъ христіанинъ. Можетъ быть, она жива еще. Потомъ выпроси, вымоли у моихъ родителей послѣднее благословеніе для меня и при-

вела. Только поспеши, ради Бога, и возвращайся передъ приговоромъ.. Эвелина лежитъ тамъ, подъ этимъ высокимъ дубомъ.

Рукшта пришпорилъ лошадь и поспѣшилъ къ указанному мѣсту.

Взглянувъ на Эвелину, онъ ужаснулся: это былъ тотъ самый повстанецъ, котораго онъ собственноручно свалилъ съ лошади. Въ головѣ его закружилось, ноги подкосились и онъ упалъ предъ своей жертвой на колѣни. Хотѣлъ что то сказать, но не могъ.

Эвелина лежала на травѣ, облитая кровью.

— Не дотрогивайся до меня, проговорила она слабымъ голосомъ. Не увеличивай моихъ мученій... позволь хоть спокойно умереть.

— Эвелина! Эвелина! Тебя ли нахожу я въ этомъ ужасномъ положеніи?.. О, моя дорогая Эвелина!

— Доверши мою смерть, если ты сострадателенъ....

— Эвелина!... О нѣтъ, ты не умрешь! Я тотчасъ же отвезу тебя къ родителямъ... Они вольютъ въ тебя жизнь. Мы будемъ вмѣстѣ молить Бога о томъ, чтобъ Онъ продлилъ еще дни твои...

Рукшта хотѣлъ плакать, но не могъ, сердце его болѣзненно сжималось, чаша его горести переполнилась. Въ первую минуту, онъ хотѣлъ было пустить себѣ пулю въ лобъ, но ужасное положеніе Эвелины, нуждающейся въ немедленной помощи, удержало его отъ самоубійства. Спустя полчаса, больную уложили въ лодку, на мягкомъ сѣнѣ, и отослали домой. Во время переноски, она охотнѣе соглашалась, чтобъ ее взяли на руки солдаты, чѣмъ Рукшта, которому не дозволяла даже подойдти къ себѣ на близкое разстояніе.

Полковникъ, начальствующій отрядомъ, забралъ плѣнныхъ и раненныхъ въ уѣздный городъ. Между тѣмъ ротмистръ послалъ курьера на лошади къ лекарю, самъ же поскакалъ домой, чтобы предупредить обо всемъ родителей.

— Отецъ мой! Мать моя! воскликнулъ онъ въ величайшемъ отчаяніи, бросаясь къ ногамъ стариковъ. Принимайте гостя. Я привезъ вамъ вашу храбрую дочь...

— Что? Какъ?... Развѣ ужъ не жива?

— Жива еще, но тяжело ранена... Проклинайте меня: не узнавъ ее, я выстрѣлилъ въ нее собственноручно. Страшный, раздирающій вопль вырвался изъ груди матери, и она упала безъ чувствъ на землю. Отецъ сталъ въ отчаяніи ломать руки и плакать. Вскорѣ при-

несли и Эвелину.. Плачь и всхлипываніе служанки, принявшей изъ рукъ солдатъ свою барышню, были ужасны. Едва уложили Эвелину въ постель, какъ къ послѣдней прибѣжала мать съ волосами въ безпорядкѣ, съ дикоблуждающими взорами и, бросившись къ больной, стала немилосердно рвать на себѣ волосы.

— Моя дочь, моя дочь! завопила она, наконецъ, отчаяннымъ, раздирающимъ душу плачемъ, что я тебѣ сдѣлала, что ты такъ ужасно наказываешь меня? О, моя дорогая Эвелина! Мало ль я любила тебя, мало ли лелѣяла?... О, Эвелина, Эвелина! Моя добрая, моя несчастная Эвелина!...

Отецъ пришелъ тоже, но, закрывъ лице руками, онъ только горестно стоналъ. Всѣ присутствующіе горько плакали.

— О, родители! проговорила, наконецъ, больная, простите меня.. не мучьте меня вашими слезами... позвольте мнѣ спокойно умереть..

Слуги почти на рукахъ вынесли родителей, женщины раздѣли Эвелину, обмыли ея раны и одѣли въ чистое бѣлье. Между тѣмъ подоспѣлъ со св. дарами сосѣдній священникъ. Затѣмъ пріѣхалъ и лекарь, который осмотрѣлъ и перевязалъ раны больной.

— Какъ же? спросилъ выходившаго отъ больной лекаря Рукштъ, блѣдный, дрожащій, находящійся между жизнью и смертію.

Докторъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ хладнокровно:

— За часъ—не ручаюсь: всѣ условія жизни исчезаютъ:—пуля ударила въ правый бокъ и вышла, раздробивъ кость. Спѣшу въ уѣздный городъ: тамъ кажется есть много нашихъ раненыхъ. Паннѣ Эвелинѣ нуженъ священникъ, а не я.

Рукшта пошелъ къ матери.

— Вооружитесь вѣрой и мужествомъ, сказалъ онъ ей. Приготовьтесь на все, потому что приговоры Неба неизвѣстны... Объ одномъ умоляю васъ: пусть дочь ваша проститъ меня, иначе... пущу себѣ пулю въ лобъ.

Отецъ и мать, успокоившись немного, отправились къ больной дочери.

Эвелина встрѣтила ихъ со слезами.

— Дорогіе родители! Простите меня во всемъ... Вскорѣ предстану предъ судомъ Всевышняго.

— О, Эвелина! отвѣчалъ отецъ, прощаемъ тебя отъ всей души,

если Творцу угодно будетъ разлучить насъ. Ты исполнила на землѣ все, что тебѣ приказывала совѣсть. Но не уноси съ собой ненависти ни къ кому...

— Понимаю... О, нѣтъ! Пусть онъ не прикасается къ моему гробу.

— Эвелина, вмѣшалась мать, заливаясь слезами: знаешь ли что ты будешь умышленной причиной его смерти, тогда какъ онъ былъ только невиннымъ орудіемъ твоей кончины. Захочешь ли ты кровь его унести предъ престолъ Всевышняго?... Если Творецъ велѣлъ тебѣ погибнуть отъ руки того, который всегда такъ нѣжно любилъ тебя, то Онъ не дозволяетъ тебѣ быть его убійцей.

Эвелина стала слушать внимательнѣе.

— О, Боже! Такъ это онъ самъ убилъ меня.

— Увы, моя дорогая, это такъ, отвѣчалъ отецъ, но онъ не зналъ при этомъ, что стрѣляетъ въ тебя. Если ты не простишь ему, онъ застрѣлится на твоей могилѣ.

Эвелина стала кидаться въ постели и ужасно стонать.

— Мнѣ нуженъ воздухъ, воздухъ!... Мнѣ трудно дышать... Положите меня къ окошку.

Кровать перенесли къ отворенному окну. Послѣдніе лучи заходящаго солнца упали на больную. Она немного успокоилась.

Священникъ повторилъ съ своей стороны просьбу родителей относительно Рукшты и прибавилъ.

— Хочешь ли кровью его обрызгать бѣлое одѣяніе твоей души? Предстань лучше предъ судъ Всевышняго чистою, какъ лилія, въ рукѣ ангела.

Эвелина задумалась.

— Пусть придетъ, сказала она наконецъ.

Рукшта вошелъ; съ неописаннымъ отчаяніемъ бросился онъ на колѣни предъ умирающей, взялъ ея руку, прижалъ къ губамъ и облилъ горячими слезами.

— Плакалъ онъ такими раздирающими сердце слезами, что невозможно было слушать хладнокровно и чѣмъ болѣе стоналъ онъ и всхлипывалъ, тѣмъ болѣе слезъ собиралось въ сердцѣ.

О, не приведи васъ Богъ, читатели, дожить когда нибудь до подобныхъ слезъ!

Постепенно слезы исчезли и осталось какое то страшное состо-

яніе сердца, для котораго на языкѣ человѣка нѣтъ названія. Эвелина не отнимала своей руки и испускала тяжелые вздохи. Изъ глазъ ея текли слезы.

— Я прощаю тебѣ... Прости и меня, живи и молись за мою душу, за душу моего брата... Ты не спасешь его уже... Вскорѣ увидится онъ со мной... Молись.... твою молитву выслушаетъ Богъ, потому что она будетъ горячая и искренняя...

Больная умолкла, но нѣсколько минутъ спустя прибавила:

—„Я любила тебя всегда... Люблю и теперь... Но въ сердцѣ первое мѣсто принадлежало отечеству".

Волненіе и продолжительный разговоръ причинили то, что кровь вновь полилась изъ горла.

—„Я слабѣю!... Прощайте... дорогіе родители... и ты мой дорогой.."

Посмотрѣла она на всѣхъ, ужасно перевернула глаза и потомъ закрыла ихъ... Раздирающіе вопли родителей разбудили ее. Посмотрѣла она еще разъ на всѣхъ и опять закрыла глаза.

Священникъ вставилъ въ руки ея свѣчу...

—„Господи! Пріими христіанскую душу!..." — Ангелъ смерти распространилъ свои крылья... Еще два-три вздоха и все затихло... Чистая душа улетѣла въ небо.

Священникъ отеръ слезы родителей и возлюбленнаго, лишившихся чувствъ, и ихъ вынесли изъ комнаты умершей.

Въ домѣ Лѣсницкихъ видны движеніе и замѣшательство: родители приготовляютъ послѣднее торжество для единственной своей дочери. Вынимаютъ лучшія ея платья; одѣваютъ молодую по свадебному; зажигаютъ огромное число свѣчь, курятъ дорогими ароматическими зельями, украшаютъ цвѣтами и миртой возвышеніе, на которомъ будетъ покоиться умершая.

О, не приведи васъ Богъ, родители, приготовлять когда нибудь что либо подобное для вашихъ дѣтей!!!

Въ 10 часовъ ночи, Эвелина лежала на столѣ; голову ея украшалъ дубовый вѣнокъ; ее одѣли въ любимое ея платье: бѣлое съ черными плерезами, какое надѣвала она всегда во время манифестацій, неся собственноручно сшитую хоругвь съ соединенными гербами Польши и Литвы, на одной сторонѣ, и Пресвятою Богородицей на другой.

Больные родители два дня почти не отходили отъ труда своей дочери. Ихъ приносили въ креслахъ. Мать держала постоянно больную за руку и осыпала ее поцѣлуями; смотрѣла сухими, горячими взорами на лице покойницы, желая это мученическое выраженіе сохранить вѣчно въ своей памяти и, какъ будто не вѣря, что ея Эвелина переселилась уже въ вѣчность.

На третій день назначены были похороны. Изъ окрестностей прибыло много помѣщиковъ и поселянъ.

—„Ну, жена, будь мужественна: сегодня для тебя великій день!" сказалъ своей супругѣ Лѣсницкій; но самъ потерялъ всякое мужество, упалъ на трупъ дочери и началъ сильно всхлипывать.

—„Дочь моя, дочь моя дорогая—стоналъ онъ грустно.—Это ли твой свадебный пиръ? Это ли твои свадебныя свѣчи? Это ли твое брачное ложе? Не ты ли должна бы закрыть мнѣ глаза и посыпать меня землею?... Прощаюсь съ тобой, душа моя, моя ненаглядная, прощаюсь на вѣки!.... Чѣмъ же виноваты мы передъ тобой, что ты оставила насъ на этомъ свѣтѣ?.. Вѣдь ты была для насъ здѣсь всѣмъ.. Для тебя мы готовы были наклонить небо... Прощай, моя милая дочь, на вѣки!„

Упавшаго въ обморокъ старца унесли въ его комнату. Похороны были величественны. Покойница, положенная въ черный лакированный гробъ, наколоченный мелкими серебрянными гвоздиками, какой ввели въ моду въ царствѣ съ февральскихъ событій 1861 года. Гробъ украшенъ былъ дубовыми вѣнками.

Отецъ принужденъ былъ остаться дома. Мать вели подъ руки Рукшта и прибывшая племянница госпожи Лѣсницкой—панна Леокадія. Гробъ опускали уже въ могилу.

—„Постойте, закричала въ отчаяніи мать, дайте мнѣ въ послѣдній разъ посмотрѣть на нее".

Гробъ открыли. Лѣсницкая упала на колѣни и стала цѣловать покойницу и обливать ее слезами.

—„Бросаешь меня, моя милочка, моя бѣлая голубка, бросаешь навсегда!... О, Боже мой!... Чѣмъ заслужила я такую немилость?... Развѣ я тебя не лелѣяла, развѣ не любила я тебя пуще жизни?... Развѣ ты не была моимъ единственнымъ счастіемъ на землѣ?.. Кто же прижметъ теперь мою сѣдую голову къ сердцу? Кто скажетъ мнѣ

доброе утро, кто скажетъ покойной ночи?... Кого станетъ благословлять моя рука?...“—Хотѣли было увести мать отъ гроба.

—„Не разлучайте меня съ нею!.. кричала она, держась обѣими руками за тѣло дочери; дайте мнѣ насмотрѣться на нее еще... послѣдній разъ... навсегда... Вѣдь это мое дитя!.. Мое дитя!... понимаете ли вы, что это мое дитя!!!... О! я несчастная!.. Я не пущу ее въ могилу: тамъ будетъ ей холодно... Кто жъ окутаетъ ее тамъ, кто согрѣетъ безъ меня? Вѣдь она будетъ звать меня, а я не услышу!“

Несчастную оторвали отъ трупа насильно. Гробъ заколотили и опустили въ могилу.

—„До свиданія, до свиданія, моя дорогая, моя единственная. Покойной ночи, мой ангелъ, покойной ночи, моя душечка, моя Эвелина! кричала раздирающимъ душу голосомъ мать до тѣхъ поръ, пока могилу не задѣлали.

Вопли матери раздирали сердце Рукшты: онъ горько плакалъ, не стыдясь присутствующихъ; плакалъ долго и потомъ даже, когда всѣ уже разошлись и могила Эвелины покрылась свѣжимъ дерномъ. И не онъ одинъ проливалъ слезы горести... Всѣ присутствующіе почтили смерть дѣвицы горячею слезою сочувствія. Наконецъ, Рукшта выплакалъ и эти слезы; но долго еще спазматическое ужасное состояніе сердца потрясало грудь его глухими воплями и тяжелыми вздохами. Рукшта припомнилъ себѣ, что имѣетъ еще обязанность относительно брата покойницы, готовящагося также къ смерти. Онъ пошелъ къ родителямъ.

Не стану растрогивать васъ, любезные читатели, описаніемъ сцены, въ которой они дали послѣднее благословеніе своему сыну. Лѣсницкіе столько прожили, столько протерпѣли, что, съ величайшею рѣшимостью и покорностію предъ неумолимымъ приговоромъ Промысла, дали требуемое благословеніе и просили только, чтобъ Александръ былъ мужественъ до послѣдней минуты...

Надежда не оставляла ихъ однакожъ... Рукшта прибылъ въ уѣздный городъ и тотчасъ же отправился въ тюрьму.

— Александръ! будь мужественъ—это послѣднія слова твоихъ родителей. Приношу тебѣ ихъ благословеніе... Эвелина молится за тебя въ небѣ...

Александръ задрожалъ; потомъ перекрестился и горько заплакалъ.

— Эвелина, прости меня! это я погубилъ тебя! Вскорѣ я получу за это справедливое наказаніе.

Всѣ старанія Рукшты о спасеніи Александра были тщетны: строгіе военные законы были неумолимы. Александръ Лѣсницкій, за государственную измѣну и за начальствованіе однимъ изъ повстанскихъ отрядовъ, былъ приговоренъ къ смертной казни, чрезъ растрѣляніе.

Рукшта, прощаясь съ нимъ, обнялъ его и сказалъ:

— Только умри мужественно, Александръ! Эвелина смотритъ на тебя съ неба!

И Александръ умеръ мужественно...

Спустя двѣ недѣли, рядомъ съ могилой Эвелины, похоронили и старика Лѣсницкаго.

Старушка не перенесла стольскихъ ударовъ. Все свое супружеское счастіе—мужа, сына, дочь—видѣла какъ бы во снѣ. Послѣ похоронъ мужа, на нее напала тихая меланхолія: ходитъ весь день изъ комнаты въ комнату и спрашиваетъ:

— Эвелины тутъ нѣтъ?.. Что, Александръ еще не возвратился?.. Не нужно ли что либо мужу?

Панна Леокадія переѣхала къ теткѣ и взяла ее подъ свою опеку.

— О, измѣнники! о убійцы собственной родной земли! воскликнулъ Рукшта, прижимая къ сердцу, при прощаніи, г-жу Лѣсницкую, смотрите сами на это страшное зрѣлище разрушенія, на это ужасное дѣло рукъ вашихъ! Неужели нѣтъ въ небѣ ударовъ молніи, которые поразили бы васъ, преступники! Неужели Богъ и люди не накажутъ васъ; неужели и позднѣйшее потомство не броситъ на васъ проклятій за столько слезъ, столько крови, столько несчастій, которымъ вы подвергнули ваше отечество напрасно??.

(Изъ записокъ Рукшты).

Празднованіе въ Вильнѣ окончанія войны съ Кавказомъ.

Въ минувшее воскресенье, 12-го іюля, въ г. Вильнѣ и въ лагерѣ близъ города, праздуемо было благополучное окончаніе кавказской войны [1]).

Въ Вильнѣ, по этому случаю, въ лагерѣ, на Закретскихъ поляхъ, былъ общій церковный парадъ отъ всѣхъ частей войскъ, въ Вильнѣ расположенныхъ, въ присутствіи его высокопревосходительства, г. главнаго начальника края,—командующаго войсками виленскаго военнаго округа, всѣхъ гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и при стеченіи публики всѣхъ сословій. Г. командующій войсками, обойдя всѣ ряды войскъ, благодарилъ ихъ за примѣрно отличную службу, и въ особенности за послѣдній Высочайшій смотръ, которымъ Его Императорское Величество изволилъ остаться весьма доволенъ. На эти слова войска отвѣтствовали радостными и громогласными «ура!»—Когда его высокопревосходительство проходилъ возлѣ пермскаго своего имени полка, нельзя было не замѣтить особенной радости, выразительно сіявшей на лицахъ всѣхъ нижнихъ чиновъ этого полка. По совершеніи благодарственнаго молебствія, при возглашеніи многолѣтія Государю Императору и всей Августѣйшей фамиліи, а также Россійскому побѣдоносному воинству и вѣчныя памяти павшимъ на полѣ брани, сдѣланъ былъ 101 пушечный выстрѣлъ. При этомъ случаѣ, священникомъ пермскаго пѣхотнаго генерала отъ инфантеріи Муравьева 2 полка, Алексіемъ Политанскимъ, произнесено было приличное торжественности празднества слово. Объяснивъ значеніе покоренія Кавказа и воздвиженія русскаго знамени въ мѣстахъ, гдѣ до сихъ поръ гнѣздились враги христіанства и Россіи, проповѣдникъ перешелъ къ совершившемуся на нашихъ глазахъ многознаменательному умиротворенію здѣшняго края и воззвалъ всѣхъ воиновъ къ возблагодаренію Господа за успѣхи русскаго оружія, и теплой сердечной молитвѣ за здравіе и благоденствіе Государя Императора и всей Августѣйшей фамиліи.

---

[1]) Тоже самое празднество происходило въ Ковнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ и въ Сувалкахъ и Ломжѣ августовской губерніи.

Затѣмъ въ церкви св. Духова монастыря совершены были преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, божественная литургія и послѣ оной благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, всему Августѣйшему дому и Россійскому побѣдоносному воинству и вѣчныя памяти павшимъ на полѣ брани, въ присутствіи г. главнаго начальника края, начальника губерніи, всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянства, купечества и при многочисленномъ стеченіи народа.

Послѣ молебствія, всѣ гг. генералы, штабъ и оберъ-офицеры, а также многіе гражданскіе чины приносили поздравленіе его высокопревосходительству во дворцѣ; причемъ представлялись всѣ штабъ и оберъ-офицеры пермскаго его имени полка, въ мундирѣ коего былъ г. главный начальникъ края

Ввечеру почти все населеніе города наполнило ботаническій садъ, бульвары и площадь у подошвы Замковой горы. Три хора военной музыки играли весь вечеръ. Въ 10 часу сожженъ былъ на Замковой горѣ великолѣпный фейерверкъ, приготовленный къ пріѣзду Государя Императора, но не сожженный, по случаю ненастной погоды. На древней башнѣ Замковой горы горѣло вензелевое изображеніе имени Государя, башня же и вся гора были прекрасно освѣщены нѣсколькими тысячами разноцвѣтныхъ фонариковъ. Картина была по-истинѣ волшебная. Нельзя было выбрать лучше мѣста для освѣщенія и фейерверка. Оно представляло возможность любоваться ими не только всѣмъ жителямъ внутри города—съ обширной площади, сада и бульваровъ; но и болѣе отдаленныхъ мѣстностей, съ окрестныхъ холмовъ; ибо Замковая гора со всѣхъ сторонъ видна какъ на ладони.

Когда зажгли вензелевое изображеніе имени Государя—раздались звуки народнаго гимна «Боже, Царя храни!» и громогласное ура! потрясло воздухъ.

Фейерверкъ и восо6енности освѣщеніе вполнѣ удались, за исключеніемъ нѣсколькихъ штукъ, испорченныхъ дождемъ. Нельзя не отдать должной похвалы искусству и прекрасному вкусу гг. офицеровъ, руководствовавшихъ устройствомъ фейерверка.

— 15 іюля, у г. главнаго начальника края, по случаю Всемилостивѣйшаго назначенія его высокопревосходительства шефомъ пермскаго пѣхотнаго полка, былъ обѣдъ въ честь пермскаго полка, къ коему были приглашены, кромѣ многихъ

лицъ, всѣ гг. штабъ и оберъ-офицеры, а равно и всѣ вообще нижніе чины сказаннаго полка. На внутренней дворцовой площади устроены были столы, прекрасно убранные среди галлерей, украшенныхъ зеленью, цвѣтами, деревьями, флагами; посрединѣ устроена была особая бесѣдка изъ зелени и деревьевъ для музыки.

Г. главный начальникъ края, окруженный своимъ штабомъ и всѣми тутъ бывшими гг. генералами, штабъ и оберъ-офицерами, выйдя изъ дворца, подошелъ къ нижнимъ чинамъ и провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора. Громкое и продолжительное ура было отвѣтомъ на этотъ радостный тостъ. За тѣмъ его высокопревосходительство провозгласилъ тостъ за здоровье пермскаго полка. Вслѣдъ за симъ г. начальникъ 26 дивизіи, генералъ-маіоръ Ковалевскій, провозгласилъ тостъ за здоровье г. главнаго начальника края. Неумолкавшее ура долго потрясало воздухъ. Потомъ его высокопревосходительство обходилъ столы, пробовалъ кушанье солдатъ, разговаривалъ со многими изъ нихъ, и когда была пропѣта нижними чинами молитва, пригласилъ своихъ гостей къ столу, удалился со всѣми гг. генералами, штабъ и оберъ офицерами во дворецъ, гдѣ въ большой залѣ верхняго этажа приготовленъ былъ обѣдъ, во время котораго, по возглашеніи г. главнымъ начальникомъ края вновь тоста за здравіе Государя Императора, раздались звуки гимна «Боже, Царя храни»—и громогласное ура!—которое дружно подхватили обѣдавшіе нижніе чины—долго неумолкало.

Послѣ этого г главный начальникъ края провозгласилъ тостъ за здоровье храбраго, побѣдоноснаго русскаго воинства, подавившаго въ здѣшнемъ краѣ крамолу и мятежъ. Въ отвѣтъ на этотъ тостъ, помощникъ командующаго войсками предложилъ тостъ за умиротворителя края. Засимъ, г. главный начальникъ края, выйдя со всѣми окружающими на балконъ, провозгласилъ вновь тостъ за здоровье пермскаго пѣхотнаго полка, на что командиръ и офицеры полка отвѣтствовали провозглашеніемъ тоста за здоровье шефа. Разумѣется, что всѣ эти тосты, какъ и всѣ прочіе, сопровождались продолжительными и радостными ура!

Въ 6 ч. вечера г. главный начальникъ края со многими гг. генералами и штабъ-офицерами посѣтилъ лагерное расположеніе, на Закретскихъ поляхъ, пермскаго своего имени и устюж-

скаго пѣхотныхъ полковъ, гдѣ его высокопревосходительство былъ угощаемъ гг. офицерами пермскаго полка.

(Вил. Губ. Вѣд. № 29).

Новыя благотворенія церкви православной г. начальника западнаго края Россіи, М. Н. Муравьева.

Г. главный начальникъ края, сознавая необходимость улучшенія быта православнаго духовенства въ западныхъ губерніяхъ, еще въ декабрѣ мѣсяцѣ мин. года, входилъ по сему предмету въ сношенія съ г. оберъ-прокуроромъ святѣйшаго сѵнода; въ бытность же свою въ маѣ мѣсяцѣ сего года въ С.-Петербургѣ, онъ имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представлять Его Императорскому Величеству, въ числѣ многихъ предположеній по устройству Высочайше ввѣреннаго ему края, и о совершенной необходимости безотлагательнаго обезпеченія православнаго въ ономъ духовенства, а также о постройкѣ въ здѣшнемъ краѣ новыхъ церквей и о возобновленіи старыхъ, которыя нынѣ представляютъ самое печальное зрѣлище. Его Величество, удостоивъ Всемилостивѣйшимъ вниманіемъ сіе ходатайство, Высочайше повелѣть соизволилъ передать оное на разсмотрѣніе, въ присутствіи его высокопревосходительства, въ западный комитетъ.

Засимъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ г. главнаго начальника края, что, по положенію сего комитета, удостоенному Высочайшаго утвержденія, предоставляется г. главному начальнику, сверхъ суммы, ассигнованной по государственной росписи для возвышенія окладовъ содержанія для православнаго духовенства въ сѣверо западномъ краѣ, употребить на сей предметъ до 400 т. руб. сер., на 4 епархіи изъ остатковъ 5% сбора съ доходовъ имѣній помѣщиковъ польскаго происхожденія.

Его высокопревосходительство, сдѣлавъ соотвѣтственное распоряженіе объ ассигновеніи причитающихся на текущее полугодіе сего года 200 т. руб. сер., увѣдомилъ о томъ высокопреосвященнаго митрополита и архіереевъ прочихъ 3 епархій.

Высокопреосвященный Іосифъ, митрополитъ литовскій и виленскій, поставивъ въ извѣстность подвѣдомственное ему ду-

ховенство о сей Высочайшей милости, оказываемой Августѣйшимъ Монархомъ, въ тоже время предложилъ литовской консисторіи внушить всему бѣлому духовенству, въ первый воскресный или праздничный день принести Господу Богу благодарственное молебствіе о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго дома, за новое благодѣяніе, оказанное тому духовенству. При чемъ высокопреосвященный Іосифъ, въ предложеніи своемъ консисторіи, между прочимъ выразилъ: «Надѣюсь, что духовенство литовской епархіи въ сердечныхъ молитвахъ своихъ не забудетъ и главнаго начальника здѣшняго края Михаила Николаевича, котораго теплое сочувствіе къ потребностямъ того духовенства было поводомъ всеподданнѣйшаго предстательства къ благочестивѣйшему Государю о Всемилостивѣйшемъ удовлетвореніи сихъ потребностей.»

(*Вил. Вѣст.* № *88*).

Изъ Трокъ.

2-го августа, къ 11 часамъ утра все православное населеніе нашего города собралось въ церкви, гдѣ не долго пришлось намъ ждать прибытія нашей дорогой гостьи: супруга главнаго начальника края,—Пелагея Васильевна Муравьева, вмѣстѣ съ виленскимъ гражданскимъ губернаторомъ, его супругою и еще нѣсколькими лицами пріѣхали къ началу обѣдни, которую пропѣлъ весьма стройно хоръ, составленный изъ русскихъ чиновниковъ.

Вновь отдѣланная церковь не могла вмѣстить въ себѣ всѣхъ молящихся, въ числѣ коихъ были и староверы. Вся ризница, воздухи, одежда на престолѣ—все это рукодѣліе трокскихъ православныхъ дамъ, которыя всю зиму собирались кружками для этихъ работъ и теперь продолжаютъ неутомимо трудиться для украшенія прочихъ церквей уѣзда. По окончаніи службы, Пелагея Васильевна поѣхала прямо въ квартиру военнаго начальника, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ чиновники трокскаго уѣзда, я говорю всѣ *русскіе* чиновники, потому что у насъ, слава Богу, уже другихъ нѣтъ въ уѣздѣ.

Обѣдъ былъ весьма оживленъ. Въ 4-мъ часу ея высокопревосходительство со всѣмъ обществомъ отправилась на большой лодкѣ на островъ, на которомъ красуются знаменитыя развалины замка Кейстута. Лодка, на которой мы ѣхали, убрана была коврами, она была такъ велика, что вмѣщала все наше общество. На большомъ островѣ, караимами, живущими въ Трокахъ, былъ устроенъ національный праздникъ. Пристань, къ которой мы подъѣхали, была украшена коврами и флагами, а посрединѣ развалинъ, на муравѣ, стоялъ столъ, на которомъ были огурцы, медъ, пряники и разныя сласти домашняго приготовленія. До 20 дѣвицъ караимокъ, въ пестрыхъ нарядахъ съ цвѣтами на головѣ, встрѣтили Пелагею Васильевну, бросая цвѣты передъ нею. Когда караимы провозгласили тостъ за здоровье Государя Императора, ихъ музыка заиграла гимнъ «Боже Царя храни», который былъ повторенъ три раза; вся толпа вторила звукамъ музыки и, послѣ продолжительнаго «ура», провозгласила тостъ «за здоровье умиротворителя нашего края, Михаила Николаевича», какъ выразился старшій изъ караимовъ. Потомъ пили за здоровье дорогой гостьи Пелагеи Васильевны Муравьевой, которая, въ самыхъ лестныхъ для караимовъ выраженіяхъ, благодарила ихъ за радушный пріемъ; потомъ былъ тостъ за начальника виленской губерніи, сопровождавшійся криками ура.

Ни одна изъ бывшихъ тутъ караимокъ не осталась безъ ласковаго слова П. В. и караимы были въ совершенномъ восторгѣ отъ любезнаго обращенія съ ними супруги того, который спасъ ихъ отъ бѣшеннаго изувѣрства мятежниковъ. Когда мы сѣли въ лодку и отчалили, искренніе, задушевные ура долго потрясали старинныя развалины замка. Лодка наша объѣхала кругомъ острова, чтобъ осмотрѣть замокъ со всѣхъ сторонъ. Музыканты—караимы, сѣвъ на другую лодку, сопровождали насъ, играя русскія національныя пѣсни; толпа караимовъ, оставшаяся на островѣ, разбрелась по развалинамъ и своими живописными пестрыми группами оживила печальныя груды камней. Каждый разъ, когда наша лодка подходила близко къ берегу, съ острова раздавались крики ура и виднѣлось маханіе платками и шапками.

Возвращаясь въ городъ, ея высокопревосходительство пожелала видѣть вновь отстроенную народную школу и была изум-

лёна, увидѣвъ большое 2-хъ этажное зданіе, крытое черепицею и отдѣланное рѣзьбою, какъ избы подмосковныхъ крестьянъ. Вы думаете, у насъ всего одна школа и есть?—нѣтъ, къ осени, благодаря Бога, въ нашемъ уѣздѣ будутъ готовы 22 школы.

Зданіе трокской школы выстроено на 200 учениковъ [1]); въ немъ два класса, пріютъ для ночлега мальчиковъ, живущихъ далеко отъ города, кухня и квартира для учителя, и комнатка для библіотеки.

Посѣтивъ школу, ея высокопревосходительство отправилась обратно въ Вильно, благодаря всѣхъ провожавшихъ ее и въ особенности любезнаго хозяина, принимавшаго ее у себя, В. Ѳ Панютина, исправляющаго должность трокскаго военнаго начальника.

Годъ тому назадъ, въ это самое время, въ 10 верстахъ отъ города, была шайка Сенджка, въ жижморскихъ же лѣсахъ было 4 шайки и до тысячи повстанцевъ; теперь же дамы изъ Вильны пріѣзжаютъ молиться въ нашъ храмъ,—слушать нашихъ пѣвчихъ и любоваться нашимъ озеромъ и развалинами, а, возвращаясь вечеромъ въ Вильно, ни одной не пришла въ голову мысль объ опасности. Право, есть надъ чѣмъ призадуматься, когда спросишь себя, какъ совершилось это чудо .. *В.*

(*Вил. Губ. вѣд. № 32*).

Словечко о гимназіяхъ западно-русскаго края.

Если вспомнишь, что въ западныхъ нашихъ губерніяхъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, и въ канцеляріяхъ и въ учебныхъ заведеніяхъ почти всѣ должностныя лица были поляки, или люди, причисляющіе себя къ полякамъ, да если сообразить при томъ, что и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ и во всѣхъ русскихъ губернскихъ городахъ находится не малое число чиновниковъ-поляковъ, или считающихъ себя поляками; то невольно представляются вопросы: откуда такая благодать? откуда берется такое обиліе чиновниковъ-поляковъ? Какая почва ихъ производитъ,

---

[1]) Къ школѣ приписано 3 волости.

какое сословіе нарождаетъ и какія заведенія воспитываютъ? Отвѣты на эти вопросы не затруднительны: всѣ эти господа чиновники — уроженцы западныхъ губерній; предки весьма не многихъ изъ нихъ пришли изъ Польши и насѣли здѣсь на русское и литовское крестьянство; остальные же происходятъ отъ людей русскихъ и православныхъ, отпавшихъ вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ отъ своей вѣры и народности; но, правда, до минувшаго времени имъ дѣла нѣтъ, и они теперь, по своимъ понятіямъ, вѣрованіямъ и стремленіямъ, истые поляки и католики. Сословіе же, порождающее ихъ — шляхта, это уродливое явленіе исторической жизни польскаго народа; а заведенія, которыя подготовляютъ для Россійской имперіи такое значительное число шляхетскихъ чиновниковъ—это гимназіи и прогимназіи виленскаго учебнаго округа. Вотъ объ этихъ-то гимназіяхъ мы и желаемъ замолвить словечко. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что ни въ одной великороссійской губерніи жители не пользуются такими удобствами относительно средствъ образованія своихъ дѣтей, какія предоставлены шляхетскому сословію въ губерніяхъ: виленской, ковенской, гродненской и минской. Въ этихъ четырехъ губерніяхъ считается 13 гимназій и 3 прогимназіи. Конечно, на первый взглядъ, можно только радоваться такому обстоятельству; всякій подумаетъ, что потребность образованія здѣсь довольно сильна и распространена повсемѣстно, когда гимназіи существуютъ не только въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, но и въ бѣдныхъ малолюдныхъ мѣстечкахъ. Да, такъ дѣло можетъ казаться людямъ, мало съ нимъ знакомымъ, но въ дѣйствительности радоваться тутъ рѣшительно нечему. Кого воспитали эти гимназіи? Поляковъ-чиновниковъ и порядочное количество молодыхъ людей, которые не сдѣлались чиновниками только потому, что ушли въ прошломъ году въ лѣсъ и не возвратились оттуда, а если и возвратились, то уже не могли попасть въ палату или въ канцелярію на службу.

Полагать, что шляхта посылаетъ своихъ дѣтей въ гимназію по побужденіямъ, вытекающимъ изъ сознанія необходимости нравственнаго образованія для каждаго человѣка, было бы съ нашей стороны непростительнымъ простодушіемъ; нѣтъ, мы очень хорошо знаемъ, что не о томъ шляхта хлопочетъ; шляхтичъ-чиновникъ, шляхтичъ-хлѣбопашецъ, шляхтичъ-сторожъ какой нибудь канцеляріи, шляхтичъ-

лакей, всѣ они, проникнутые гордостію своего шляхетства, всѣми силами стараются доставить дѣтямъ своимъ гимназическое образованіе, съ цѣлію посредствомъ гимназіи открыть имъ путь въ чиновничество, а чиновничество уже доставитъ имъ средства обзавестись и домикомъ и имѣніемъ, т. е. сдѣлаться настоящими панами. Такихъ примѣровъ есть довольно. Притомъ, многихъ-ли изъ этихъ чиновниковъ-поляковъ, по сущей правдѣ, положа руку на сердце, можемъ мы назвать истинными слугами Россіи, чистосердечно, не лицемѣрно желающими ей добра и успѣха? Отвѣчать на этотъ вопросъ было бы излишне; замѣтимъ только, что въ то время, когда бунтующая противъ Россіи шляхта пользуется такими огромными выгодами въ способахъ образованія своихъ дѣтей, народъ бѣлорусскій, изстрадавшійся подъ гнетомъ пановъ, вѣрный, преданный своему государю и отечеству, остается только при школахъ грамотности, устроенныхъ хотя и въ значительномъ, но все еще недостаточномъ числѣ. Было бъ очень желательно и, кажется, вполнѣ справедливо, если бы небольшая часть тѣхъ средствъ, какія отпускаетъ нынѣ правительство на образованіе шляхетскихъ дѣтей была обращена на преданное Россіи крестьянство, вообще на русское населеніе; другими словами,— отчего бы не закрыть двѣ-три уѣздныя гимназіи и на оставшіяся отъ нихъ суммы основать новую чисто-русскую гимназію, съ русскимъ составомъ учителей и учащихся, и нѣсколько двухклассныхъ и четырехклассныхъ школъ для крестьянъ, съ практическимъ направленіемъ?

Мы слышали, что мысль объ учрежденіи такаго чисто-русскаго средняго учебнаго заведенія въ одной изъ мѣстностей, съ православнымъ населеніемъ, уже одобрена г. главнымъ начальникомъ края и что проэктъ этотъ разработывается въ учебномъ вѣдомствѣ. Вотъ этому дѣлу такъ мы порадуемся сердечно, когда оно будетъ приведено къ концу; а медлить нечего: дѣло хорошее.

Русскій.

Вильно.

16 февраля 1864 г. (День № 23).

Голосъ изъ гродненской губерніи.

Многіе изъ среды духовенства литовской епархіи, по всей справедливости, могутъ отнести къ себѣ, въ буквальной точности, скорбныя слова Божественнаго учителя языковъ, св. апостола Павла: бѣда отъ разбойникъ, бѣда отъ сродникъ. Къ крайней горести своей, православное литовское духовенство разбойниковъ имѣло въ лицѣ своихъ соотечественниковъ. Одни, совершенно забывши и отрекшись своего прошедшаго, давно измѣнивши праотеческой вѣрѣ и древнимъ историческимъ преданіямъ своей родины, дерзнули посягнуть на разрушеніе всѣхъ началъ и всѣхъ благодѣтельныхъ основаній, которыя уже положены твердою рукою въ нашу народную жизнь, и которыя неминуемо когда-нибудь приведутъ къ полному возстановленію въ литовско-русскомъ краѣ и праотеческой его вѣры и народности, затерявшихся и чуть было въ конецъ непогибшихъ подъ тяжелымъ гнетомъ чуждыхъ элементовъ, враждебныхъ всему славянскому міру. Духовные православнаго исповѣданія, какъ прежде всѣхъ изъ своего народа почувствовавшіе розь съ своимъ прошедшимъ и много потрудившіеся для возврата къ нему, сдѣлались предметомъ крайняго нерасположенія той огромной половины своего народа, которая потеряла даже память о древнихъ судьбахъ своей родины и видѣла въ своемъ настоящемъ естественное положеніе дѣлъ. Это нерасположеніе перешло въ сильнѣйшую ненависть къ православному духовенству и въ открытый бунтъ противъ русскаго правительства и русскаго народа, которымъ православное духовенство, въ своемъ одиночествѣ, необходимо должно было довѣриться всею душею, какъ единовѣрнымъ и единокровнымъ, и подъ защиту и покровительство которыхъ должно было прибѣгнуть. Каковъ былъ характеръ этого бунта, каково было его изувѣрство и разнузданность — это извѣстно всему міру. Положеніе же православнаго духовенства, въ это время, было самое злосчастное. Мы буквально должны были испытывать оплеванія и всенародныя поруганія, а нѣкоторые приснопамятные братья наши положили даже душу свою во свидѣтельство своей любви къ св. церкви и отечеству. И не думаемъ, чтобы въ это смутное время было много такихъ счастливцевъ, которые не слышали бъ отовсюду угрозъ себѣ и не подвергались бы серьезнымъ опасностямъ.

Но все это было дѣломъ, такъ сказать, естественнымъ и даже

необходимымъ. Это была борьба стараго съ новымъ, борьба всегда и во всемъ неизбѣжная, борьба кровавая, отчаянная борьба на жизнь и смерть, въ которой обѣ стороны истощаютъ всѣ свои средства и силы. Такая борьба стараго съ новымъ всегда приводитъ къ важнымъ результатамъ, такъ какъ послѣ такой борьбы рѣзче обрисовываются роли обѣихъ сторонъ, и на сколько сторона побѣжденная впадаетъ въ нравственное безсиліе и бездѣйствіе, на столько возрастаютъ энергія, рѣшительность и сила стороны восторжествовавшей. По этому прав. духовенство считало и считаетъ бѣды, претерпѣнныя имъ отъ разбойникъ дѣломъ естественнымъ и перенесло ихъ, какъ необходимое зло, бывшее въ порядкѣ вещей, съ всецѣлою покорностію волѣ Божіей; ему теперь остается только всегда благодарить Бога, что тяжелое время уже миновало, и употребить всѣ свои усилія, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать возстановленію въ родномъ краѣ законнаго порядка и предотвращенію, на будущее время, ужасовъ подавленнаго междоусобія.

И такъ бѣды отъ разбойникъ намъ не кажутся странными; но бѣды, постигшія многихъ изъ насъ, вслѣдъ за симъ, отъ сродникъ, очень и очень для насъ тяжелы.

Подъ именемъ сродниковъ мы разумѣемъ прибывшихъ къ намъ великоруссовъ—нашихъ соотчичей, у которыхъ мы встрѣтили и дознали столько горячаго сочувствія въ тяжелое для насъ время, что память о нихъ и сердечную благодарность занесемъ живыми и въ свои могилы. Выражаясь точнѣе, нѣкоторые изъ насъ несправедливо терпятъ много непріятностей и оскорбленій отъ нѣкоторыхъ чиновниковъ-великоруссовъ, присланныхъ въ нашъ край заботливымъ правительствомъ, съ цѣлію замѣнить наше прежнее чиновничество,—всецѣло пропитавшееся вѣроломствомъ и измѣною, и вести въ жизнь нашего края новыя, здоровыя и свѣжія силы. Мы ожидали своихъ спасителей съ самыми свѣтлыми надеждами, съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и было бы грѣшно сказать, чтобъ обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Большинство великорусскихъ чиновниковъ дѣйствительно оправдываетъ возможное къ нимъ довѣріе правительства и надежды всѣхъ, искренно любящихъ родную землю нашу. Но въ средѣ ихъ нашлись и такія личности, которымъ не мѣсто въ нашемъ краѣ, требующемъ великаго самопожертвованія, теплой любви, разумной дѣя-

тельности и твердой честности от служащихъ здѣшнему народному дѣлу, которые прибыли къ намъ, кажется, для того только, чтобы безъ разбора все разрушать, ломать и ничего не созидать,—которые, не желая или не умѣя понять и сообразиться съ положеніемъ, нуждами и духомъ здѣшнихъ обитателей, самымъ грубымъ образомъ оскорбляютъ наше духовенство, много пострадавшее въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ за свою любовь къ св. вѣрѣ и русскому народу и, кажется, своими страданіями заслужившее нѣкоторое уваженіе, любовь и поддержку. Онѣ, эти личности, подрываютъ святое и благотворное довѣріе пасомыхъ къ своимъ пастырямъ и своими грубыми, деспотическими поступками убиваютъ развивающееся теперь въ народѣ чувство законности—это необходимое условіе мира и благоденствія каждаго общества и государства. Повѣсть о поступкахъ одной изъ такихъ личностей будетъ предметомъ нашей замѣтки. Посредствомъ ея мы обращаемся къ общественному мнѣнію великорусскихъ своихъ соотчитей, прося ихъ, да разсудятъ они насъ по правдѣ и справедливости [1]).

Осенью истекшаго 1863 года съ другими, прибылъ въ нашу губернію, для занятія посредническої должности, г. N. При первомъ знакомствѣ, своею утонченною вѣжливостію и горячимъ къ бѣлоруссамъ православнымъ, на словахъ, сочувствіемъ, произвелъ онъ на насъ чарующее впечатлѣніе. Но вскорѣ мы совершенно должны были разочароваться. Прежде всего имѣлъ несчастіе не понравиться г. посреднику п—кій благочинный І. В. Это—60-лѣтній старикъ, человѣкъ тихій, скромный, неимѣющій надобности краснѣть, предъ кѣмъ бы то ни было, за свою жизнь, честно прожитую въ посильныхъ трудахъ на пользу св. церкви нашей и отечеству. По этой-то причинѣ и ду

[1]) Съ невыразимымъ прискорбіемъ печатаемъ мы эту замѣтку, и еще съ большимъ прискорбіемъ должны объявить, что мы получили нѣсколько подобныхъ же замѣтокъ, изъ разныхъ мѣстъ Сѣверозападнаго края и отъ разныхъ лицъ, съ тѣми же жалобами на неприличное обращеніе нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ съ православными священниками. Это обстоятельство такъ важно, особенно въ настоящее время, что общество мировыхъ посредниковъ гродненской губ. конечно обратитъ на него особенное свое вниманіе и внушитъ тѣмъ изъ своихъ товарищей, до которыхъ сіе надлежитъ, что подобными поступками (если только сообщаемое намъ хоть на половину справедливо) они, не менѣе поляковъ, вредятъ дѣлу православія и русской народности

Ред. Дня.

ховное начальство, отличая полезную его службу и примѣрное пастырское поведеніе, нашло полезнымъ поручить ему благочинническую должность, не смотря на преклонныя его лѣта, и въ воздаяніе его усердія и заслугъ удостоило награды наперстнымъ крестомъ. Не смотря на то, что этотъ почтенный священнослужитель ничѣмъ не обидѣлъ посредника и не имѣлъ съ нимъ лично никакого дѣла, онъ подвергся однакожъ такому его гнѣву, что тотъ, забывъ общечеловѣческое чувство уваженія къ почтенной старости, не постыдился предъ многими сторонними людьми и даже предъ однимъ сослужителемъ нашимъ — выразиться о благочинномъ самымъ неуважительнымъ образомъ... Но это еще не все. Благочинный, выполняя желаніе правительства и въ видахъ общей пользы своихъ прихожанъ, на основаніи Высочайше дарованнаго права духовенству, открылъ въ своемъ приходѣ двѣ сельскія школы. А такъ какъ при занятіяхъ своею должностію и приходомъ, невозможно было ему самому заняться обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, то онъ на собственныя деньги нанялъ двухъ учителей въ школы и далъ всѣ нужныя училищныя пособія. Могъ ли онъ думать, что такое прекрасное его дѣло послужитъ поводомъ къ незаслуженной, къ самой тяжелой для него непріятности?! Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, мѣстный старшина, явившись въ школы, разогналъ учениковъ и учителей и закрылъ обѣ школы. Отецъ благочинный, узнавъ о такомъ поступкѣ старшины, тотъ часъ же вошелъ въ волостное правленіе съ отзывомъ, спрашивая о причинахъ, вызвавшихъ закрытіе школъ; но не получилъ никакого отвѣта. Больно было старику испытать такое невниманіе отъ своихъ же прихожанъ, до того времени всегда его уважавшихъ и любившихъ. Со стороны только узналъ благочинный, что старшина дѣйствовалъ тутъ не самъ по себѣ. Г. посредникъ, никогда не бывшій лично въ училищахъ, заключилъ, по умозрѣнію, что должно быть тамъ преподается польскій языкъ, и приказалъ старшинѣ закрыть училища: „такъ какъ,—выразился онъ,—вашъ попъ уніатъ, то я и не дозволю ему открывать и содержать училищъ“. Мы здѣсь должны на минуту прервать свой разсказъ и спросить г. посредника: зачѣмъ онъ присланъ правительствомъ въ нашъ край? Затѣмъ ли, чтобъ открывать училища, или же закрывать? Распространять народное просвѣщеніе, или быть гасильникомъ? Затѣмъ ли, чтобы чернить и унижать православныхъ

священниковъ предъ прихожанами и разрушать лучшія ихъ предначинанія, какъ дѣлали поляки, или же покровительствовать и содѣйствовать священникамъ въ ихъ добрыхъ усиліяхъ къ возвращенію нашему краю древле отеческой его вѣры и народности? Самъ г. посредникъ еще нигдѣ не открылъ — сколько намъ извѣстно—ни одной школы, а закрылъ уже три изъ нихъ, поддавшись нехорошимъ побужденіямъ. На свѣтѣ есть много злобы и коварства, но г. посредникъ, занимая высокое мѣсто миротворца, долженъ быть выше пошлой клеветы и не слѣдовало ему опрометчиво рѣшаться на разрушенье чужаго тяжелаго труда, не обслѣдовавши дѣла подробно, со всѣхъ сторонъ. Къ тому же намъ странно слышать изъ устъ русскаго патріота (какимъ покрайней мѣрѣ старается вездѣ выдавать себя г. посредникъ) прозвище одному изъ лучшихъ нашихъ священниковъ уніата? Если г. посредникъ, какъ по всему видно, ставитъ въ вину благочинному и всѣмъ нашимъ отцамъ то, что они перешли изъ уніи въ православіе; если въ его сердцѣ нѣтъ горячаго братняго сочувствія къ перешедшимъ въ православіе уніатамъ и ко всѣмъ ихъ прежнимъ страданіямъ: то намъ остается только сильно сожалѣть о немъ и сказать, что онъ хотя и питомецъ дорогой намъ Россіи, но не братъ нашъ по своему сердцу.—Мы же никогда и ни предъ кѣмъ не будемъ краснѣть за своихъ отцовъ, что они, присоединившись къ православію, сдѣлали тѣмъ великій шагъ къ воскрешенію православія и къ возстановлеію русской народности въ западнорусскомъ краѣ.

Но будемъ продолжать свой разсказъ.

Благочинный, узнавъ обо всѣхъ подробностяхъ этихъ распоряженій посредника, вынужденнымъ былъ донести обо всемъ случившемся духовному начальству. Поэтому, командированъ былъ сосѣдній В...скій благочинный о. М. К., для подробнаго мѣстнаго разслѣдованія по сему дѣлу. Прибывъ на мѣсто, благочинный требовалъ къ себѣ учениковъ, нашелъ ихъ успѣхи очень удовлетворительными и самымъ нагляднымъ образомъ убѣдился, что имъ, вопреки показанію г. посредника, никогда не былъ преподаваемъ польскій языкъ, такъ какъ ученики даже и не знали польскихъ буквъ. За тѣмъ благочинный пригласилъ къ себѣ старшину, но тотъ не явился; поэтому самъ принужденъ было отправиться въ волостное правленіе и нашелъ въ немъ старшину, писаря и нѣкоторыхъ старостъ. Долгомъ своимъ онъ

счелъ, прежде всего, укорить старшину за невниманіе къ своему духовному отцу, за тѣмъ спросилъ крестьянъ, учились ли мальчики въ училищахъ польскому языку и, получивъ отъ всѣхъ ихъ отрицательный отвѣтъ, просилъ ихъ объяснить ему: желаютъ ли крестьяне, чтобы снова открыты были, закрытыя г. посредникомъ, училища? Когда они пояснили, что они и всѣ крестьяне сильно желаютъ, чтобы ихъ дѣти продолжали ученіе, тогда благочинный сказалъ имъ: „ученіе дѣйствительно есть добро; на то благословляетъ васъ св. церковь наша, того желаетъ всемилостивѣйшій Государь и всѣ добрые люди. И если, дѣйствительно, вы и подвѣдомые вамъ кретьяне хотите, чтобъ открыты были снова училища, въ такомъ случаѣ можете войти о томъ ко мнѣ съ прошеніемъ, которое я представлю начальству и училища будутъ открыты". Тогда крестьяне отвѣчали, что они очень боятся своего посредника (грустный фактъ!). О. благочинный сказалъ имъ на то слѣдующее: „ваша правда, хотя, впрочемъ, я и слышалъ, что г. посредникъ перемѣщается начальствомъ въ другой уѣздъ, но во всякомъ случаѣ, въ отклоненіе всякихъ непріятныхъ для себя случайностей, вамъ слѣдуетъ войти и къ нему съ своимъ прошеніемъ по этому предмету. Крестьяне послушались благоразумнаго совѣта, подали прошенія объ открытіи у нихъ школъ и къ г. посреднику. Благочинный представилъ прошеніе крестьянъ начальству; г. же посредникъ поступилъ съ крестьянами такъ, какъ никто не думалъ и не гадалъ. Писарь, писавшій прошенія, пять дней просидѣлъ въ острогѣ, по распоряженію посредника; всѣ старшины, приложившіе на прошеніяхъ печати, оштрафованы тремя рублями каждый; а два крестьянина, первые изъявившіе желаніе открыть школы, оштрафованы каждый пятью рублями серебромъ [1]). А что всего удивительнѣе, къ мѣстному военному начальнику поступила отъ посредника жалоба на В....го благочиннаго, будто бы онъ „подрываетъ довѣріе къ посреднику крестьянъ своими самоуправными дѣйствіями, будто бы онъ предъ крестьянами же угрожалъ перевести посредника въ другой уѣздъ и показать ему—кто онъ таковъ". Военный начальникъ очень

---

[1]) Нужно сказать, что по истеченіи 8-ми или 10-ти дней, вслѣдствіе настоятельнаго совѣта друзей своихъ, г. посредникъ возвратилъ штрафы крестьянамъ безъ шуму и гласности.

серьезнымъ и строгимъ образомъ затребовалъ объясненій у благочиннаго, выражаясь между прочимъ такъ: „находя означенныя дѣйствія ваши вредными, клонящимися къ поколебанію довѣр'я крестьянъ къ своему мировому посреднику, какъ къ прямому ихъ защитнику отъ всякаго произвольнаго надъ ними распоряженія лицъ, неимѣющихъ къ нимъ никакихъ соотношеній (??) и прочихъ неправдъ, я, по долгу моему, вынужденнымъ остаюсь“ и проч. и проч.,—и достойный священнослужитель, учащій другихъ повиноваться предержащимъ властямъ, не усомнился тотъ-часъ же представить свои поясненія. Пусть же каждый посудитъ безпристрастно: законно, честно и добросовѣстно ли поступилъ г. посредникъ? Неужели крестьянамъ нельзя было просить посредника объ открытіи школъ? Неужели имъ, въ настоящее время, уже запрещено заботиться объ образованіи своихъ дѣтей? Гдѣ законъ, осуждающій просящихъ открытія школы, на тюремное заключеніе или на денежный штрафъ? Намъ кажется, что г. посредникъ поступилъ деспотически, вполнѣ противозаконно. А если бы даже благочинный и допустилъ при этомъ самоуправство, то не наказывая за него крестьянъ, слѣдовало бъ обжаловать его (благочиннаго) начальству. Взводить же на благочиннаго небылицы и приписывать ему такой образъ дѣйствій, о какомъ онъ даже никогда и не думалъ,— это не только посреднику, но и каждому честному человѣку вполнѣ неприлично.

Досаждая духовенству, г. посредникъ столько же легкомысленно успѣлъ досадить и церкви православной. Всѣ присутствовавшіе 6-го декабря въ В....й церкви за богослуженіемъ были свидѣтелями возмущающей душу сцены. Когда, по окончаніи литургіи, начался благодарственный молебенъ о здравіи высокаго виновника торжества и когда, по общепринятому обычаю, всѣ военные и гражданскіе чиновники начали снимать съ себя плащи и пальто, въ это время г. посредникъ, желая, можетъ быть, по весьма понятной и извинительной слабости человѣческой, привлечь на себя общее вниманіе или порисоваться своимъ дѣйствительно очень красивымъ мундиромъ, или по другимъ столько же уважительнымъ причинамъ, входитъ со шпагою и въ пальто на солею и за тѣмъ въ алтарь, снимаетъ здѣсь пальто, въ своемъ походѣ опрокидываетъ стоявшій тутъ сосудъ съ водою, отъ чего вода разливается по алтарю и солеѣ, и, съ пол-

нымъ сознаніемъ своего достоинства, выходитъ снова на свое мѣсто въ церкви. По окончаніи молебствія, снова входитъ въ алтарь, облачается въ пальто и выходитъ изъ храма. — Спрашивается: была ли возможность православному народу, для котораго алтарь есть святѣйшее мѣсто, не оскорбиться такою странною выходкою г. посредника? Что сдѣлалъ бы г. посредникъ, числящійся оберъ-офицеромъ, если бы кто нибудь посторонній, во время военнаго смотра, въ видахъ большаго для себя удобства или просто по прихоти, вмѣшался въ ряды войска или занялъ бы видное мѣсто предъ фронтомъ, не предоставленное для публики? Думаемъ, что изъ сего вышли бы послѣдствія не совсѣмъ пріятныя для такого дерзкаго и неуважительнаго человѣка. Намъ многократно случалось слышать, что гг. чиновники, дѣлавшіе осмотры католическихъ костеловъ, относились къ алтарямъ иновѣрнымъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ и тѣмъ, по всей справедливости, заслужили достойную себѣ похвалу и сердечную благодарность отъ всѣхъ вообще христіанъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Во все продолженіе, въ нашей сторонѣ, несчастнаго мятежа, намъ не приходилось слышать, чтобы гдѣ нибудь было оскорблено нашими войсками религіозное чувство иновѣрцевъ и чтобы гдѣ нибудь была нарушена святость иновѣрнаго храма Божія. И послѣ этого, какъ же больно намъ было услышать о поступкѣ г. посредника, считающагося сыномъ православной церкви! Священникъ, совершавшій Богослуженіе, не дерзнулъ нарушить святости храма Божія и дѣлать всенародныя замѣчанія; но, по окончаніи Богослуженія, и по собственному побужденію и по настоянію другихъ, вошелъ съ отзывомъ къ мѣстному военному начальнику, донося въономъ о происшедшемъ и прося оградить храмъ Божій, на дальнѣйшее время, отъ подобнаго соблазна и несообразности. Этотъ поступокъ священника, защищавшаго святость алтаря Божія, до того не понравился г. посреднику, что онъ, и мало не медля, тотчасъ отправился въ губернскій городъ и обжаловалъ священника, будто онъ не любитъ русскихъ чиновниковъ и водитъ дружбу съ подозрительными лицами. Мы не рѣшаемся даже опровергать такой странной небылицы, до того она кажется намъ дикою и несообразною! Православный священникъ, живущій въ литовско-русскомъ краѣ и встрѣчающій отъ соотечественниковъ своихъ, иновѣрцевъ, на всякомъ шагу возможныя

глумленія и пренебреженіе, не любитъ русскихъ—своихъ единовѣрцевъ, защищающихъ его отъ злобы и насилія! Это такая аномалія, которой и предположить даже нельзя. Что же касается дружбы съ подозрительными лицами, которою укорилъ г. посредникъ священника, то въ этомъ отношеніи все дѣло состояло въ слѣдующемъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 года, т. е. въ самый разгаръ мятежа, ударъ грома превратилъ В....скую церковь въ груду развалинъ. Приходъ этотъ очень малъ и крайне бѣденъ, — затѣмъ и не предвидѣлось никакихъ средствъ къ возстановленію церкви. Священникъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, убѣдилъ двухъ почетныхъ людей, — одного православнаго великорусскаго, а другаго католика—литовца, сдѣлалъ богоугодное дѣло—возстановить изъ развалинъ сгорѣвшую церковь. Ихъ усердіемъ, при нѣкоторомъ содѣйствіи мѣстныхъ прихожанъ и другихъ постороннихъ лицъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, помянутая церковь была окончательно и вполнѣ прилично устроена и освящена. Послѣ этого возможно ли назвать подозрительнымъ человѣкомъ этого р- католика, который такъ осязательно доказалъ свое уваженіе къ православной русской церкви, и тѣмъ самымъ заявилъ публично свою благонамѣренность въ то время, когда каждое малѣйшее обнаруженіе сочувствія къ русскимъ считалось преступленіемъ, а подъ-часъ жестоко, даже смертію, наказывалось поляками? Не заслужилъ ли бы презрѣнія отъ всѣхъ благородныхъ людей священникъ, если бъ онъ отвергнулъ жертву въ храмъ Божій отъ лица иновѣрнаго, а принявъ жертву, не выразилъ ему самой искренней признательности и уваженія? И это считать преступленіемъ? И это дѣлать предметомъ обвиненія? И за это винить священника?

О прочихъ извѣстныхъ намъ дѣйствіяхъ г. посредника, столько же нелогичныхъ, мы постараемся передать въ возможной краткости.

Кажется, въ 1858 или 1859 году, одинъ литовскій помѣщикъ г. К., непонравившіяся ему два крестьянскія семейства, изъ своихъ крѣпостныхъ, отдалъ за долгъ другому помѣщику въ дворовые люди, противозаконно завладѣвъ собственными ихъ хозяйскими застройками, всѣмъ движимымъ имуществомъ и озимымъ посѣвомъ, который вмѣстѣ съ землею отдалъ въ аренду. Въ то время, когда нашъ крестьянинъ считался наравнѣ съ безсловесными, такой вопіющій поступокъ помѣщика-поляка прошелъ безнаказанно, не смотря на жалобы этихъ

крестьянъ. Семейства эти остались безъ пріюта на волѣ новаго своего господина и работали ему всѣ, отцы и матери и дѣти, единственно только за пропитаніе. Но вотъ Высочайшій манифестъ и положеніе 19 февраля 1863 года, осчастливившіе милліоны крѣпостныхъ крестьянъ, пробудили надежды и этихъ несчастныхъ безпріютныхъ и нигдѣ неприписанныхъ при землѣ, ограбленныхъ семействъ, и они, попросивъ какъ-то жида-грамотѣя, составили по сему предмету прошеніе и подали его, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1863 г., г. посреднику, когда онъ прибылъ въ имѣніе Б. на праздникъ, который давали сами себѣ члены повѣрочной коммисіи предъ своимъ выѣздомъ. Г. посредникъ, пробѣжавъ взглядомъ прошенія, разбранилъ просителей, какъ говорится въ прахъ, за то только, что они осмѣлились изъяснить свое дѣло не словесно, а на бумагѣ, и тутъ же сталъ допрашивать, кто имъ писалъ прошеніе? Убитые горемъ, испуганные гнѣвомъ посредника, просители отвѣчали: „жидъ въ городѣ В., но имени не знаемъ". Посредникъ назвалъ по имени нѣкоторыхъ писцовъ-жидовъ, но крестьяне не знали имени своего грамотѣя или не хотѣли, по данному обѣту, объявить. Но, видя гнѣвъ посредника, угрожавшаго жиду тюрьмою и даже Сибирью, пожалѣли жида, и сложили, по прежде сдѣланному условію, всю бѣду на С. священника, въ той надеждѣ, что эта личность, знакомая посреднику, защитить и сама себя и ихъ отъ нежданной грозы начальнической. Но не тутъ-то было; г. посредникъ сталъ поносить священника, изодралъ прошеніе, а крестьянъ-просителей велѣлъ казакамъ припрятать и отправить, сейчасъ же, въ уѣздный городъ подъ арестъ, чтобы они не препятствовали ему свободно продолжать манифестацію [1]). На другой день послѣ этого событія, священникъ

[1]) **Манифестаціею** великорусскіе чиновники, находящіеся въ той мѣстности, въ своемъ кружкѣ называютъ каждый «балъ» или пирушку, складочную, или даваемую которымъ либо изъ нихъ для своего же кружка. »Балъ«, данный членами повѣрочной коммиссіи, былъ не предосудителенъ, потому что никто изъ поляковъ на немъ не былъ. Но, носятся слухи, что въ настоящее время манифестаціи для нѣкоторыхъ великорусскихъ чиновниковъ даютъ **помѣщики-поляки** не только въ городѣ, въ жидовскихъ магазинахъ винъ, но и у себя на дому—въ имѣніяхъ, и эти нѣкоторые гг. чиновники очень радушно ихъ принимаютъ; а въ благодарность зазываютъ на подобныя же свои манифестаціи, даваемыя ими часто по какому либо малѣйшему случаю, или въ складахъ винъ у жидовъ, или у котораго либо изъ гг. чиновниковъ на дому, и изъ помѣ-

получаетъ отъ г. посредника повѣстку, написанную безъ соблюденія всякой законной формы, безъ поясненія, по какому дѣлу, въ неприличныхъ выраженіяхъ, вызывающую его въ квартиру посредника. Священникъ въ означенный срокъ явился къ г. посреднику и, къ величайшему своему изумленію, услышалъ выговоры себѣ за то, что пріучаетъ крестьянъ къ сутяжничеству, составляя прошенія, и что взялъ съ нихъ 30 к. Пораженный такою напастью, священникъ объяснился только тѣмъ, что онъ первый разъ обо всемъ этомъ слышитъ, что на оставшемся прошеніи видитъ чужой почеркъ и что онъ не на столько безграмотенъ, чтобы заниматься составленіемъ подобныхъ прошеній. Но когда г. посредникъ не хотѣлъ вѣрить ему, то священникъ принужденъ былъ сказать ему нѣсколько справедливыхъ словъ, послѣ которыхъ г. посредникъ, понявъ неловкость своего положенія, перемѣнилъ тонъ рѣчи; за тѣмъ, погодя немного, священникъ вышелъ изъ квартиры посредника. Но г. посредникъ не принялъ во вниманіе объясненій и съ особеннымъ усердіемъ продолжалъ поносить предъ каждымъ русскимъ и полякомъ честь невинно оклеветаннаго, обѣщая сейчасъ удалить его изъ прихода. Между тѣмъ авторъ прошеній, сколько мы слышали, уже найденъ.

По распоряженію правительства, духовенство западныхъ губерній пользуется отъ прихожанъ обработкой земли или въ натурѣ, или же получаетъ такъ называемыя обработочныя деньги въ опредѣленномъ разъ—навсегда количествѣ. Г. посредникъ, какъ по всему видно, порѣшилъ лишить бѣдное духовенство, находящееся въ его участкѣ, этого права, и на крестьянскихъ сходкахъ, въ двухъ волостныхъ правленіяхъ, разрѣшилъ крестьянамъ не платить слѣдуемыхъ съ нихъ

щиковъ-поляковъ, **друзей своихъ**. По неволѣ, хотя съ грустью, приходится вспомнить при этомъ, что катихизисъ польскій донынѣ исповѣдуется поляками твердо. По правиламъ его, **дружба поляковъ съ великоруссами** указала на средство (манифестаціи), отвлекающее отъ дѣла гг. чиновниковъ. И средство это превосходно принялось и теперь въ большомъ ходу. Дай Богъ, чтобы помѣщики-поляки своею коварною дружбою и теперь не провели нѣкоторыхъ великорусскихъ чиновниковъ также, какъ провели многихъ прежде! Дай Богъ послѣднимъ во—время опомниться. А то, пожалуй, поляки возрадуются, восторжествуютъ и насмѣются надъ нами, когда успѣютъ снова надѣлать бѣды и горя намъ—даже при настоящихъ, довольно непріятныхъ для нихъ, обстоятельствахъ.

обработочныхъ денегъ и рабочихъ въ натурѣ не посылать. Эти новыя распоряженія г. посредника, вслѣдствіе жалобъ на отказы крестьянъ, были перемѣнены немедленнымъ опубликованіемъ высочайшаго по сему предмету указа по волостямъ чрезъ становыхъ приставовъ.

Вотъ еще случай, лучше всего обнаруживающій степень и свойство распоряженій г. посредника по отношенію къ духовенству. Въ мѣстечкѣ М.....ѣ, въ 12 часовъ ночи, когда уже все семейство и прислуга священника покоились, вдругъ окруженъ былъ козаками и собранными въ волостной канцеляріи людьми домъ священническій, стоящій на односельѣ за мѣстечкомъ, и послышались сильные удары въ двери и окна. Встревоженный, престарѣлый священникъ выходитъ къ ночнымъ гостямъ,—полагая встрѣтить польскихъ мятежниковъ и, къ великому удивленію, встрѣчаетъ г. посредника, объявляющаго, что онъ прибылъ осмотрѣть училище, помѣщающееся въ домѣ священника. Затѣмъ послѣдовалъ тщательный осмотръ, и что же нашлось?... Нашлись два семейныя письма на польскомъ языкѣ, зятя къ тестю—тамошнему священнику, совершенно безъотносительныя къ училищу и къ политическимъ дѣламъ, нашлась молитвенная польская книжка, принадлежащая помощнику наставника-священника р. католику и его же тетрадка, на которой онъ упражнялся въ чистописаніи, выписывая молитвы изъ той же книжки. Все это тотчасъ было отобрано, опечатано и внесено въ актъ осмотра, скрѣпленный подписями г. посредника и священника. Наконецъ г. посредникъ замѣтилъ стоявшее здѣсь же статуйное изображеніе распятаго Богочеловѣка и, укоривъ священника въ томъ, что онъ держитъ такую латинскую вещь взялъ и подарилъ козаку [1]). Это обстоятельство болѣе всего поразило насъ всѣхъ. Неужели святыня перестаетъ быть досточтимою, когда она не въ указанной формѣ? Неужели иное распятіе у православныхъ, а иное у р. католиковъ? Вѣдь же и въ православныхъ церквахъ иногда встрѣчаются, особенно въ цѣловальныхъ крестахъ, тѣ же статуйныя изображенія Богочеловѣка, сдѣланныя изъ золота или серебра. Такое же изображеніе видимъ мы и на наперсныхъ

---

[1]) Дѣйствительно этотъ поступокъ, если онъ точно былъ совершенъ (а корреспондентъ нашъ ссылается на свидѣтелей) возмутителенъ. Отъ такого усердія къ православію Боже сохрани православную церковь! Ред. Дня.

крестахъ, даваемыхъ въ отличіе духовнымъ лицамъ. Къ тому же, кто далъ г. посреднику право оскорблять христіанское религіозное чувство? Добавимъ къ тому еще и то, что во свидѣтели ревизіи было призвано г. посредникомъ 12 человѣкъ крестьянъ, писарь и старшина: всѣ они р. католики, исключая послѣдняго, и постоянно выискиваютъ случаи и поводы, чтобы наглумиться и насмѣяться надъ беззащитнымъ православнымъ священникомъ. И неужели посреднику время, въ 12 часовъ ночи, ревизовать училище, когда учениковъ нѣтъ? Въ подобную пору посѣщали мирныхъ жителей только мятежные поляки, а не мировые посредники. Во мнѣніи всѣхъ благомыслящихъ, а тѣмъ болѣе образованныхъ людей, подобный поступокъ г. посредника долженъ считаться не христіанскимъ и противузаконнымъ.

Былъ и еще случай, когда г. посредникъ прямо—какъ говорится, предъ всѣмъ міромъ оскорбилъ одного священника, назвалъ его на мірскомъ сходѣ, въ сельскомъ правленіи, „попомъ-пьяницей". Если бы это, къ несчастію, и было правдой, то ни въ какомъ случаѣ, кажется, не слѣдовало бы объявлять этого предъ міромъ! Но всѣ знающіе могутъ засвидѣтельствовать объ этомъ священникѣ, что онъ не подверженъ такой несчастной страсти, а только крайняя бѣдность, при многочисленномъ семействѣ, сдѣлала его нравственно убитымъ и молчаливымъ, а болѣзнь—лице его непріятнымъ. Да судитъ же Богъ г. посредника за безчестіе, легкомысленно имъ брошенное на невиннаго несчастливца!

Мы могли бы и дальше продолжать перечень дѣйствій г. посредника въ отношеніи къ православному духовенству; но помня пословицу — не всякому слуху вѣрь, не осмѣливаемся заносить въ свою записку всего нами слышаннаго, но не провѣреннаго. О чемъ вѣрно знаемъ, то и передаемъ на судъ общественнаго мнѣнія, по чувству справедливости, по состраданію къ несчастіямъ нашей страны и по долгу чести, оскорбляемой невинно въ лицѣ нашихъ же братьевъ. (День № 29). Г. В....къ.

Судъ надъ мятежниками, посягавшими на жизнь графа Берга.

Въ прибавленіи къ „Dzienn. Warsz." изложены слѣдующія свѣдснія

по дѣлу о покушеніи на жизнь графа Берга и приговорѣ полеваго суда:

7 (19) сентября 1863 года, въ Варшавѣ, на улицѣ Новый Свѣтъ, изъ соединенныхъ двухъ домовъ графа Андрея Замойскаго сдѣлано было покушеніе на жизнь его сіятельсства намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, генералъ-адъютанта графа Берга. Подробности этого покушенія своевременно были объявлены въ газетахъ.

Не смотря на то, что дома графа Замойскаго, тотчасъ послѣ покушенія, были окружены войсками и всѣ жильцы мужескаго пола тогда же арестованы, злоумышленники успѣли скрыться, пробѣжавъ чрезъ дворъ и садъ графа Замойскаго, а потомъ чрезъ крышу надворныхъ строеній въ садъ Свенто-крыжскаго костела, откуда уже вышли на Мазовецкую улицу и спустя нѣсколько дней бѣжали въ банды.

Изъ разспросовъ арестованныхъ лицъ [1]) и по произведенному особо учрежденною по этому случаю слѣдственною коммиссіею изслѣдованію, обнаружено, что мысль убить генералъ-адъютанта графа Берга родилась у злоумышленниковъ еще весною этого года.

Совѣщанія по этому предмету производились въ квартирѣ (на Св.-кржиской улицѣ) служившаго инжинеромъ на варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ, и бывшаго въ то время директоромъ военнаго отдѣленія матежнической организаціи **Евгенія Качковскаго** (онъ же Дембинскій). Въ нихъ принимали участіе бывшіе мятежническими организаторами: **Людвигъ Лемпке** (отравившійся въ Кіевѣ), **Юзефъ Піотровскій** (казненъ), **Янъ Верницкій** (извѣстный только по фамиліи), начальникъ мятежническихъ жандармовъ въ Варшавѣ. **Павелъ Ляндовскій** (сынъ доктора) и помощникъ его **Павелъ Эккертъ** (сынъ уксуснаго фабриканта). Сверхъ сего, нарочно для того былъ вызванъ изъ-за границы, руководившій покушеніемъ на жизнь Его Императорскаго Высочества великаго князя Константина Николаевича, дворянинъ **Игнатій Хмѣленскій**.

На этихъ совѣщаніяхъ окончательно рѣшено было убить, во что бы ни стало, графа Берга, какъ лицо, энергическими мѣрами парализировавшее дѣйствія мятежниковъ.

Въ разсчетъ злоумышленниковъ входило также окончательно

---

[1]) Почти всѣ они вскорѣ были освобождены.

взволновать чрезъ это умы и приготовить народъ къ поголовному возстанію.

Въ этихъ видахъ, были заказаны ими здѣсь въ Варшавѣ и за границею ручныя орсиніевскія гранаты, адскія машины и приготовлены, въ значительномъ количествѣ, фосфорный составъ для поджоговъ и ядъ для отравленія начальствующихъ лицъ.

Самое же приведеніе въ исполненіе замысла возложено было, по избранію и указанію Ляндовскаго, на помощника его Эккерта, который, въ свою очередь, подговорилъ къ тому нарочно вызваннаго изъ банды, какъ искуснаго стрѣлка, и тотчасъ же назначеннаго начальникомъ кинжалистовъ въ Варшавѣ, **Владислава Карвовскаго** (отставной юнкеръ), а сей послѣдній выбралъ нѣкоторыхъ болѣе надежныхъ и отчаянныхъ изъ своихъ подчиненныхъ.

Мѣстомъ для исполненія преступнаго замысла былъ избранъ большой домъ графа Замойскаго, гдѣ, по соглашенію съ завѣдывавшимъ верхнимъ этажемъ этого дома, мѣщаниномъ **Леопольдомъ Бучинскимъ**, была нанята особая квартира подъ № 6. Туда, незадолго предъ покушеніемъ, принесены были однимъ изъ злоумышленниковъ, каменщичьимъ подмастерьемъ **Доминикомъ Красусскимъ**, орсиніевскія гранаты, хранившіяся дотого у бывшаго провизора въ аптекѣ Карлинскаго, **Антонія Шмидта** и фосфорный составъ, а **Карвовскимъ** двухствольное ружье. Гранаты были начинены порохомъ и окончательно приготовлены въ квартирѣ Шмидта работникомъ съ фабрики Фражета **Брониславомъ Яскульскимъ**.

Въ моментъ покушенія, въ нанятой злоумышленниками квартирѣ, кромѣ **Карвовскаго и Красусскаго**, находились: братъ послѣдняго **Феликсъ**, племянникъ ихъ, рѣзчикъ **Ричардъ Рутковскій**, сынъ мясника **Альбертъ Кунке** (убитъ въ бандѣ) и еще какой-то **Владиславъ**, извѣстный между мятежниками подъ именемъ косаго и кривоногаго; изъ нихъ Карвовскій стрѣлялъ, а прочіе бросали гранаты и фосфорный составъ.

Послѣ неудачнаго покушенія, всѣ они, какъ выше сказано, успѣли бѣжать изъ Варшавы, получивъ предъ побѣгомъ отъ Ляндовскаго денежное пособіе.

Въ то же время скрылись и прочіе злоумышленники, принадлежавшіе къ заговору.

Въ послѣдствіи, изъ числа упомянутыхъ злоумышленниковъ пойманы: Ляндовскій, Доминикъ Красусскій и въ самомъ непродолжительномъ времени Яскульскій.

Они (кромѣ Яскульскаго [1]) преданы были полевому военному суду съ нижеслѣдующими лицами, болѣе или менѣе содѣйствовавшими въ преступныхъ ихъ замыслахъ, а именно: провизоромъ Шмидтомъ, оружейникомъ Ѳедоромъ Томашевскимъ, мастеромъ бронзовыхъ дѣлъ Станиславомъ Палишевскимъ, бывшимъ ученикомъ варшавской главной школы Станиславомъ Пржибылко, бывшимъ студентомъ здѣшней медико-хирургической академіи Рохомъ Борисевкомъ, аптекаремъ въ госпиталѣ Младенца Іисуса Станиславомъ Стронскимъ и мѣщаниномъ Леопольдомъ Вучинскимъ.

По суду оказались виновными:

а) Ляндовскій (19 лѣтъ): 1) въ томъ, что, вступивъ въ революціонную организацію и принявъ званіе главнаго начальника мятежническихъ жандармовъ въ Варшавѣ, передалъ, для исполненія подчиненнымъ своимъ, нѣсколько смертныхъ приговоровъ надъ лицами, приверженными къ законному правительству; 2) въ участіи въ заговорѣ на жизнь намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, генералъ-адъютанта графа Берга, такъ какъ онъ былъ на совѣщаніяхъ по этому предмету съ злоумышленниками, а потомъ предоставилъ помощнику своему Эккерту распорядиться приведеніемъ въ исполненіе преступнаго замысла; 3) въ содѣйствіи злоумышленникамъ къ побѣгу, послѣ покушенія, изъ Варшавы, выдачею имъ денегъ; 4) въ томъ, что и самъ скоро послѣ того бѣжалъ въ Краковъ, а по возвращеніи оттуда принялъ участіе въ вооруженномъ возстаніи, сформировалъ отдѣльную конную шайку и, предводительствуя ею подъ псевдонимомъ „Косы“, неоднократно участвовалъ въ стычкахъ съ нашими войсками, по разбитіи же шайки и взятіи самаго его въ плѣнъ, ложно назвался чужою фамиліею (Фейнтухъ).

б) Красусскій (42 лѣтъ): 1) въ томъ, что, вступивъ въ организацію бывшихъ здѣсь, въ Варшавѣ, мятежническихъ жандармовъ-кинжалистовъ, подговорилъ ко вступленію въ оную другихъ и, состоя въ званіи офицера этой организаціи, не только руководилъ кин-

[1]) О немъ производится еще слѣдствіе.

жалистовъ въ исполненіи ихъ злодѣяній, но и самъ непосредственно участвовалъ въ убійствѣ отставнаго юнкера Чернецкаго, совершенномъ въ маѣ прошедшаго года, въ винномъ погребѣ купца Кіяса, а потомъ похвалялся предъ другими злоумышленниками этимъ убійствомъ и, вынувъ изъ кармана отрѣзанное у Чарнецкаго ухо, мазалъ имъ по лицу присутствовавшихъ, для того, какъ онъ выражался, чтобы придать имъ болѣе смѣлости и закалить слабыя сердца у тѣхъ, которые не могутъ смотрѣть на подобныя вещи; 2) въ участіи не только въ приготовленіяхъ къ приведенію въ исполненіе преступнаго замысла на жизнь графа Берга, но и въ самомъ покушеніи, и 3) въ томъ, что, скрывшись послѣ этого изъ Варшавы и не оставляя преступныхъ своихъ намѣреній, сошелся съ другими злоумышленниками, съ которыми, между прочимъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, придя въ Свидры, напалъ ночью на домъ колониста Гофмана и, уведя его въ лѣсъ, сначала хотѣлъ повѣсить, а потомъ приказалъ избить палками, за то только, что Гофманъ хотѣлъ ѣхать въ Россію къ родственникамъ

в) **Шмидтъ** (26 лѣтъ): 1) въ томъ, что, вступивъ въ революціонную организацію, былъ сборщикомъ податей и управляющимъ химическими заведеніями такъ называемаго „народоваго жонда“, причемъ, состоя въ преступныхъ сношеніяхъ съ главными злоумышленниками, участвовавшими въ покушеніи на жизнь генералъ-адъютанта графа Берга, хранилъ у себя приготовленныя для этого орсиніевскія гранаты и фосфорный составъ; 2) что заказалъ здѣсь, въ Варшавѣ, адскія машины, которыя впослѣдствіи, вмѣстѣ съ хранившимся у него оружіемъ жандармовъ-кинжалистовъ, замуровалъ въ погребѣ дома Эккерта, гдѣ онъ жилъ и былъ управляющимъ, и 3) въ томъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, по приказанію одного изъ злоумышленниковъ, Пржыбылко, составлялъ съ другимъ подсудимымъ по сему дѣлу, Борисекомъ, ядъ для отравленія лицъ, преданныхъ законному правительству.

г) **Томашевскій** (31 года) и **Палишевскій** (37 лѣтъ), въ томъ, что первый принялъ и исполнилъ заказъ адскихъ машинъ и ручныхъ гранатъ, а послѣдній отливалъ корпуса для нихъ—оба съ знаніемъ преступнаго ихъ назначенія.

е) **Пржыбылко** (20 лѣтъ), что былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ злоумышленниковъ и пользовался между мятежниками осо-

беннымъ вліяніемъ, и между прочимъ, по его приказанію, **Шмидтъ и Борисекъ**, составляли ядъ для отравленія лицъ, преданныхъ законному правительству, и ядъ этотъ **Пржибылко** взялъ потомъ къ себѣ.

ж) **Борисэкъ** (42 лѣтъ), въ участіи вмѣстѣ, съ **Шмидтомъ**, въ составленіи яда для означенной цѣли.

з) **Стронскій** (33 лѣсь): 1) въ томъ, что поступилъ въ мятежническую организацію и, выполнивъ революціонную присягу, былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ главными злоумышленниками и въ томъ числѣ съ **Лемпке**, который имѣлъ у него въ квартирѣ пристанище и свиданія съ бывшимъ предводителемъ мятежнической шайки **Жыхлинскимъ**, и 2) хранилъ у себя разныя революціонныя сочиненія, а также револьверы, кинжалы и фосфорный составъ, принадлежавшіе злоумышленникамъ. И

и) **Бучинскій** (40 лѣтъ): въ содѣйствіи злоумышленникамъ, покушавшимся на жизнь генералъ-адъютанта графа Берга, къ произведенію въ исполненіе преступнаго ихъ замысла тѣмъ, что отдалъ одному изъ нихъ, именно **Рутковскому**, въ наемъ квартиру, изъ которой сдѣлано покушеніе, съ знаніемъ предварительно этого преступнаго замысла.

Всѣ означенныя лица, за преступленія ихъ, на точномъ основаніи 83, 174, 175, 631, и 632 ст. 1 кн. военно-уголовнаго устава, а также 20, 132, 133, 283 и 1,298 ст. I кн. т. XV свода законовъ уголовныхъ (изд. 1857 г.), подлежали, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, смертной казни.

Но его сіятельство, намѣстникъ въ царствѣ польскомъ, при конфирмаціи дѣла, утвердилъ приговоръ полеваго военнаго суда, осуждающій на смертную казнь повѣшеніемъ, только подсудимыхъ **Красусскаго, Ляндовскаго** и **Шмидта**.

Для прочихъ же подсудимыхъ смертная казнь замѣнена его сіятельствомъ, по Высочайше предоставленной ему власти, ссылкою, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, въ каторжную работу въ рудникахъ: **Томашевскаго, Пржибылко, Бучинскаго** и **Стронскаго** на пятнадцать, а **Палишевскаго** и **Борисека** на двѣнадцать лѣтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, родовое и благопріобрѣтенное имущество всѣхъ означенныхъ преступниковъ опредѣлено конфисковать.

Казнь надъ преступниками **Красусскимъ, Ляндовскимъ** и

Шмидтомъ совершена въ среду, 5 (17) сего августа, въ 10 часовъ утра, на гласисѣ варшавской александровской цитадели.

Къ розысканію затѣмъ бѣжавшихъ злоумышленниковъ приняты надлежащія мѣры.

Православный монастырь въ западномъ краѣ. Въ новоалександровскомъ уѣздѣ, ковенской губерніи, въ мѣстечкѣ Козачизнѣ, еще въ XV столѣтіи основанъ былъ православный монастырь, положительно доказывающій, что населеніе здѣшнее было искони православное. Съ водвореніемъ уніи, монастырь обращенъ въ кляшторъ базиліяновъ, а въ 1745 г. помѣщики Іоаннъ и Елена Бутлеры основали здѣсь Рождественскую церковь и надѣлили базиліановъ значительными угодіями, отчего самый монастырь получилъ названіе Геліановскаго (вѣроятно отъ имени Елены и Іоанна). Съ теченіемъ времени, происками католической пропаганды, число православныхъ прихожанъ значительно уменьшалось. По упраздненіи же базиліяновъ, церковь обращена въ православную, но оставаясь безъ поддержки, постоянно ветшала и нынѣ требуетъ капитальной передѣлки.

Г. главный начальникъ края, желая возстановить столь древнюю православную святыню, изволилъ ассигновать исчисленную по смѣтѣ на возобновленіе сей церкви сумму, въ количествѣ 3,873 р. 51 коп., изъ контрибуціонныхъ суммъ по ковенской губерніи, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы новоалександровскій комитетъ по постройкѣ православныхъ церквей немедленно приступилъ къ возобновленію сего древняго храма.

Кромѣ того, г. главнымъ начальникомъ края ассигновано изъ того же источника 3,149 р. 12 к. на постройку въ томъ же уѣздѣ, въ деревнѣ Веселово, православной церкви, издавна здѣсь существовавшей, но въ послѣднее время пришедшей въ совершенную ветхость. Въ церкви этой есть древняя православная икона пресвятой Богородицы, на поклоненіе которой приходятъ и католики. Постройка сія возложена на тотъ же новоалександровскій комитетъ по сооруженію православныхъ храмовъ.

Новыя мѣры г. начальника сѣверо-западной Россіи къ поднятію русскаго въ краѣ элемента.

Въ числѣ важныхъ и настоятельныхъ мѣръ для успѣшнѣйшаго развитія русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ, г. главный начальникъ края призналъ нужнымъ обратить особенное вниманіе на преподаваніе русской исторіи, какъ въ здѣшнихъ народныхъ училищахъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Отдавая должную справедливость достоинству существующихъ у насъ учебниковъ по этому предмету, предназначенныхъ для гимназій и училищъ великороссійскихъ, мы должны сказать, что они не могутъ однако быть примѣняемы съ тою же пользою къ учебнымъ заведеніямъ здѣшняго края.

Вслѣдствіе сего, по всеподданнѣйшему ходатайству г. главнаго начальника края, относительно нѣкоторыхъ мѣръ къ устройству Высочайше ввѣреннаго ему края, Государю Императору благоугодно было утвердить, между прочимъ, предположеніе его—обратить особенное вниманіе на правильное преподаваніе въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ русской исторіи, и особенности исторіи западнаго края.

Въ исполненіе таковой Высочайшей воли,—признавая необходимымъ изданіе новаго учебника русской исторіи собственно для здѣшнихъ учебныхъ заведеній, г. главный начальникъ края, для вѣрнѣйшаго и успѣшнѣйшаго осуществленія этого дѣла, предположилъ объявить конкурсъ на составленіе такаго учебника, въ которомъ бы главнѣйшее вниманіе было сосредоточено на судьбѣ русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ, на усиліяхъ ея отстоять отъ притязаній польско-католической пропаганды свою православную вѣру, свой языкъ и коренные русскіе народные обычаи,—на неуклонной борьбѣ съ польскимъ шляхетствомъ, навязывавшимъ здѣшнему народу чуждые ему нравы,—на замѣчательныхъ въ лѣтописяхъ здѣшняго края личностяхъ изъ среды православнаго населенія, которыя всѣми силами противустояли гнету и насильственнымъ дѣйствіямъ польско-католической пропаганды и, наконецъ, должны были пасть, какъ мученики за вѣру и русское слово, подъ одолѣвшею ихъ силою и вліяніемъ пришлой польской партіи, захватившей въ свои руки всѣ артеріи жизни и умственнаго развитія здѣшняго

народа. Наконецъ, въ учебникѣ этомъ должна быть ясно обрисована вся западная Русь, которая искони принадлежала къ общей русской семьѣ, служила всегда отечеству нашему твердымъ оплотомъ отъ ядовитаго вліянія польско-латинскаго іезуитизма, посягавшаго не разъ подкопать основныя начала православія и тѣсно связанной съ нимъ русской народной жизни;— должно быть указано историческими фактами, прямо и положительно, что край этотъ никогда не имѣлъ и не можетъ имѣть ничего общаго съ Польшею и ея шляхетско-католическимъ господствомъ. Конечно, все это должно находиться въ тѣсной связи съ исторіею остальной Россіи, но главное мѣсто въ ономъ должна занимать исторія здѣшняго края.

Полагая, что въ настоящемъ случаѣ изъ всѣхъ нашихъ ученыхъ учрежденій—московскому университету болѣе другихъ должно быть близко это дѣло, какъ заведенію, которое всегда служило и нынѣ служитъ средоточіемъ родныхъ русскихъ интересовъ и представителемъ русской народности, г. главный начальникъ края отнесся къ г. попечителю московскаго учебнаго округа, прося передать его желаніе конференціи московскаго университета, объ объявленіи конкурса на означенный учебникъ и составленіи программы онаго, съ тѣмъ, чтобы, по представленіи соискателями сочиненій, конференція приняла на себя разсмотрѣніе и оцѣнку оныхъ, а равно и присужденіе премій за самое удовлетворительное составленіе учебника. Премію эту г. главный начальникъ края опредѣлилъ въ 1000 руб. сер. изъ состоящихъ въ его распоряженіи штрафныхъ суммъ, взысканныхъ съ лицъ польскаго происхожденія, принимавшихъ участіе въ мятежѣ. Каковыя деньги препровождены къ г. попечителю для передачи конференціи московскаго университета для храненія и выдачи въ свое время преміи, по опредѣленію конференціи, за самый лучшій и удовлетворительный учебникъ русской исторіи для учебныхъ заведеній сѣверо-западнаго края. Причемъ г. главный начальникъ края выразилъ желаніе, чтобы, въ виду настоятельной надобности въ означенномъ учебникѣ, срокъ конкурса назначенъ былъ не болѣе одного года.

Вслѣдствіе сего, г. попечитель московскаго учебнаго округа предложилъ Совѣту Императорскаго московскаго университета составить программу учебника русской исторіи для учебныхъ заведеній сѣверо-западнаго края, сообразуясь съ тѣми данными,

которыя указаны г. главнымъ начальникомъ и затѣмъ объявить на это сочиненіе конкурсъ. *(Вил. Вѣст.)*

Возстановленіе православнаго храма въ г. Минскѣ. [1])

Г. главный начальникъ края, признавая необходимымъ возстановить древнѣйшую православную церковь въ Минскѣ, на троицкой горѣ, предназначилъ на постройку ея 15000 руб. сер. и сверхъ того на внутреннее устройство и церковную утварь 3000 руб. с., всего 18000 руб. изъ суммъ дополнительнаго 10% сбора по минской губерніи.

Для производства постройки, по распоряженію его высокопревосходительства, учрежденъ особый временный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г начальника минской губерніи и при участіи члена со стороны епархіальнаго вѣдомства, назначеннаго по соглашенію съ высокопреосвященнымъ Михаиломъ, архіепископомъ минскимъ и бобруйскимъ.

На этой же троицкой горѣ, въ г. Минскѣ, предположено построить, на пріобрѣтенномъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ мѣстѣ, особый домъ для открытія въ немъ училища дѣвицъ духовнаго званія для минской епархіи, согласно Высочайше утвержденному въ 18 д. ноября 1863 г. уставу его и штату, на 9,140 руб. сер.

Чтобы безотлагательно воспользоваться Высочайшею милостію, по распоряженію высокопреосвященнаго Михаила, впредь до постройки дома, 20 воспитанницъ помѣщены уже въ мѣстечкѣ Паричахъ, въ учрежденномъ тамъ г-жею Пушиною, дѣвичьемъ училищѣ, съ уплатою по 2,000 р. сер. А такъ какъ единственный источникъ для постройки дома, указанный г. оберъ-прокуроромъ святѣйшаго Сунода, заключался въ суммѣ 4000 руб. на первоначальное обзаведеніе училища, а равно въ остаткахъ отъ его штатнаго содержанія, которыхъ въ теченіи 2-хъ

---

[1]) Едвали проходитъ одинъ № мѣстныхъ или обще-русскихъ газетъ, въ которомъ не было бы заявлено о какой нибудь жертвѣ на пользу Россіи и православія М. Н. Муравьева, или какой нибудь мѣрѣ, способствующей къ укрѣпленію русскаго элемента въ западномъ краѣ Россіи. Ред.

лѣтъ можетъ накопиться около 14000 руб., тогда какъ исчисленная по смѣтѣ сумма на постройку дома составляетъ 32,320 руб. 78 коп., то слѣдовательно ранѣе четырехъ лѣтъ и непредвидѣлось возможности открыть означенное училище.

Посему г. главный начальникъ края, въ видахъ скорѣйшаго приведенія въ исполненіе вышеозначеннаго Высочайшаго повелѣнія, изволилъ назначить въ распоряженіе высокопреосвященнаго Михаила 9000 р. изъ контрибуціонныхъ денегъ по минской губерніи въ дополненіе къ той суммѣ, которая должна образоваться въ теченіе трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ настоящее пособіе дастъ возможность немедленно приступить къ постройкѣ и окончить ее въ теченіе двухъ лѣтъ.

На мѣстѣ воздвигаемыхъ нынѣ православнаго храма и дѣвичьяго училища находился нѣкогда вознесенскій мужескій монастырь. Кто основалъ этотъ монастырь и кто были первые его благотворители—неизвѣстно. Двѣ каменныя плиты съ надгробною надписью 1000 года, находившіяся прежде въ стѣнѣ монастырской Вознесенской церкви, изъ которыхъ одна существуетъ и нынѣ въ стѣнѣ минскаго каѳедральнаго собора, показываютъ, что если не монастырь, то по крайней мѣрѣ церковь существовала уже здѣсь въ XII вѣкѣ, фундаторами или благотворителями которой были Андрей Ивановичъ Масленко, минскій бургомистръ, и жена его Марія Филиповна, имена которыхъ признательные иноки Вознесенскаго монастыря и преемники ихъ съ такою тщательностію сберегли до нашихъ временъ. (Арх. кон. II. 2,759). Достовѣрныя немногія свѣдѣнія о немъ начинаются съ XV вѣка, изъ которыхъ, впрочемъ, можно заключать, что онъ существовалъ и владѣлъ уже населенными землями въ XIV вѣкѣ, а можетъ быть–и раньше. Въ 1492 году королева Елена Ивановна, супруга кор. польск. и в. кн. лит. Александра, къ прежнимъ владѣніямъ сего монастыря придала недвижимое имѣніе «Тростенецъ» съ шестью службами и фундушевую свою запись написала въ напрестольномъ евангеліи, которое въ серебрянномъ окладѣ существовало еще въ XVII вѣкѣ, потомъ неизвѣстно куда дѣвалось. Въ сей записи королевы Елены указывалось и на прежній фундушъ Гавріила Озарича. (Арх. арх. м. д.) Пожертвованіе королевы подтверждено было в. кн. лит. Александромъ и польскими королями, Сигизмундомъ I и III. Около 1570 года, Тростенецъ былъ насильно отнятъ княземъ Петромъ Гор-

скимъ, взамѣнъ котораго преемники его дали Вознесенскому монастырю, при архимандритѣ Паисіѣ, 9 уволокъ земли въ деревнѣ Слѣпнѣ. Кромѣ Тростенца, по инвентарю 1579 г., къ сему монастырю принадлежали: 11 душъ муж., жившихъ подлѣ монастыря, три пляца, «село Ляховые Луки» съ тремя службами, мѣщане подлѣ Пятницкой церкви и дворъ съ хозяйственными постройками за рѣкою Свислочью. По этому же инвентарю значится, что зданія монастырскія: церковь во имя Вознесенія Господня съ двумя придѣлами,—одинъ Благовѣщенія пр. Богородицы, а другой св. Іоанна, трапеза съ церковію Покрова Пр. Богородицы, кельи и другія строенія были деревянныя и обветшалыя. Прежде 1620 г. Антоніемъ Масленко построена была каменная Вознесенская церковь, которая существовала до новѣйшихъ временъ. До начала XVII вѣка монастырь сей пребывалъ въ православіи, но въ 1613 г., по смерти архимандрита Софронія, король Сигизмундъ III, по ходатайству уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя, присоединилъ его къ виленскому ун. св. Троицкому монастырю, а въ 1635 г. ун. митрополитъ Іосифъ Рутскій соединилъ его съ минскимъ ун. св. Духовымъ монастыремъ. Управлялся сей монастырь съ давнихъ временъ архимандритами или игуменами, иногда же, по волѣ королевской,—бѣлыми священниками и даже свѣтскими лицами. Со времени же совращенія его въ унію, минскіе базиліане, пользуясь его имѣніемъ, церковь отдавали бѣлому священнику или же оставляли въ запустѣніи. Такъ въ визитѣ 1681 говорится, что бѣлая церковь, состоя въ вѣденіи минскихъ базиліановъ, находилась тогда въ запустѣніи.

Извѣстные настоятели, въ хронологическомъ порядкѣ, суть слѣдующіе:

1) Прежде 1500—7007 г. отъ сотворенія міра, архимандритъ Іона; онъ давалъ въ долгъ м. мѣщанину Ивану Евлашкевичу пятнадцать копъ широкихъ грошей (гр 171).

Примѣч. 1506 г. Кіевскій воевода, князь Димитрій Путятичъ завѣщалъ сему монастырю 10 копъ грошей на вѣчный уписъ. (Акт. з. Р. т. I. IV. 224).

2) 7007 г. индиктъ 2, сент. 19 дня настоятель Алексѣй. Онъ вмѣстѣ съ братіею купилъ у Ивана Евлашкевича домъ съ гумномъ, съ землею и сѣнокосомъ при крутомъ берегѣ рѣки Свислочи, ниже Хлусова моста, за 20 копъ грошей и 2 коп.

чешской монеты съ тѣмъ, чтобы родственники Евлашкевича, онъ самъ и жена вписаны были въ помянникъ. (гр. 171).

3) Игуменъ Іона. Онъ получилъ отъ в. кн. лит. Александра подтвердительную грамоту на Тростенецъ. (гр. 57)

4) 1513 г. архимандритъ Сергій. Онъ испросилъ у короля Сигизмунда I-го двѣ грамоты, изъ коихъ одною король утверждалъ грамоту Александра, а другою разрѣшалъ устроить домъ убѣжища въ замкѣ, на мѣстѣ данномъ Вознесенскому монастырю отъ минскаго намѣстника, князя Богдана Ивановича Заславскаго. (гр. 4 и 5).

5) 1522 г. архимандритъ Серапіонъ. Онъ испросилъ у короля Сигизмунда I-го двѣ грамоты, освобождавшія монастырскихъ людей отъ платежа мыта и другихъ повинностей. (гр. 2 и 7).

6) Настоятель Сумеонъ Миткевичъ (гр. 8).

7) 1537 г. игуменъ Вассіанъ. Онъ испросилъ у короля Сигизмунда I-го грамоту, освобождающую людей монастырскихъ, наравнѣ съ людьми плебанскими, живущими на костельной землѣ, отъ даванія подводъ и разныхъ платежей въ пользу города (гр. 9 и 80). 1537 г. Сигизмундъ I-й далъ грамоту игумену Вассіану на постройку мельницы у Хлусова моста, на церковной землѣ. (Арх. м. арх. д).

8) 1546 г. архимандритъ Софроній. Онъ испросилъ у короля Сигизмунда Августа грамоту, освобождающую людей монастырскихъ отъ мыта (гр. 12). Онъ же получилъ подтвержденіе королевское на десятину съ земель въ Ворбковичахъ и съ другихъ, на данныхъ сему монастырю отъ Петра и Василія Любичевъ. (Ар. С. М).

Примѣч. 1-е. 1551 г. архимандритъ минскій Вассіанъ получилъ королевскій листъ на архимандрію кіево-печерскую (Арх. слуцк. св. Троиц. мон.)

Примѣч. 2-е. 1550 г. кіевскій митрополитъ Макарій писалъ къ намѣстнику своему Богдану, дабы онъ отдалъ Вознесенскому монастырю земли и сѣнокосъ въ Березовкѣ, купленной архимандритомъ Вассіаномъ у Клирошанъ.

Примѣч. 3-е. 1550 г. кн. Николай Юрьевичъ Радзивиллъ и Иванъ Горностай писали къ м. старостѣ Василію Тышкевичу, чтобы онъ защищалъ Вознесенскій

монастырь отъ обидъ по угодіямъ и не дозволялъ минскимъ обывателямъ отнимать у него поля Мытчинскаго. (Арх. м. арх. д).

Примѣч. 4-е. 1554 г. священникъ Потапъ, управлявшій Вознесенскимъ монастыремъ, по волѣ короля Сигизмунда Августа, у котораго онъ испросилъ грамоту, запрещающую минскимъ мѣщанамъ притѣснять людей монастырскихъ повинностями и сборами. (гр. 15).

Примѣч. 1570 г., по смерти архимандр. Пафнутія, король Сигизмундъ Августъ отдалъ Вознесенскій монастырь во владѣніе дворянину Бакѣ, а вещи и документы сего монастыря велѣлъ представить въ казну (гр. 22). Но поелику дворянинъ Бака не радѣлъ о монастырѣ, не содержалъ въ немъ ни монаховъ, ни священниковъ, такъ что богослуженіе въ немъ прекратилось; то минскій староста Гавріилъ Горностай въ 1576 г. отдалъ сей монастырь въ управленіе дворянину Стефану Достоевскому. (гр. 24).

10) 1579 г. архимандритъ Михаилъ Рагоза, по волѣ короля Стефана Баторія, принялъ монастырь Вознесенскій отъ дворянина Яроцкаго Сенницкаго, пріятеля Достоевскаго. (гр. 27).

11) 1595 г. архимандритъ Паисій изъ игуменовъ Бытенскихъ. Онъ былъ 1594 г. на сборѣ Брестскомъ. Потомъ былъ епископомъ пинскимъ (Ак. з. Р. № 48 и 62 т. IV).

12) 1613 г. архимандритъ Софроній. Послѣ смерти его, по ходатайству митр. Поцѣя и по волѣ короля Сигизмунда III-го, Вознесенскій монастырь присоединенъ былъ къ виленскому уніатскому св. Троицкому монастырю. (гр. 49).

13) 1615 г. архимандритъ, послѣдній православный, Арсеній Масленко; отъ него отнялъ сей монастырь Аѳанасій Покоста, ревнитель уніи (Ар. м. арх. д).

14) 1616 г. Аѳанасій Покоста, вмѣстѣ игуменъ минскій св. Духовскій.

Примѣч. Часть архива сего монастыря находится въ архивѣ минскаго архіерейскаго дома.

Статистическое изслѣдованіе надъ личнымъ составомъ администраціи витебской губерніи.

Успѣхъ администраціи находится въ прямомъ отношеніи къ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ тѣхъ лицъ, кои обязаны быть исполнителями закона и правительственныхъ распоряженій на дѣлѣ. Другими словами, каждая отрасль государственнаго управленія можетъ идти хорошо тогда только, когда члены этого управленія достаточно образованны и достаточно честны. Поэтому, обстоятельныя статистическія изслѣдованія надъ личнымъ составомъ администраціи могутъ принести огромную пользу правительству, давая ему возможность, однимъ взглядомъ, такъ сказать, окинуть организмъ администраціи той или другой мѣстности, того или другаго учрежденія, и, почти ощупью, изслѣдовать тѣ части его, кои или поражены старостію и недугами, или не вполнѣ развиты, и потому мало способны отправлять свое назначеніе. Доселѣ, какъ намъ извѣстно, подобныя изслѣдованія, въ сколько-либо значительномъ объемѣ, вовсе не производились; да, правду сказать, не было къ тому никакой возможности. Формуляръ чиновника составлялъ тайну чуть-ли не для него самаго. Въ издаваемыхъ почти ежегодно въ столицахъ и губернскихъ городахъ адресъ-календаряхъ и памятныхъ книжкахъ печатались списки чиновъ мѣстной администраціи; но что же представляютъ эти списки? Одинъ лишь перечень именъ и фамилій, чиновъ и орденовъ, украшающихъ чиновниковъ; словомъ, одну внѣшнюю, такъ сказать, лицевую, или оффиціальную сторону служащаго. Понятно, что такія данныя не могутъ служить ни для какихъ полезныхъ изслѣдованій и публикуются почти безъ надобности. Памятная книжка витебской губерніи на текущій 1864 годъ первая представила болѣе подробныя и болѣе интересныя данныя о личномъ составѣ чиновъ мѣстной администраціи. Мы находимъ въ ней не только перечень именъ, отчествъ и фамилій всѣхъ вообще служащихъ въ губерніи—по гражданскому, военному и духовному вѣдомствамъ чиновъ, но и указаніе на вѣроисповѣданіе каждаго изъ этихъ лицъ, на мѣсто воспитанія, семейное положеніе, количество получаемаго отъ казны содержанія, возрастъ и годы службы; словомъ, по даннымъ этого, сочиненія, предъ

нами рисуется не какой-либо мертвый коллежскій регистраторъ, положимъ, Ивановъ, о которомъ только, по прежнимъ памятнымъ книжкамъ, и можно узнать, что онъ не имѣетъ бронзовой медали,—а личность извѣстнаго исповѣданія, извѣстной степени образованія, извѣстнаго возраста, съ извѣстнымъ положеніемъ въ семейномъ быту; мы узнаемъ даже средства къ жизни этой личности и продолжительность ея служенія; словомъ мы можемъ составить себѣ весьма опредѣлительное понятіе о лицахъ, упоминаемыхъ въ адресъ-календарѣ витебской памятной книжки, а слѣдовательно, до нѣкоторой степени, судить о соотвѣтствованіи или несоотвѣтствованіи ихъ своему назначенію, о возможности или невозможности для нихъ разумно и честно исполнять свои обязанности.

Пользуясь столь драгоцѣннымъ матеріаломъ, мы, на первый разъ, представляемъ вниманію читателей нижеслѣдующіе общіе выводы о личномъ составѣ администраціи витебской губерніи по *гражданскому вѣдомству*.

Всѣхъ занимающихъ классныя и штатныя мѣста къ 1-му марта 1864 года, за исключеніемъ служащихъ по мировымъ учрежденіямъ и членовъ витебскаго губернскаго статистическаго комитета, а равно, не принимая во вниманіе того, что одно и тоже лицо занимаетъ нѣсколько должностей, было — 1251

Вся эта масса служащихъ, по вѣроисповѣданіямъ, разлагалась такъ:

Православныхъ	532
Католиковъ	562
Лютеранъ	84
Евреевъ [1]	52

и 21 о вѣроисповѣданіи коихъ свѣденій не сообщено.

Сравнивая числа эти между собою, находимъ, что православныхъ чиновниковъ менѣе, чѣмъ католиковъ, не принимая во вниманіе еще того, что въ числѣ лицъ, вѣроисповѣданіе

---

[1]) Въ числѣ чиновъ изъ евреевъ, 1 состоитъ при начальникѣ губерніи, для разныхъ по еврейскимъ дѣламъ порученій, 2 служатъ по учебному вѣдомству, 7 по медицинскому, а остальные состоятъ въ званіяхъ: депутатовъ квартирныхъ коммисій, гласныхъ и ратмановъ.

коихъ не показано, навѣрно, если не всѣ, то большая часть католическаго исповѣданія; но, полагая, что изъ 21 лица неизвѣстнаго исповѣданія только 11 католиковъ, находимъ, что на одного православнаго чиновника приходится по 1,31 иновѣрцевъ. Цифра весьма не утѣшительная, въ-особенности, если принять во вниманіе, что большинство населенія—православные [2]).

Въ-частности, по вѣдомствамъ и учрежденіямъ, численное преобладаніе служащихъ лицъ католическаго исповѣданія предъ православными замѣчается въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а именно: въ губернскомъ правленіи, приказѣ общественнаго призрѣнія, коммисіи народнаго продовольствія, дворянскомъ депутатскомъ собраніи и губернской посреднической коммисіи; здѣсь на 30 православныхъ, приходится 80 католиковъ, не принимая притомъ въ соображеніе тѣхъ 10 лицъ, вѣроисповѣданіе коихъ не показано.

За тѣмъ, въ другихъ учрежденіяхъ, служащіе, въ религіозномъ отношеніи, группируются такъ:

	Прав.	Катол.	Лютер.	Евр.	Неизв	Итого.
По вѣдомству врачебной управы, считая всѣхъ подвѣдомственныхъ ей медицинскихъ чиновъ: врачей, акушеровъ, аптекарей и проч. . . .	12	38	29	6	—	85
По казенной палатѣ, съ уѣздными казначействами	40	71	—	—	2	113
По управленію акцизно-питейными сборами	18	26	3	—	—	47
По палатѣ государственныхъ имуществъ, вмѣстѣ съ лѣснымъ управленіемъ	35	30	3	—	—	68
По губернскимъ судебнымъ мѣстамъ	23	39	—	—	—	62
По строительной коммисіи, съ состоящими въ губерніи офицерами корпуса путей сообщенія	17	7	5	—	—	29
По телеграфному вѣдомству . .	4	3	17	—	—	24

[2]) Изъ 776,755 обоего пола жителей губерніи: православныхъ м. п. 218,857, ж. п. 221,120; единовѣрцевъ: м. п. 1268, ж. п. 1382; раскольниковъ: м. п. 21,978, ж. 22,886; протестантовъ: м. п. 6148, ж. п. 6195; евреевъ м. п. 33,770; ж. 36,750; католиковъ же м. п. 101,309, а ж. 105,072; слѣдовательно, общее число ихъ относится ко всей массѣ народонаселенія, какъ 2 къ 7,7.

	Прав.	Катол.	Лютер.	Евр.	Неизв.	Итого.
По почтовому вѣдомству . . .	23	10	1	—	—	34
По вѣдомству народнаго просвѣщенія, т. е. по дирекціямъ: витебской и динабургской	69	32	10	4	9	124
Въ уѣздныхъ присутственныхъ и судебныхъ мѣстахъ:						
Министерства внутреннихъ дѣлъ .	153	86	5	24	—	268
Министерства юстиціи	100	137	9	17	—	263
Причисляя сюда губернскія присутственныя мѣста и учрежденія министерства внутреннихъ дѣлъ [1]) . .	38	83	2	1	10	134
Оказывается въ числѣ служащихъ по гражданскому вѣдомству губерніи всего	532	562	84	52	21	1251

Эта таблица, между прочимъ, показываетъ: а) что въ учрежденіяхъ, вновь образованныхъ, каково управленіе акцизно-питейными сборами, католики заняли гораздо большее число мѣстъ, чѣмъ православные; б) что чины перваго изъ названныхъ вѣроисповѣданій наиболѣе скоплены въ учрежденіяхъ съ большими окладами и в) что въ числѣ воспитателей юношества католики составляютъ почти третью часть.

Относительно *воспитанія*, служащія лица могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи, именно: на воспитывавшихся дома и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и на воспитывавшихся въ низшихъ, среднихъ и высшихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

На этомъ основаніи, данныя, для опредѣленія уровня образованія въ классѣ служащихъ по гражданскому вѣдомству губерніи лицъ, выражаются слѣдующими числами:

---

[1]) Въ число этихъ учрежденій включена и канцелярія начальника губерніи, гдѣ изъ 13 чиновъ: православныхъ 8, католиковъ 3, лютеранъ 1, евреевъ 1.

Изъ числа служащихъ.	Воспитывалось въ заведеніяхъ: Высшихъ.	Среднихъ.	Низшихъ.	Дома и въ част.	Неизвѣстно.	Итого.
Въ губернскихъ учрежденіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ . .	7	57	40	28	2	134
По вѣдомству врачебной управы .	80	3	—	—	2	85
— — казенной палаты .	—	25	48	40	-	113
— — акцизно - питейнаго управленія	5	22	13	7	—	47
— — палаты государственныхъ имуществъ	11	42	7	8	—	68
Въ губернскихъ судебныхъ мѣстахъ	5	36	11	10	—	62
Въ учрежденіяхъ вѣдомства главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій	7	13	6	2	1	29
По вѣдомству телеграфному . .	1	9	7	7	—	24
— — почтовому . . .	1	10	13	10	—	34
— — народнаго просвѣщенія . . , ...	41	45	24	14	—	124
Въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ:						
Министерства внутреннихъ дѣлъ .	3	72	63	130	—	268
— юстиціи	3	75	64	121	—	263
Итого . .	164	409	296	377	5	1251

Изъ таблицы этой усматривается, что наибольшее число лицъ, съ высшимъ образованіемъ, служитъ по вѣдомствамъ медицинскому и учебному; затѣмъ, по вѣдомствамъ путей сообщенія, палаты государственныхъ имуществъ и акцизно-питейнаго управленія. Изъ 531 служащаго въ уздныхъ судебныхъ мѣстахъ и управленіяхъ, оказывается только 6 человѣкъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, т. е. почти одинъ на сто, а по вѣдомству казенной палаты ни одного.

Воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній наиболѣе въ палатѣ государственныхъ имуществъ, строительной и дорожной коммисіи и губернскихъ судебныхъ мѣстахъ, а наименѣе по вѣдомствамъ врачебному и казенной палаты; но по первому изъ нихъ преобладаютъ весьма значительно воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, а по послѣднему низшихъ и частныхъ.

Вообще, выражая воспитаніе домашнее и частныхъ учебныхъ заведеній единицей, низшихъ—двумя, среднихъ—тремя, а высшихъ—четырмя, получимъ слѣдующіе результаты умственнаго образованія для каждаго изъ названныхъ нами учрежденій

и вѣдомствъ, расположенные въ нисходящемъ порядкѣ, а именно: для врачебной управы 3,9, по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія 3.0; по строительной и дорожной коммисіи, съ корпусомъ путей сообщенія, 2,9; для палаты государственныхъ имуществъ 2,8; губернскихъ судебныхъ мѣстъ 2,6; управленія акцизно-питейныхъ сборовъ 2,5; по вѣдомствамъ: телеграфному 2,1, почтовому и для губернскихъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ 2,0; для казенной палаты 1,9; наконецъ, для уѣздныхъ судебныхъ присутственныхъ мѣстъ 1,8, а общій результатъ степени умственнаго развитія чиновъ гражданскаго управленія 2,28. т. е. на 0,72 ниже гимназическаго, семинарскаго и кадетскаго образованія. Цифра весьма неутѣшительна, тѣмъ болѣе, что ее скорѣе можно считать значительно увеличенной, нежели уменьшенной, такъ какъ въ первые три разряда воспитанія помѣщены не только тѣ, кои окончили полный курсъ наукъ въ высшихъ, среднихъ или низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но всѣ тѣ, кои хотя бы нѣкоторое время въ этихъ заведеніяхъ находились: [1]) по этой причинѣ, мы нисколько не ошибемся, если назначимъ общимъ результатомъ губернскаго чиновничьяго образованія 2, т. е. цифру, выражающую воспитаніе въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ,

Статистическія изслѣдованія домашняго положенія служащихъ также не лишены интереса, а сравнивая общіе объ этомъ выводы съ выводами о содержаніи и прочемъ, находимъ даже важность и пользу подобныхъ соображеній.

Изъ 1251 [2]) служащаго лица, семейныхъ, т. е. женатыхъ и замужнихъ, или хотя и вдовыхъ, но неимѣющихъ дѣтей,—807, а холостыхъ и вообще несемейныхъ, т. е. вдовцовъ и вдовъ, неимѣющихъ дѣтей,—443.

Изъ этого видно, что семейные почти вдвое больше числомъ холостыхъ. Въ-частности, по вѣдомствамъ, домашнее положеніе служащихъ лицъ выражается слѣдующею вѣдомостью.

[1]) Подтвержденіемъ нашихъ словъ, между прочимъ, можетъ служить тотъ фактъ, что въ послѣднее десятилѣтіе, съ 1853 по 1863 годъ, изъ 3262 воспитанниковъ гимназіи, окончило полный курсъ только 178.

[2]) Одинъ неизвѣстенъ.

	Семейныхъ.	Холостыхъ.	Неизвѣстно.	Итого.
Въ губернскихъ учрежденіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ	72	61	1	134
По вѣдомству: врачебной управы	39	46	—	85
— — казенной палаты	64	49	—	113
— — акцизно-питейнаго управленія	21	26	—	47
— — палаты государственныхъ имуществъ	38	30	—	68
Въ губернскихъ судебныхъ мѣстахъ	40	22	—	62
Въ учрежденіяхъ вѣдомства главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій	20	9	—	29
По вѣдомствамъ: телеграфному	14	10	—	24
— — почтовому	25	9	—	34
— — народнаго просвѣщенія	78	46	—	124
Въ уѣздныхъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстахъ	396	135	—	531
Итого	807	443	1	1251

Эта таблица показываетъ, что по всѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ, за исключеніемъ врачебной управы и акцизно-питейнаго управленія, число семейныхъ служащихъ преобладаетъ надъ числомъ холостыхъ, что въ-особенности замѣчается между служащими въ уѣздныхъ судебныхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ на одного холостаго приходится почти три семейныхъ.

Что число семейныхъ чиновниковъ въ уѣздахъ значительно превышаетъ число холостыхъ, это, до нѣкоторой степени, объясняется отсутствіемъ въ уѣздахъ общественной жизни, скучной и неимѣніемъ возможности проводить свободныя отъ службы минуты сколько-нибудь пріятно. Но какъ объяснить перевѣсъ холостяковъ между служащими по врачебному и акцизно-питейному вѣдомствамъ? Вѣдь жизнь этихъ и другихъ сравнительно хорошо обезпечена. Ужь не прійти-ли къ заключенію, что обиліе матеріальныхъ средствъ къ жизни уменьшаетъ, до нѣкоторой степени, расположеніе къ браку. Но такое заключеніе, очевидно, не можетъ имѣть мѣста. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію изложенныхъ въ слѣдующей таблицѣ данныхъ, о вознагражденіи служащихъ жалованьемъ отъ казны.

	П О Л У Ч А Ю Т Ъ.														
	Менѣе 100 р.	Отъ 100–150.	Отъ 150–200.	Отъ 200–300.	Отъ 300–400.	Отъ 400–500.	Отъ 500–750.	Отъ 750–1000.	Отъ 1000–1500.	Отъ 1500–2000.	Отъ 2000–3000.	Отъ 3000–4000.	Болѣе 4000.	Неполучающихъ или содержаніе коихъ неизвѣстно.	Итого.
По вѣдомствамъ: Въ губернскихъ учрежденіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ . .	2	13	19	30	25	10	9	5	3	—	1	—	—	17	134
По вѣдомствамъ: Врачебной управы .	13	1	4	16	2	3	4	—	—	—	—	—	—	42	85
Казенной палаты .	—	21	23	31	7	20	6	2	2	—	—	—	1	—	113
Акцизно-питейнаго управленія . . .	—	—	—	—	—	—	9	1	25	9	3000 Р. 1	1	1	—	47
Палаты государственныхъ имуществъ . . .	—	1	—	14	9	17	13	8	5	—	—	—	—	—	68
Въ губернскихъ судебныхъ мѣстахъ . . .	—	12	—	26	9	3	3	2	2	2	1	—	—	2	62
Въ учрежденіяхъ главнаго управленія путей сообщенія	—	—	—	8	3	8	4	4	1	—	—	1	—	—	29
По телеграфному управленію	—	—	—	—	8	5	7	2	2	—	—	—	—	—	24
По почтовому вѣдомству	—	17	13	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	34
По вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	—	9	2	25	20	20	16	11	2	1	1	—	—	17	124
Въ уѣздныхъ присутственныхъ и судебныхъ мѣстахъ	—	30	39	69	33	33	32	20	16	11	—	—	—	242	535
Итого . .	15	104	100	222	115	125	103	55	58	23	4	3	2	302	1255

Цифры этой таблицы, представляя приблизительно всѣ степени матеріальнаго вознагражденія труда служащихъ по разнымъ вѣдомствамъ, уже сами по себѣ вызываютъ разныя мысли и соображенія; но мы не будемъ пока на нихъ останавливаться, и опредѣлимъ среднюю величину содержанія по вѣдомствамъ и учрежденіямъ вообще, по семейному положенію чиновниковъ и по вѣроисповѣданіямъ ихъ.

Средняя величина годоваго вознагражденія служащаго по гражданскому вѣдомству витебской губерніи лица, за исключеніемъ писцовъ по министерствамъ и управленіямъ, въ круглыхъ числахъ, простирается:

Въ учрежденіяхъ Министерствъ:

Внутреннихъ Дѣлъ — — — — —	до	557 р.
Юстиціи — — — — — — — —	»	277 р.
Финансовъ, по вѣдомствамъ: казенной палаты	»	341 р.
Акцизно-питейному — — — — —	»	1259 р.
Государственныхъ имуществъ — — —	»	558 р.
Народнаго просвѣщенія — — — —	»	385 р.
Главнаго управленія путей сообщенія — —	»	582 р.
По телеграфному вѣдомству — — —	»	542 р.
— почтовому — — — — — — —	»	157 р.

Что касается распредѣленія жалованья между семейными и холостыми, то на долю первыхъ приходится 287,482 р., а на долю послѣднихъ 150,946 р., т. е. среднимъ числомъ на семейнаго 482, а на холостаго 404 р.

Относительно вѣроисповѣданій, даваемое казною служащимъ вознагражденіе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

446 православныхъ чиновниковъ получаютъ всего 212,590 р., на каждаго по 476 рублей; 464 католика 185,032 р., на каждаго по 398 р.; 48 лютеранъ 38,861 р., на каждаго по 810 р., 5 евреевъ 1,907 р., на каждаго 381 р.

Изъ приведенныхъ нами данныхъ распредѣленія жалованья между служащими, оказывается: а) что найболѣе обезпечены въ этомъ отношеніи чины акцизно-питейнаго управленія, наименѣе чины почтоваго вѣдомства; б) что распредѣленіе жалованья по вѣдомствамъ вовсе не соотвѣтствуетъ трудамъ служащихъ; ибо какъ можно, напримѣръ, сравнить въ параллель трудъ почтоваго чиновника съ трудомъ офицера телеграфнаго вѣдомства, а между тѣмъ послѣдній получаетъ почти вчетверо больше перваго. Можно-ли также ставить въ параллель серьезныя занятія по учебному вѣдомству и министерству юстиціи съ занятіемъ чиновника акцизнаго вѣдомства? Однакожъ послѣдній получаетъ въ $3^1/_3$ раза болѣе перваго и въ $4^1/_2$ раза болѣе втораго. Странно также, почему трудъ служащихъ по прочимъ вѣдомствамъ оплачиваеося гораздо менѣе, чѣмъ по акцизно-питейному управленію, хотя каждый, сколько-либо знакомый съ обязанностями гражданскаго чиновника, очень хорошо знаетъ, какъ мало нужно знаній и труда, чтобы исполнять обязанности службы по этому вѣдомству, сравнительно съ другими. Мы не можемъ также объяснить тотъ поразительный фактъ, что чи-

новники изъ лютеранъ, въ общей сложности, получаютъ почти вдвое болѣе жалованья, чѣмъ служащіе прочихъ вѣроисповѣданій; пытались было объяснить это явленіе образованіемъ нѣмцевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но попытка намъ вполнѣ не удалась.

Нельзя также не остановиться предъ тѣмъ фактомъ, что на долю семейнаго чиновника приходится 482 р., а на холостаго 404 р., и что послѣдніе составляютъ нѣсколько болѣе трети всего числа служащихъ. Въ такомъ государствѣ, какъ наше отечество, гдѣ, при необъятномъ пространствѣ, народонаселеніе такъ рѣдко, что въ общей сложности едва приходится въ Европейской Россіи по 617, а въ Азіатской только по 28 человѣкъ на квадратную милю, поощреніе къ брачной жизни должно составлять одну изъ главныхъ заботливостей правительства. Разсчитывать на заселеніе нашихъ безпредѣльныхъ степей и пустынь путемъ одной лишь колонизаціи эмигрантовъ изъ двухъ государствъ—мечта несбыточная, не говоря уже о томъ, что всякій призывъ иностранцевъ на наши отечественныя земли естественно ослабитъ развитіе русскаго элемента. Вотъ почему намъ кажутся не безполезными поощрительныя мѣры къ поддержкѣ въ классѣ чиновниковъ стремленія къ брачной жизни.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію возраста чиновниковъ и продолжительности службы ихъ въ разныхъ вѣдомствахъ. [1])

Эти цифры вызываютъ насъ на глубокое размышленіе и могутъ послужить немаловажными данными для правильной расцѣнки труда чиновника; но мы не будемъ останавливаться на нихъ, а сдѣлаемъ хоть краткій выводъ изъ нашего изслѣдованія, т. е. охарактеризуемъ, на основаніи приведенныхъ нами числовыхъ данныхъ, нѣсколькими словами, вообще личный составъ нашей губернской администраціи.

Вотъ наше заключеніе: составъ гражданскаго управленія витебской губерніи, даже къ 1 марта настоящаго года, сохранилъ на себѣ слѣды сильнаго вліянія польско-католической партіи, вслѣдствіе коего еще и нынѣ, кромѣ численнаго преобладанія католиковъ чиновниковъ предъ чинами православнаго и другихъ исповѣданій, нѣкоторыя учрежденія почти исключитель-

---

[1]) Здѣсь мы пропустили, по недостатку мѣста, нѣсколько любопытныхъ таблицъ, касательно возраста чиновниковъ. Ред. Вѣст.

но замѣщены ими, такъ напримѣръ: дворянское депутатское собраніе и губернская посредническая коммиссія, гдѣ, изъ 47 наличныхъ служащихъ лицъ, православныхъ 3, лютеранъ 1, а р. католиковъ 43; даже въ уѣздныхъ казначействахъ изъ 64 чиновниковъ, католиковъ 51: большее число чиновниковъ этого вѣроисповѣданія скоплено въ палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда.

Степень образованности чиновничьяго класса мы опредѣлили уже прежде: оно не превышаетъ уровня образованія низшихъ учебныхъ заведеній, но въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ не достаетъ даже и этой высоты. Говоря вообще, православные чиновники лучше приготовлены къ службѣ, чѣмъ католики, такъ какъ между первыми много воспитанниковъ семинарій, изъ коихъ молодые люди выходятъ съ большимъ запасомъ серьозныхъ знаній.

Весьма замѣтное стремленіе витебскихъ чиновниковъ къ брачной жизни, хотя и полезно для государства, въ видахъ экономическихъ и, пожалуй, въ православныхъ; но какъ оно, при ограниченности содержанія, неразлучно ведетъ чиновника къ еще болѣе изолированной и бѣдной, труженической жизни, весьма невыгодно вліяетъ и на умственныя и на тѣлесныя силы его; то, естественно, что и это обстоятельство, т. е. значительное преобладаніе числа семейныхъ чиновниковъ надъ холостыми, невсегда можно считать для службы благопріятнымъ. При внимательномъ разсмотрѣніи приведенныхъ нами данныхъ, усматриваемъ, что наиболѣе стремленія къ брачной жизни обнаруживается въ тѣхъ учрежденіяхъ, кои имѣютъ низшій уровень умственнаго развитія и меньшія матеріальныя средства; но плохъ расчетъ бѣднаго чиновника-труженника—замѣнить недостатокъ необходимаго развлеченія и необходимыхъ матеріальныхъ средствъ брачною жизнію!

Что касается матеріальнаго обезпеченія служащихъ, то, хотя оно, судя по общимъ среднимъ выводамъ и по сравнительно не слишкомъ дорогой жизни въ Витебскѣ и уѣздныхъ городахъ, и можетъ считаться достаточнымъ; но, при разсмотрѣніи распредѣленія жалованья по вѣдомствамъ и наконецъ между чинами одного и того жъ учрежденія, находимъ значительную неравномѣрность, въ особенности рѣзко выказывающуюся между оцѣнкой трудовъ по акцизно-питейному, почто-

вому и учебному вѣдомствамъ, по учрежденіямъ министерствъ юстиціи и финансовъ.

Но уже настало время, когда русскій элементъ обильнымъ потокомъ проникаетъ въ составъ нашей губернской администраціи, когда заботливое правительство постоянно болѣе и болѣе увеличиваетъ матеріальныя средства служащихъ, когда просвѣщеніе стучится даже въ двери лачуги бѣдняка и когда общественное мнѣніе вступило во всѣ права контролера дѣйствій каждаго изъ служащихъ лицъ; можно ли послѣ всего этого сомнѣваться, что изслѣдованія надъ личнымъ составомъ нашей администраціи, не далѣе, какъ въ будущемъ году, представятъ совершенно другіе выводы.

Пусть же настоящія данныя сохранятся на память потомства и послужатъ матеріаломъ для безпристрастной оцѣнки достойныхъ всякой похвалы дѣйствій лицъ высшей администраціи, съумѣвшихъ, при такихъ ничтожныхъ средствахъ, удержать управленіе края въ должномъ порядкѣ и не подвергнуть его болѣе серьезнымъ волненіямъ. [1])

Петербургъ и Варшава. Въ Лондонѣ вышла брошюра О'Бріена подъ заглавіемъ: «Петербургъ и Варшава, или событія, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, пребывая въ Польшѣ и Россіи въ 1863 и 1864 годахъ». Можемъ сообщить читателямъ нѣкоторые любопытные отрывки изъ этой брошюры, отличающейся глубокимъ знаніемъ грустныхъ причинъ возстанія и которая была причиною отчасти того, что Англія перемѣнила свои ложныя понятія о польскомъ возстаніи. «Если бъ исторія послѣдняго возстанія въ Польшѣ, сказано тамъ между прочимъ, была извѣстна надлежащимъ образомъ въ Англіи, то общественное мнѣніе ея подверглось бы быстрой перемѣнѣ, и тѣхъ, которые разработывали въ свою пользу польскій патріотизмъ и

---

[1]) Желалось бы встрѣтить, хоть одинъ разъ въ годъ, статьи подобнаго содержанія и въ другихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ желалось бы, чтобъ итоги были вѣрнѣе.

Ред.

были причиною безплоднаго пролитія крови, встрѣтило бы всеобщее презрѣніе. Духъ анархіи, распространенный французской революціей и такъ часто принимаемый ошибочно за духъ свободы, которая пробудилась въ ту же эпоху,—насчитывалъ съ начала этой эпохи много своихъ защитниковъ (покровителей) и своихъ мучениковъ во всей Европѣ. Анархія такъ часто принимаетъ оттѣнокъ, названіе и тонъ свободы, что ослѣпленная толпа увлекается призракомъ и становится орудіемъ самыхъ дикихъ, самыхъ варварскихъ злодѣяній... Въ этомъ я убѣдился окончательно во время послѣдняго пребыванія моего въ Варшавѣ. Прибылъ я въ этотъ городъ, пропитанный, если можно такъ выразиться, наслѣдственнымъ раздраженіемъ каждаго англичанина противъ гнета, но я замѣтилъ вскорѣ—признаюсь откровенно—что поляки слѣдуютъ по ложному пути, что ихъ патріотическія чувства разработывали революціонеры, что они попали въ руки революціонеровъ по ремеслу, которые намѣревались организовать революцію въ Польшѣ. Поляки поняли, наконецъ, свое заблужденіе, но не могли выпутаться изъ сѣтей *народнаго правительства*. «Ничто не можетъ быть плачевнѣе настоящаго положенія Польши, и по этому предмету я буду говорить громко и энергически. Революціонеры—космополиты, главная квартира которыхъ—въ Лондонѣ и Парижѣ, довершивъ свое дѣло въ Италіи, обратили взоры свои на Польшу, гдѣ нашли личностей подобныхъ себѣ. Нѣтъ безумія, нѣтъ неистовства, которыхъ бы полякъ не сдѣлалъ, въ случаѣ если таковыя представлены ему подъ видомъ патріотизма. Революціонеры знали эту слабость поляковъ и потому взволновать умы послѣднихъ имъ было не трудно, а поляки, отуманенные дымомъ воспламенившагося ихъ собственнаго воображенія, не могли угадать цѣлей, какими руководились ихъ совѣтники. Ихъ отуманили перспективой революціи, организованной основательнымъ образомъ, имѣющей свои вѣтви во Франціи и Англіи, черпающей оттуда матеріальныя силы. Вообразили себѣ, что эмиссары выражали дѣйствительныя чувства Франціи и Англіи. Дворянство поспѣшило съ пожертвованіемъ громадныхъ денежныхъ суммъ а агитаторы, снабженные тѣмъ, чего имъ не доставало, принялись немедленно за дѣло. Пользуясь опытностію, пріобрѣтенною ими въ другихъ странахъ, они установили то, что называлось у нихъ народнымъ правительствомъ—учрежденіе, покрытое такою

таинственностію для непосвященныхъ въ его тайны, что можно было бы принять его за призракъ», еслибъ декреты его не исполнялись повсюду съ роковою точностію. Могущественнѣйшимъ оружіемъ въ рукахъ революціонеровъ были такъ называемые жандармы-вѣшатели Это былъ родъ тайной полиціи, организованной превосходно, раздѣленной во всей странѣ на банды по два, три до двадцати и тридцати человѣкъ и слѣдящіе за потребностями мѣстности, въ которой были расположены. Люди эти были по большей части иностранцы; тѣ же изъ нихъ, которые родились въ Польшѣ и были поляками, принадлежали къ отребію человѣчества, какое находится во всѣхъ странахъ свѣта, освоившіеся съ преступленіемъ и готовые къ убійству за деньги. Изъ такихъ-то элементовъ состояли банды жандармовъ-вѣшателей. Эти бандиты, переодѣвавшіеся въ разнообразнѣйшія платья, прогуливались по улицамъ, вооруженные кинжалами и убивали людей, приговоренныхъ революціоннымъ правительствомъ къ смертной казни. Съ начала безпорядковъ, было почти невозможно задержать котораго нибудь изъ этихъ убійцъ: такъ искусно переодѣвались они. Свою ужасную работу они начинали обыкновенно въ сумерки, пока замѣтно на улицахъ движеніе, чтобы пользоваться такимъ образомъ двойною выгодою, то есть темнотою ночи и присутствіемъ проходящихъ. Все происходило самымъ спокойнымъ образомъ, жертва падала, и когда вокругъ ея собирались проходящіе, то находили человѣка умирающаго или уже умершаго, въ слѣдствіе удара, нанесеннаго опытной рукой... Можно допустить, что когда дѣло приняло подобный оборотъ, не одинъ благородный полякъ и помѣщикъ, который пособлялъ революціи, понялъ свое заблужденіе. Может быть, замѣтили они, что попали въ руки революціонеровъ по ремеслу, и что вмѣсто того, чтобы принести пользу отечеству, они сдѣлались лишь орудіями людей, не признающихъ никакого другаго закона, кромѣ кинжала. Но представленія ихъ были напрасны, они не могли вырваться изъ объятій призрака, котораго пригласили... Замѣтили, что и душа ихъ и тѣло проданы тайному обществу, которое, какъ-то сказалъ Кошутъ, *съумѣетъ заставить слушать себя*. Поляки хотѣли было выйти изъ западни, въ которую попали, но выходъ въ нее былъ загроможденъ кинжалами... Тѣ, которые управляли революціей, понимали свое дѣло превосходно и съумѣли обмануть европейскую прессу. Я

говорю здѣсь о прессѣ во Франціи и Англіи, гдѣ сочувствіе къ полякамъ было безпредѣльно. Корреспонденты, съ обѣихъ сторонъ канала, издавали единогласно громкіе крики противъ враговъ и угнетателей Польши, но, къ несчастію, они не знали о томъ, что, дѣлая это, сами они были врагами и угнетателями поляковъ въ послѣднемъ возстаніи. Можетъ быть, не найдется ни одного человѣка въ Англіи, который бы не былъ обманутъ на счетъ настоящаго характера этого возстанія. Англійское правительство было обмануто тоже, и вмѣшательство Англіи въ дѣло Польши было слѣдствіемъ того, что правительство ея считало польское движеніе народнымъ. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ узналъ о томъ, что англійскіе министры не понимаютъ настоящаго характера возстанія и что *революція*, такъ удачно начатая и такъ ужасно веденная, была дѣломъ революціонеровъ космополитовъ... Какъ скоро узнали объ этомъ англійскіе министры, они почувствовали, что ихъ вмѣшательство было несвоевременно, и отступили... Любопытнѣе всего то, что заговорщики, руководившіе возстаніемъ, сдѣлали Россіи величайшую услугу. Два могущественнѣйшіе народа Европы высказали открыто свое сочувствіе къ полякамъ, а представленія, учиненныя ихъ правительствами, доходили даже до угрозъ. Патріотизмъ русскихъ былъ возбужденъ въ высшей степени. Ихъ народная честь была оскорблена, ихъ государству угрожали. Они засвидѣтельствовали готовность умереть за Царя и Отечество. Никогда, даже въ началѣ крымской войны, русскій народъ не былъ такъ наэлектризованъ. Не Императоръ Россійскій и не князь Горчаковъ отвѣчали на непріязненную ноту, а 60 милліоновъ русскихъ, разгнѣванныхъ и оживленныхъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ.»

Во время бытности моей въ влоцлавскомъ уѣздѣ, я просилъ тамошняго губернатора князя Витгенштейна сообщить мнѣ краткій обзоръ собранныхъ имъ во время возстанія замѣчаній; съ тѣмъ вмѣстѣ я спросилъ его, что думаетъ онъ объ организаціи такъ называемой «народной жандармеріи». По этому предмету князь написалъ мнѣ предлинное письмо, которое согласно вполнѣ со всѣми подробностями, слышанными мною изъ разсказовъ другихъ лицъ. Письмо это, въ которомъ князь разсказываетъ подробно о «жандармахъ-вѣшателяхъ» и объ уси-

ліяхъ, предпринятыхъ имъ къ искорененію этого вреднаго элемента, прилагаю здѣсь цѣликомъ:

«Учрежденіе народной жандармеріи, которую жители, съ свойственнымъ имъ остроуміемъ, назвали весьма удачно жандармами-вѣшателями, имѣло первоначальною задачею принуждать народъ помощію силы и систематическаго терроризма къ тому, чего не могло получить революціонное правительство въ Польшѣ ни патріотическими рѣчами, ни обѣщаніями, ни могущественнымъ вліяніемъ духовенства, то есть участвованія въ возстаніи 1863 года крестьянъ и аристократіи. Первыя варварскія дѣйствія этихъ вѣшателей произошли, если не ошибаюсь, въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Избранная изъ отребія городской черни, состоящая исключительно изъ злодѣевъ, наказанныхъ неоднократно за свои преступленія, и разнаго рода бродягъ,— такъ называемая «народная жандармерія» вдругъ усилилась вездѣ и почти единовременно. Въ теченіе нынѣшняго времени она мѣшала крестьянамъ содѣйствовать возстановленію порядка, но въ окончательномъ результатѣ содѣйствовала возстановленію спокойствія въ странѣ болѣе, чѣмъ всѣ мѣры правительства, потому что заставила народъ смотрѣть на вещи съ настоящей точки зрѣнія и представила ему страшную будущность разрушенія и рѣзни, въ случаѣ, если бы Польшу отдали на добычу партіи, которая употребляла такихъ союзниковъ, какъ члены ея. Словомъ, дѣйствія жандармовъ-вѣшателей произвели сильную реакцію въ пользу порядка и законнаго правительства, реакцію, распространившуюся во всѣхъ сферахъ общества и во всѣхъ частяхъ царства Польскаго. Разсѣянные небольшими отрядами по 3 и 4 человѣка по всѣмъ деревнямъ, подобно индійскимъ тогамъ, они окружали какъ бы сѣтію всю страну, подчиняясь во всемъ распоряженіямъ уѣздныхъ офицеровъ, которые въ свою очередь получали приказанія отъ начальниковъ воеводствъ и изъ Варшавы. Обязанностію этихъ людей было собираніе, помощію угрозъ, такъ называемыхъ народныхъ податей, преслѣдованіе неблагопріятствующихъ возстанію крестьянъ, и вообще заставленіе послѣднихъ, помощію истязаній, варварствъ и безчисленныхъ убійствъ, принимать участіе въ возстаніи. Укрываясь днемъ въ лѣсахъ и производя свои безчинства ночью, они служили часто проводниками войскамъ, посланнымъ для ихъ преслѣдованія и тѣже крестьяне, которые

были предметами ихъ притѣсненій, укрывали ихъ или помогали имъ спасаться бѣгствомъ, зная, что еслибъ сдѣлали иначе, то немедленнымъ послѣдствіемъ этого были бы пожаръ ихъ домовъ и висѣлицы. Случалось неоднократно, что слово ребенка, или какого нибудь пьянаго крестьянина, какая нибудь сплетня въ деревнѣ подавали поводъ къ умерщвленію цѣлыхъ семействъ или сожженію ихъ домовъ; замедлѣніе въ посылкѣ требуемыхъ припасовъ или подводъ, недостатокъ денегъ для уплаты контрибуцій, называемыхъ *добровольными*, служило часто поводомъ къ ужаснымъ наказаніямъ виновниковъ, а чаще всего къ убійству ихъ; если же человѣку, которому угрожали смертію, удалось спастись бѣгствомъ, то семейство его должно было уплатить за него долгъ «мести народа». Патруль, который былъ посланъ мною—въ окрестности Винцента въ августовской губерніи, нашелъ все семейство повѣшеннымъ за то, что отецъ, не желавшій участвовать въ возстаніи, спасся бѣгствомъ! Семейство это, всѣ члены котораго были повѣшены этими извергами, состояло изъ жены этого человѣка и его пятерыхъ дѣтей. Во время военной экспедиціи въ іюлѣ, я встрѣтилъ въ Райградѣ (въ той же губерніи) отставнаго русскаго офицера, капитана Ничаева, который, подозрѣваемый начальникомъ жандармовъ-вѣшателей, былъ приговоренъ имъ къ смерти Узнавъ объ этомъ отъ своихъ друзей, онъ успѣлъ скрыться. Злодѣи, не найдя нигдѣ приговореннаго ими къ смерти, захватили его жену, мать и четверыхъ дѣтей. Этотъ несчастный просилъ меня помочь ему отыскать его семейство. Спустя два дня, я получилъ донесеніе отъ военнаго начальника августовскаго уѣзда о томъ, что въ линскомъ лѣсу найдено мертвое тѣло госпожи Ничаевой, повѣшенной на деревѣ. Одной пожилой дамѣ, владѣтельницѣ имѣнія по близости Сопицка, нанесли побои за то, что она не приготовила къ назначенному времени требуемыхъ жандармами-вѣшателями подводъ. Вотъ какимъ образомъ глашатаи польскаго народнаго дѣла объявляли населенію страны освобожденіе и возрожденіе своего отечества. Существовали и такія банды жандармовъ-вѣшателей, какъ напр. банда Бончи,—которыя, проходя по деревнямъ, въ каждой изъ нихъ вѣшали одного или двухъ крестьянъ, единственно для поддержанія чувства боязни въ послѣднихъ. Бончи былъ первоначально лакеемъ, котораго выгнали за воровство. Свою политическую карьеру

онъ началъ повѣшеніемъ своего бывшаго господина. Въ слѣдствіе этихъ постоянныхъ угрозъ, поселяне до того упали духомъ, что, погруженные въ родъ апатіи, они позволяли себя рѣзать, какъ барановъ. Во время бытности моей въ Сувалкахъ, въ деревнѣ, расположенной, если не ошибаюсь, по близости Сейны, появился однажды жандармъ-вѣшатель. Собравъ крестьянъ деревни, онъ сказалъ имъ предлинную рѣчь, о томъ, что недостатокъ въ нихъ патріотизма долженъ быть наказанъ. Затѣмъ выбралъ изъ нихъ четырехъ и повѣсилъ этихъ несчастныхъ, въ присутствіи крестьянъ, безъ малѣйшаго со стороны ихъ сопротивленія. Нѣмецкій колонистъ Беме, который указалъ однажды властямъ мѣсто укрывательства одного жандарма-вѣшателя, получилъ неизвѣстно отъ кого требованіе явиться въ судъ города Гомбина. Прибывъ въ городъ, онъ былъ захваченъ тремя безоружными людьми и увезенъ за городъ. Разъѣзжая съ нимъ по окрестностямъ, люди эти подвергали его страшнымъ истязаніямъ. Прибывъ въ домъ одного помѣщика, котораго фамилію я не упомяну, злодѣи остановились и потребовали водки. Пока они угощались, жертва ихъ пыталась спастись бѣгствомъ. Убійцы преслѣдовали ее вмѣстѣ съ помѣщичьими слугами, а дочь помѣщика смотрѣла на все это изъ окна. Вскорѣ его поймали, за тѣмъ послѣдовали страшныя истязанія, въ слѣдствіе которыхъ несчастный колонистъ скончался. Убійцы возвратились вторично и повѣсили въ насмѣшку трупъ своей жертвы на евангелическомъ кладбищѣ. Узнавъ объ этихъ ужасныхъ подробностяхъ, я рѣшился дѣйствовать энергически въ томъ убѣжденіи, что дѣйствуя подобнымъ образомъ, я спасу многимъ жизнь. Я подвергнулъ городъ Гомбинъ контрибуціи въ 3,000 р. сер., а дома, которые были свидѣтелями преступленія, были, по моему распоряженію, разрушены до основанія. Въ слѣдствіе этой мѣры, три злодѣя были выданы въ теченіе трехъ дней властямъ самими крестьянами, которые, небудь этой мѣры, не посмѣли бы рѣшиться на подобный шагъ. Одинъ изъ этихъ извергов былъ нѣмецъ Мюллеръ. Всѣ трое были повѣшены безъ суда въ Гомбинѣ. Любопытенъ тотъ фактъ, что третья часть этихъ жандармовъ вѣшателей состоитъ изъ иностранцевъ, по большей части пруссаковъ. Недавно доставили ко мнѣ одного жандарма-вѣшателя, прибывшаго изъ Шлезвига. Его поймали въ то именно время, когда онъ приступилъ къ вѣшанію одной

женщины. Вотъ каковы «мученики» польскаго дѣла, которыхъ «варварство русскихъ», къ величайшему изумленію заграничной журналистики, казнить смертію. Разскажу здѣсь о тѣхъ, которыхъ я велѣлъ повѣситъ самъ и которые были бы приговорены къ смертной казни во всякомъ другомъ государствѣ, даже въ свободной Англіи. При томъ, слѣдуетъ замѣтить, что во все время возстанія ни одна женщина не была казнена смертію. Вотъ тѣ, которые стали *мучениками* по моей милости.

Паулинскій, начальникъ жандармовъ-вѣшателей въ Влоцлавскомъ уѣздѣ за убійство 30 крестьянъ, 12 изъ которыхъ были разстрѣляны имъ заразъ, установленными въ рядъ. Сверхъ того онъ повѣсилъ беременную женщину, а ея ребенка приколотилъ гвоздями къ дереву. Корфина, предводитель жандармовъ-вѣшателей въ томъ же уѣздѣ за убійство 29 лицъ, въ числѣ которыхъ были двѣ женщины. Бляховскій, заступившій мѣсто Паулинскаго, за убійства, число которыхъ неизвѣстно. Копчинскій, который убилъ одну женщину и одного мужчину каменьями, а двухъ другихъ разстрѣлялъ, и другіе. Сообщаю вамъ эти подробности для того, чтобы, возвратясь въ Англію, гдѣ люди умѣютъ различать ложь отъ истины, вы могли защищать насъ и обнаружить все это передъ тѣми изъ соотечественниковъ вашихъ, которые захотятъ смотрѣть на вещи съ настоящей точки зрѣнія. Прибавлю еще подробность, которую я узналъ сегодня изъ письма, захваченнаго въ Варшавѣ. Письмо это писалъ одинъ изъ начальниковъ жандармовъ-вѣшателей, въ плоцкой губерніи, который, считая политическія убійства помощью кинжаловъ и веревокъ слишкомъ опасными для убійцъ, предлагаетъ замѣнить эти средства ядомъ, потому что послѣднимъ могутъ убивать приговоренныхъ даже женщины, которыя, какъ надѣется жандармъ-вѣшатель, не откажутся отъ этого патріотическаго труда.

Желаю вамъ счастливаго пути и надѣюсь вскорѣ увидѣться съ вами вторично. Влоцлавокъ 28-го января 1864 года. Князь Эмиль фонъ-Зайнъ--Витгенштейнъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

Мнѣніе одного пастыря юго-западной Россіи о послѣднихъ событіяхъ въ краѣ и о Вѣстникѣ [1]).

1) Всѣмъ извѣстно, что польскіе публицисты, придуманными ими теоріями на счетъ народности польской, пренаивно навязываютъ ее и чисторусскимъ западнымъ и юго-западнымъ провинціямъ Россіи, и эту ложь распространяютъ, подъ авторитетомъ исторической истины, и между русскимъ народонаселеніемъ нашей Волыни, тогда какъ Волынь и другія югозападныя и западныя провинціи русскія испоконъ-вѣка имѣли и имѣютъ свою особую русскую народность, вѣру и языкъ, бывшій даже въ эпоху польскаго владычества, въ теченіе многихъ вѣковъ, во всѣхъ этихъ провинціяхъ и на Волыни, языкомъ дипломатическимъ и оффиціальнымъ, чему служатъ непререкаемымъ доказательствомъ актовыя книги, сохранившіяся доселѣ и писанныя по русски.

2) Также всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время вся польская и ополячившаяся шляхта, съ ксендзами своими, всѣми средствами, какія только можетъ изобрѣсть ея религіозно-политическій фанатизмъ, старается поколебать въ нашемъ православномъ, русскомъ народѣ вѣрноподданническую преданность Государю Императору и, съ этою цѣлью, явно и тайно заискиваетъ, всѣми возможными хитростями, довѣріе народа, братается съ нимъ, обезьянничаетъ въ свиткахъ его, кумается съ нимъ, сулитъ ему золотыя горы, чтобы привлечь его на свою сторону для задуманной ею давней, пагубной для народа солидарности съ Польшей. Народъ всегда былъ и будетъ противъ польскаго панства, не довѣрялъ ему и не довѣряетъ; но, по своему простодушію, безсознательно, противъ воли своей, можетъ попасться въ разставленныя для него пропагандой сѣти, если только небудетъ предваренъ и вразумленъ своими пасты-

---

[1]) Достойнѣйшій пастырь церкви, выписывая Вѣстникъ, вошелъ въ разсужденіе о настоящихъ отношеніяхъ польскихъ агитаторовъ къ русскому въ югозападномъ краѣ Россіи элементу. Взглядъ о. П. К. на эти отношенія не новъ; но намъ пріятно подѣлиться имъ съ читателями Вѣстника для дого, чтобы заявить образчикъ воззрѣнія православнаго духовенства на польско-русское дѣло и что бы мысли и чувства о. П. К. не прошли безслѣдно. Ред.

рями духовными на счетъ козней шляхты. Но какъ священники могутъ вразумлять пасомыхъ, обнаружить и разъяснить имъ тайные ксендзовъ и шляхты разнородные и разновидные происки противу православія и народности нашей, когда сами очень мало, и то по наслышкѣ, знаютъ объ этихъ проискахъ; когда они сами, безсознательно даже, принимаютъ къ себѣ напрашивающуюся шляхту въ воспріемники, хоть въ другую пару, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые священники В. уѣзда? Нѣкоторые же священники дозволяютъ прихожанамъ своимъ даже и въ первой парѣ воспринимать папистамъ отъ св. купели младенцовъ, подъ предлогомъ ихъ болѣзни и невозможности отыскать православныхъ воспріемниковъ въ селеніи, въ которомъ все народонаселеніе православное, кромѣ одного-двухъ лицъ латинствующихъ.

3) Вслѣдствіе указа святѣйшаго правительствющаго синода, отъ 15 февраля 1862 года, за № 625, волынскимъ епархіальнымъ начальствомъ все духовенство циркулярно было приглашено къ выпискѣ Вѣстника юго-западной и западной Россіи. Не знаю, радушно ли приняло это приглашеніе наше духовенство; но по моему понятію, этотъ журналъ, какъ органъ руководящій, имѣетъ, особенно въ настоящее время, громадное преимущество и значеніе для нашего края предъ всѣми журналами, выписываемыми духовенствомъ. [1]). По руководству одного этого журнала, духовенство и можетъ противо-дѣйствовать польской пропагандѣ, и благотворно содѣйствовать правительству проводить въ массы народныя идеи, служащія къ утвержденію православія, русской народности и не поколебимой, вѣрноподданнической преданности Государю Императору. Пора перестать намъ, русскимъ, няньчиться, церемониться съ этой шляхтою, согрѣвать за пазухою эту, нравственно и физически грызущую насъ,—руссиновъ, змѣю. По цѣлому бѣлому свѣту эта шляхта и ея ксендзы трубятъ ложь противъ насъ, нашей вѣры и народности. Пора же и нашему духовенству ополчиться противъ гнусныхъ ксендзо-шляхетскихъ лжей и клеветъ, при—

---

[1]) Душевно благодарны вамъ, о. П. К., за лестный отзывъ вашъ о нашемъ посильномъ дѣланіи и помѣщаемъ его потому только, что это вамъ угодно и что похвала ваша Вѣстнику такъ чистосердечна и безпристрастна, что не оскорбляетъ ни правды, ни скромности.

Ред.

вести на память нашему народу вѣковыя страданія, претерпѣнныя имъ, въ праотцахъ и отцахъ своихъ, подъ бывшимъ польскимъ гнетомъ, отъ фанатизма ксендзовъ и пановъ польскихъ и попраніе ими нашихъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ и объяснить цѣль и свойство ксендзо-шляхетскихъ хитростей, лукавствъ и обмановъ, которыми въ настоящее время хотятъ уловить народъ враги Россіи и православія. Но какъ могутъ исполнить приходскіе священники эту обязанность, если небудутъ имѣть подъ рукою вышеупомянутаго журнала въ руководство. Правда, народъ нашъ всосалъ съ матернимъ молокомъ недовѣріе къ польскому панству; но простота его весьма легко можетъ быть обманута врагомъ развитымъ, хитрымъ и неусыпнымъ, такъ что духовенство должно указывать ему опасности и защищать отъ уловленія. Мнѣ извѣстно, что послѣ 19 февраля сего года, многихъ помѣщиковъ бросили православные люди, бывшіе у нихъ въ услуженіи. И подѣломъ имъ! Теперь только они ясно поймутъ, что выиграли отступничествомъ предковъ своихъ отъ православной вѣры и народности русской. Ксендзамъ запрещено имѣть въ услуженіи православныхъ русскихъ людей, потому что ксендзы многихъ изъ нихъ совратили въ латинство. Если бы этотъ законъ былъ распространенъ и на помѣщиковъ, также много совратившихъ и совращающихъ православныхъ слугъ своихъ въ папизмъ, что видно изъ дѣлъ духовной консисторіи: тогда они мало-помалу добровольно возвратились бы къ русской народности и православію, которымъ измѣнили ихъ предки, тогда бы они не хлопотали за морями за горами у перецивилизованнаго запада о возвращеніи ойчизны, сидѣли бы дома спокойно на святой Руси, и, вмѣстѣ съ народомъ русскимъ, какъ это было за предковъ ихъ, въ нашихъ святыхъ храмахъ славили милосердаго Бога, просвѣтившаго ихъ мысленныя очи и наставившаго на путь истины. Но, при нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ, распространеніе этого закона и на помѣщиковъ еще, мнѣ кажется, не примѣнимо. За тѣмъ

4) Изъ всего сказаннаго я долженъ вывести то заключеніе, что всякая приходская церковь въ западной Россіи должна выписать и впредь выписывать, доколѣ будетъ издаваемъ, »Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи«. За деньгами, ручаюсь дѣло не станетъ; стоитъ только духовенству умѣть представить

прихожанамъ своимъ огромную пользу этого журнала для нихъ же самихъ, въ нынѣшнемъ ихъ вольномъ быту, пользу чтенія его въ приходскихъ школахъ ихъ дѣтямъ, и каждый изъ нихъ съ охотою пожертвуетъ ежегодно на выписку этого журнала одну, даже три коп., смотря по величинѣ прихода. Не обѣднѣетъ и духовенство, если къ складкѣ прихожанъ присоединитъ свою лепту. [1]) Пр. С. К.

25 апрѣля 1863 года.

Мозырскія письма.

IX.

Ясневельможные паны, кажется, и теперь не покинули намѣренія—снова попытать счастья... Имъ все мерещится, что современная энергичность западно-русскаго общества есть чувство переходное, есть продуктъ своеобразнаго увлеченія минутою. Паны, хотя теперь и притихли, но пропаганда ихъ не дремлетъ. Трудно представить, какъ эластична и незрима эта пропаганда, какъ она быстро измѣняетъ свой цвѣтъ и характеръ!.. Мнѣ кажется, что ляхи стараются теперь разыгривать предъ нами роль хладнокровныхъ зрителей того, что недавно совершалось. Каждый изъ нихъ, говоря о минувшей *рухавкѣ*, такъ искусно-отрицательно выгораживаетъ свою личность отъ участія въ ней чѣмъ бы то нибыло и даже отъ сочувствія этому воспаленію, что едвали возможно разыграть эту роль натуральнѣе. Для не опытнаго человѣка, незнающаго характера панскаго, можетъ показаться, будто у насъ были и есть особенные какіе то враги, а не тѣ, съ которыми имѣемъ мы удовольствіе бесѣдовать. Такихъ неопытныхъ *москаликовъ* ляхи стараются опутать чѣмъ только можно и прибрать не зримо для нихъ въ свои руки, на сколько то возможно. Пріѣзжаетъ русскій чело-

---

[1]) Мы доселѣ удерживались, по причинамъ весьма понятнымъ, отъ помѣщенія этого (и безчисленныхъ въ этомъ родѣ) отзыва на страницахъ Вѣстника. Но обстоятельства, которыхъ устранить мы не имѣли права, заставили насъ, противъ нашего желанія, сдѣлать это теперь, почти чрезъ полтора года послѣ полученія отзыва. Ред.

вѣкъ въ з. Русь и по неволѣ сталкивается съ ляхами, вступаетъ съ ними въ разныя сношенія. Горько, горько видѣть иногда, какъ эти ученики Лойолы ловятъ нашего брата! Обыкновенно начинается съ того, что ляхи стараются, по правиламъ своего катихизиса, *попасть въ тонъ* своей жертвы; а попавши въ этотъ тонъ, ляхамъ не трудно уже поддерживать и тактъ.... Сколько услугъ и вниманія отъ ляховъ, униженій и одолженій встрѣтитъ пойманный на іезуитскую удочку русскій!....

За то, съ другой стороны, сколько прижимокъ и пакостей испытываетъ тотъ изъ нашей братьи, кто остается твердъ, словно кремень, кого не уловятъ ни просьбы, ни взятки, ни улыбки, не истерики, ни другія хитрости!... Горе такому русскому! Чѣмъ можно и гдѣ можно, — ему непремѣнно подгадятъ..... Это аксіома, не требующая доказательствъ. Случилось мнѣ видѣть одного пріѣзжаго въ з. Русь чиновника, который на первыхъ же порахъ заявилъ, что онъ чисто русскій человѣкъ. Что же? ляхи давай распускать слухъ, что онъ отъ природы глуповатъ, что онъ даже спрашивалъ: «*какой вѣры жиды?*» и прочія т. п. глупости.—Истинно-русскіе получаютъ въ нашемъ краѣ между ляхами очень любезныя названія. Такъ, одинъ мировой посредникъ получилъ названіе *хлопскаго посредника*, про одного члена одной повѣрочной коммиссіи (предъ которымъ благоговѣетъ все русское населеніе) ляхи говорятъ, что онъ бѣшеная собака, сорвавшаяся съ цѣпи....

Пусть бы себѣ дѣло кончалось на этихъ любезностяхъ. Не хорошо то, что эти нелѣпости, распространяясь въ толпѣ, усвояютъ иногда названіе нашему брату *неуживчивыхъ, черезъ-чуръ рьяныхъ, портящихъ дѣло своею горячностью* или т. п.

Но унывать и падать духомъ отъ такихъ низостей было бы такъ же непростительно, какъ было бы безчестно ловиться на польскія приманки и измѣнять русской чести и долгу. Но для этого нужно что бы истинно-русскіе люди, живущіе въ захолустьяхъ з. Руси, были менѣе разрозненны, тѣснѣе сближались между собою и составляли свои кружки, не допуская въ нихъ волковъ въ овечьей шкурѣ. Такое поведеніе истинно-русскихъ, ничуть не будетъ экцентрично. Вѣдь не такъ давно было время, когда ляхи отплевывались отъ насъ, какъ отъ нечистой силы, и замыкались въ кружки, гдѣ работали, чѣмъ только

можно было, для импровизированной своей «*ойчизны*». Но, къ сожалѣнію, группировка нашего западно-русскаго общества какъ то не клеится, что доставляетъ несказанное наслажденіе ляхамъ и недоляшкамъ.... А вѣковѣчная истина гласитъ. что домъ *раздѣлившійся на ся, не станетъ*.... сближаться съ ляхами намъ не приходится. Мы должны помнить ихъ стародавнюю пословицу: «*якъ святъ святемъ,—такъ полякъ москалеви не бендзе братемъ*», и не должны забывать завѣта нашихъ предковъ: *съ ляхами дружи, а камень за пазухой держи*». Исторія насъ оттолкнула отъ ляховъ и нужны вѣка, колоссальныя ломки, историческіе метаформозы, чтобы намъ сблизиться съ ними. Пусть они фактически покажутъ, что они не ляхи, не написты, а русскіе, — тогда мы повѣримъ имъ. А теперь....

Григорій Кулжинскій.

Г. Мозырь.

ПРИГЛАШЕНІЕ

Отъ Маріавильской церкви (могилевской губерніи [1]).

Крайняя нужда и безчеловѣчное разореніе уніатами моей церкви заставляютъ взывать къ вамъ, православные соотечественники, и именемъ Божіимъ просить вашей помощи.

И къ вамъ, собратія во Христѣ и сослужители алтаря Господня, моя братская просьба. Ниже прописанное Приглашеніе прошу прочесть въ церкви предъ своими прихожанами въ

---

[1]) Это приглашеніе получено редакціей Вѣстника при слѣдующемъ письмѣ: „Горькія обстоятельства вынуждаютъ меня безпокоить васъ своею просьбою; простите мою смѣлость, мнѣ очень прискорбно и совѣстно, что нельзя обойдтись безъ этого безпокойства, чтожъ дѣлать въ крайности!

Нищенское положеніе и безчеловѣчное разореніе приходскаго моего храма глубоко трогаютъ душу служителя церкви. Больно смотрѣть на храмъ Господень въ его безвыходной бѣдности! Помочь бѣдѣ мѣстными средствами и думать не можемъ и не смѣемъ; народъ

болѣе многолюдное собраніе православныхъ въ воскресный или праздничный день,—не окажетъ ли кто и изъ нихъ въ нищетѣ нашей посильной помощи. Не оставьте просьбы моей для славы святаго имени Божія, да не оставитъ и васъ Господь Своимъ благодатнымъ посѣщеніемъ. Выслушайте же съ терпѣніемъ краткое описаніе злополучнаго положенія моей церкви.

Маріавильская приходская моя церковь, могилевской губерніи, климовицкаго уѣзда—издревле православная. При уніи въ здѣшнемъ краѣ, церковь эта много пострадала, лишившись всего имущества и даже святыни своей—явленнаго образа Божіей Матери; все это ограблено уніятами. Когда же началось возсоединеніе унитовъ съ православными, то первые, выходя изъ своихъ монастырей, ничего не оставляли послѣ себя, стараясь все разорять. Уѣзжая отсюда, уніаты лишили всего и маріавильскую церковь и кромѣ однѣхъ стѣнъ ничего не оставили: какое имущество можно было забрать, забирали, остальное же предавали пламени. Самый явленный образъ Божіей Матери, захваченный у православныхъ, предъ выходомъ своимъ изъ Маріавилья, уніяты скрыли и затаили Но Царицѣ небесной не угодно было, чтобъ явленный Ея образъ былъ въ униженіи

здѣшній совершенно разоренъ, онъ едва-едва имѣетъ пушной [1]) насущный хлѣбъ. Отъ помѣщиковъ тоже нечего ждать. Что же дѣлать?! Будьте великодушны, примите просьбу служителя Христова съ любовію и христіанскимъ рвеніемъ. Прилагаемое при семъ Приглашеніе къ благотворенію прошу помѣстить въ издаваемомъ вами журналѣ. За вашу услугу и такую жертву, моя приходская церковь въ своихъ молитвахъ предъ престоломъ нашего Судіи—Бога никогда не забудетъ васъ. Не оставьте просьбы служителя алтаря Господня, не оставитъ васъ Господь Своимъ благодатнымъ посѣщеніемъ.

Отвѣтъ редакціи. Помѣщаемъ Ваше, о. Михаилъ, приглашеніе съ особеннымъ удовольствіемъ и отъ души желаемъ, чтобы побольше добрыхъ душъ симпатично и благотворно отозвалось на ваше трогательное воззваніе. Ред.

---

[1]) Пополамъ съ мякиною хлѣбъ называется тамъ пушнымъ. Въ немъ такъ мало хлѣбныхъ частицъ, что, зажегши его дома, можно занести огонь въ лѣсъ, поле верстъ за пять и далѣе.

и пренебреженіи. Уніяты, гдѣ только ни держали образъ Божіей Матери, постоянно видѣли на себѣ гнѣвъ Божій и потому, наконецъ, они тайно подбросили православнымъ этотъ образъ, который и до нынѣ хранится въ храмѣ Маріавидьскомъ. Только теперь на этомъ образѣ нѣтъ уже ничего; всѣ драгоцѣнности— золото, серебро, жемчугъ и вся риза съ иконы была снята и украдена унитами. Св. икона и доселѣ стоитъ обнаженною, не имѣя даже приличнаго кіота. Самый храмъ Божій, со времени разоренія и до сихъ поръ, не можетъ хоть сколько нибудь оправиться; въ церкви кромѣ маленькаго, убогаго иконостаса нѣтъ ни одной иконы; сосуды, облаченія, свѣтильники, хоругви, плащеница—все это такія вещи, что даже грѣшно держать, а не только употреблять въ храмѣ. И церковь, отъ самаго малаго, во всемъ нуждается. Домъ, гдѣ теперь помѣщается причтъ, уніяты также не оставили цѣлымъ,—они все разбивали, ломали, грабили, такъ что послѣ нихъ весь домъ причта представлялъ почти развалины. Теперь, безъ всякой съ того времени поддержки, всѣ постройки до того уже обветшали и развалились, что жалко смотрѣть и страшно жить въ нихъ; не говоримъ уже о томъ, что, живя въ развалинахъ, какихъ болѣзней не перенесешь съ семьею въ продолженіи года! Поддержать сколько нибудь зданіе, при теперешнихъ обстоятельствахъ и здѣшнихъ средствахъ, и думать не чего. Народъ до того обѣдненъ и разоренъ, что едва имѣетъ насущный хлѣбъ; на здѣшнихъ помѣщиковъ плохая надежда, а мы сами лишены всякихъ къ тому средствъ. Нужно при этомъ замѣтить, что всѣ зданія—(такъ какъ здѣсь прежде былъ монастырь) каменныя, поэтому для поддержанія и возобновленія ихъ требуются средства не маловажныя. Это еще болѣе дѣлаетъ наше положеніе безвыходнымъ. Православные добрые люди! Помогите, чѣмъ можете, вопіющей нуждѣ! Богъ вамъ воздастъ сторицею за доброе дѣло, а Царица небесная, образъ Которой вы прикроете и одѣнете, покроетъ васъ отъ всякаго зла Своимъ честнымъ омофоромъ и сохранитъ отъ бѣдъ, скорбей и болѣзней. Благодатныя дѣйствія Ея иконы не прекращаются и доселѣ. Маріавидьская церковь вѣчно будетъ поминать имена своихъ благотворителей.

Адресъ: могилевской губерніи, климовицкаго уѣзда, село Марія—вилль. Священникъ Михаилъ Соколовъ.

Первое собраніе кіевскаго св. Владимірскаго братства.

1864 года, августа 9 дня, было первое засѣданіе братства въ Софійскомъ митрополитанскомъ домѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита кіевскаго и галицкаго. Засѣданіе посвящено было избранію, на основаніи устава братства, предсѣдателя, членовъ совѣта, казначея и дѣлопроизводителя.

Въ началѣ засѣданія почетный попечитель, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ, заявилъ мнѣніе, что должность предсѣдателя совѣта братства справедливо возложить на каѳедральнаго протоіерея Кіево-Софійскаго собора, Крамарева, на томъ основаніи, что братство учреждено при Кіево-Софійскомъ соборѣ и что протоіерей Крамаревъ одинъ изъ учредителей братства, принимавшій наиболѣе дѣятельное участіе въ открытіи онаго. Мнѣніе высокопреосвященнѣйшаго митрополита было принято безъ возраженій. За тѣмъ общимъ единодушнымъ мнѣніемъ избранъ былъ казначеемъ братства тоже одинъ изъ учредителей, первый пожертвовавшій 1000 р. для братства, отставной подпоручикъ Бредихинъ, и въ сотрудники ему назначенъ ключарь каѳедральнаго собора протоіерей Оглоблинъ. Выборъ въ члены совѣта произведенъ посредствомъ балотировки. Выбраны большинствомъ голосовъ: намѣстникъ кіево-печерской лавры архимандритъ Варлаамъ, протоіерей Кіево-Софійскаго собора Ждановъ, протоіерей того же собора Каменскій, помощникъ попечителя кіевскаго учебнаго округа Михневичъ, генералъ-маіоръ Бобрищевъ-Пушкинъ, предсѣдатель кіевской палаты уголовнаго суда Виноградовъ, профессоръ кіевской духовной академіи Щеголевъ, профессоръ кіевскаго университета Гогоцкій, градской глава, купецъ Войтенко, и купецъ Савицкій. Равное число голосовъ получили: предсѣдатель казенной палаты Кобылинъ, совѣтникъ кіевскаго губернскаго управленія Бушевъ и купецъ Барскій. Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ заявилъ свое мнѣніе въ пользу выбора двухъ первыхъ, Кобылина и Бушева, на что члены братства изъявили согласіе. Въ дѣлопроизводители избранъ священникъ кіевской Спасской церкви Климентъ Ѳоменко.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

списка лицъ, вписавшихся въ кіевское св. Владимірское братство, съ означеніемъ количества пожертвованныхъ ими въ кассу братства денегъ.

Владиміръ Ивановичъ (по ошибкѣ пропущенный въ прежнемъ спискѣ.)Бутовичъ. . . . . 25 р.
Николай Кобылинъ. . . . . 10 —
Іосифъ Суковскій . . . . 5 —
А. Ключаревъ . . . . 20 —
Ѳ. Сабанѣевъ . . . . 6 —
Священникъ Климентъ Ѳоменко. . . . . 5 —
Генералъ Лосевъ . . . . 5 —
Ключаръ Кіево-софійскаго собора, Протоіерей Николай Оглоблинъ . . . . 10 —
А. Ивановъ . . . . 1 —
Директоръ кіевской 1-й гимназіи Алексѣй Андріяшевъ . . 5 —
Михаилъ Успенскій . . . . 5 —
Тайный совѣтникъ Алексѣй Войцеховичъ. . . . . . . 25 —
Владиміръ Короваевъ . . . . 5 —
Генералъ Соломка . . . . 5 —
Иванъ Малышевскій (пропущенный въ первомъ спискѣ по ошибкѣ) . . . . 5 —
Казначей лавры, іеромонахъ Евлогій . . . . 15 —
и ежегодно по . . . . 5 —
Благочинный, іеромонахъ Іона . . . . 15 —
и ежегодно по . . . . 5 —
Типографъ, іеромон. Лаврентій . . . . 5 —
Іеромон. Арсеній . . . . 15 —
Іеромонахъ Мардарій . . . . 5 —
Келарь, іеромон. Валентинъ . . . . 7 —
Игуменъ Иннокентій . . . . 7 —
Еклесіархъ, архиманд. Мелетій . . . . 25 —
Іеромон. Модестъ . . . . 7 —
Іеромонахъ Алексій . . . . 5 —

Іеромонахъ Софроній	5 р.
Іеромонахъ Викторъ	3 —
Анастасія Веселкина	5 —
М. А. Веселкинъ	5 —
Николай Всеволодовичъ Жадовскій	5 —
Мурашовъ	5 —
Николай Ивановичъ Полибинъ . . . . . , ...	5 —
Николай Константиновичъ Виноградскій	5 —
Наталія Викторовна Виноградская	5 —
Николай Петровичъ Бушевъ	5 —
Екатерина Васильевна Бушева	5 —
Иванъ Ивановичъ Кусатинскій	5 —
Константинъ Яковлевичъ Поповъ	5 —
Генералъ-маіоръ Семенъ Іосифовичъ Серебряковъ . . .	5 —
М. С. Серебряковъ прибавилъ къ прежнимъ	2 —
Подпоручикъ Сергей Өедоровичъ Тиньковъ	10 —
Флигель-адъютантъ, князь Кропоткинъ . , ...	15 —
Винницкаго собора (подольск. губ.) протоіерей П. Вознесенскій (ежегодно) по . , ...	1 —
Винницкаго-еврейск. училища учитель Николай Петровскій (ежегодно)	1 —
Священникъ Каллистъ Якубовичъ (ежегодно	„ —50 к.
Уѣздный (винниц.) стряпчій А. Титоренко (ежегодно) .	1 —
Викторъ Гогоцкій (ежегодно)	3 —
Надворный совѣтникъ М. Турчиновъ (ежегодно) . . .	5 —
Г. А. Левицкій (ежегодно)	„ —50 к.
П. Евтушевскій (ежегодно)	3 —
Архитекторъ Бушинскій (ежегодно)	1 —
С П. Сушковъ	10 —
Итого:	369
съ прежними:	2347 р. 30 к.

И такъ, братство кіевское ростетъ и крѣпнетъ. Дай Богъ ему восходить отъ силы въ силу, отъ славы въ славу и возрасти до объема и значенія древняго кіевскаго братства! Но этой высотѣ, широ-

ты и глубины оно можетъ достигнуть только при содѣйствіи его намѣреніямъ и дѣятельности всѣхъ друзей русской вѣры и народности, сочувствующихъ задачѣ свято-владимірскаго братства.

Ред.

14½ листовъ.

Содержаніе 1-й книжки „Вѣстника“ за 18$\frac{64}{65}$ г.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Большинство неисправностей въ полученіи книжекъ Вѣстника происходило въ прежніе годы отъ причинъ, устраненіе которыхъ превышало средства и усилія его редакціи. Не малая часть этихъ неисправностей была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неполноты и неразборчивости адресовъ,—особенно фамилій подписчиковъ, которыя прописывались иногда такимъ іероглифическимъ почеркомъ, что усиливаться разбирать его, значило бы терять напрасно время, безъ всякой надежды на успѣхъ этого занятія.

По этому редакція Вѣстника покорнѣйше проситъ еще разъ своихъ подписчиковъ прописывать свои адресы какъ можно точнѣй и разборчивѣе,—особенно фамиліи и мѣста жительства, при чтеніи которыхъ не поможетъ никакое соображеніе и которыя редакція проситъ покорнѣйше *писать отдѣльными, вполнѣ очерчеными буквами.*